

Филиппа Грегори
Вайдекр, или Темная страсть
Серия «Вайдекр», книга 1

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126858
Вайдекр, или темная страсть: Эксмо; Санкт-Петербург; 2011
ISBN 978-5-699-51349-9*

Аннотация

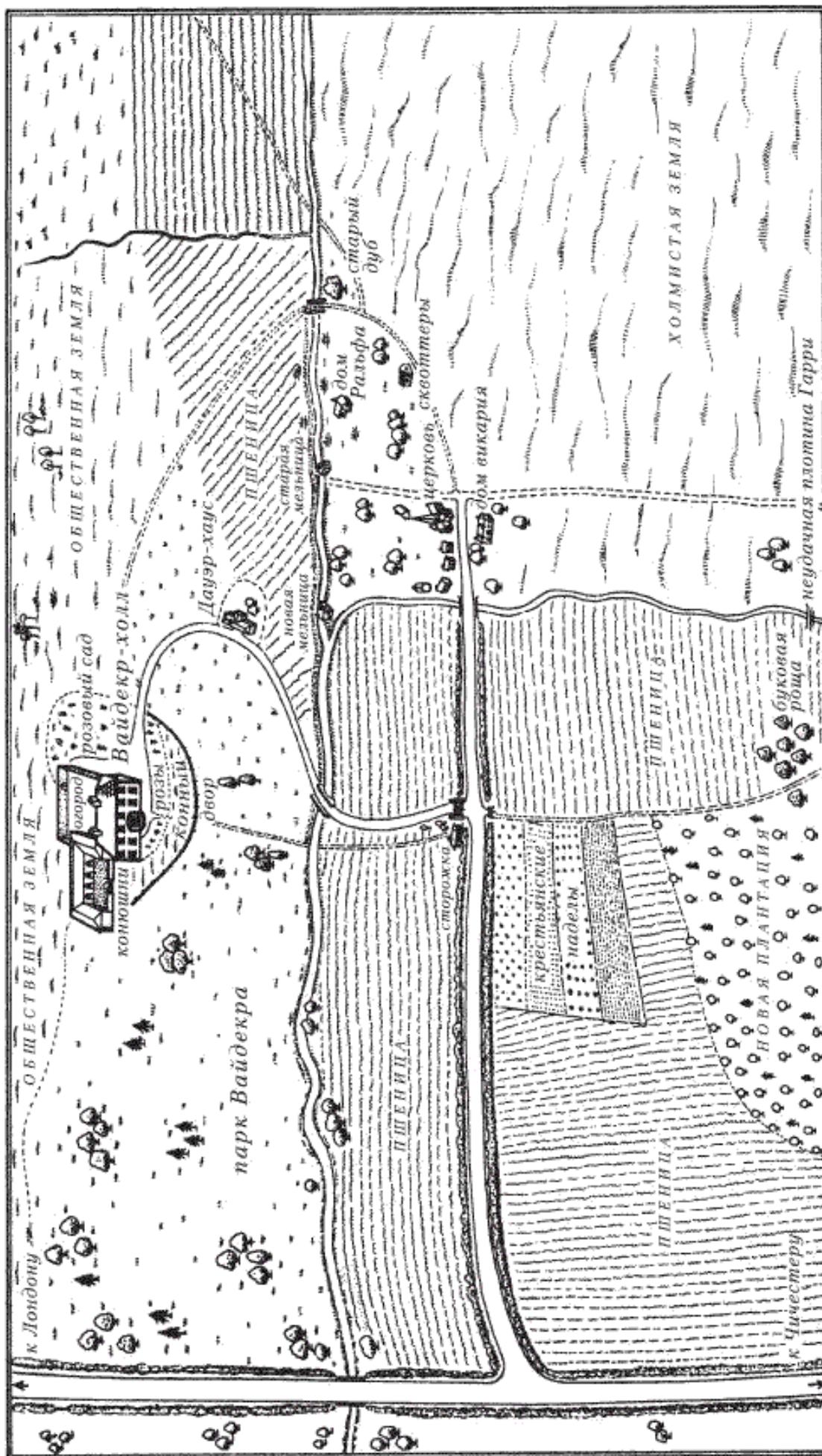
С самого детства Беатрис Лейси, дочери владельца поместья Вайдекр, внушали, что она здесь хозяйка и может всем распоряжаться. Однако когда Беатрис повзрослела, оказалось, что она не имеет никаких прав на эту землю и что поместье наследует ее брат Гарри. Ее горячая любовь к Вайдекру перерастает в одержимость. Теперь вся жизнь Беатрис посвящена тому, чтобы завладеть поместьем. Ради этой безумной страсти она готова пожертвовать своей первой любовью, готова лгать и соблазнять, готова даже на самые ужасные преступления...

Филиппа Грегори – одна из самых популярных современных английских писательниц. Ее блистательные исторические романы об английских королях и королевах переведены на многие языки, а роман «Еще одна из рода Болейн» стал мировым бестселлером и экранизирован (в главных ролях Скарлетт Йохансон и Натали Портман).

Содержание

ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	17
ГЛАВА 3	27
ГЛАВА 4	42
ГЛАВА 5	55
ГЛАВА 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Филиппа Грегори Вайдекр, или темная страсть

ГЛАВА 1

Вайдекр-холл был обращен фасадом на юг, и солнце весь день освещало желтые камни его стен, пока к вечеру они не становились теплыми и шероховатыми на ощупь. В течение дня солнце путешествовало от одного ската крыши до другого, и фасад дома никогда не оставался в тени. Когда я была маленькой, я часто собирала лепестки цветов в розовом саду либо слонялась без дела по конному двору. Тогда мне казалось, что Вайдекр¹ – это центр Вселенной и солнце по утрам всходит на востоке только для того, чтобы ало-розовым вечером упасть в наши западные холмы. Свод небес мне тоже казался вполне подходящей границей наших владений. Вселенной управляли Бог и ангелы, менее грозным, но гораздо более значительным был мой отец, сквайр, владелец поместья.

Сколько помню себя, я всегда обожала его, моего чудесного отца, светловолосого, краснолицего, громкоголосого англичанина. Разумеется, когда я маленькая лежала в своей белой кружевной колыбельке в детской, я не подозревала о его существовании. Предполагаю, что и свои первые шаги я сделала не к нему, а к рукам моей матери. Но моя память не сохранила детских воспоминаний о ней. Вайдекр заполнял мое сознание, а сквайр Вайдекра представлялся мне правителем мира.

Одно из моих первых, самых ранних воспоминаний хранит тот день, когда кто-то подал меня отцу, а он поднял меня над седлом своего громадного каурого жеребца. Мои маленькие ножки беспомощно болтались в воздухе, пока меня не усадили в большое лоснящееся седло. Руки отца бережно придерживали меня. В одну руку он дал мне вожжи и велел придерживать другую за луку седла. Мой взор оказался прикованным к грубой красновато-коричневой гриве и блестящей спине животного. Чудовище подо мной задвигалось, и я уцепилась еще крепче. Его шаги казались мне чуть ли не приключившимся вдруг землетрясением, а длинные паузы между цоканьем копыт заставляли меня каждый раз врасплох. Но руки отца крепко держали меня, и я смогла наконец поднять глаза от мускулистой, гладкой спины лошади, сначала к его длинной шее, затем к чутко прядущим ушам... И вдруг предо мной предстала дивная панорама Вайдекра.

Наша лошадь скакала длинной аллеей из буков и дубов, ведущей от крыльца нашего дома. Кружевные тени деревьев лежали на весенней траве и испещренной колеями дороге. На обочинах аллеи виднелись бледно-желтые звездочки первоцвета и более яркие, солнечные цветы чистотела. Запах сырой от дождя земли, темный и влажный, наполнял воздух подобно пению птиц.

Вдоль аллеи проходила дренажная канава, ее желтые камешки и белого цвета песок казались чисто промытыми журчащей водой. С такой замечательной высоты я могла видеть всю ее, даже крошечные острые следы оленя, побывавшего на ее берегу ночью.

– Все в порядке, Беатрис? – Голос отца прозвучал за моей спиной подобно грому.

Я кивнула. Видеть деревья Вайдекра, ощущать запах его земли, дуновение его ветра, ехать без шляпки, без коляски и даже без мамы было высшим наслаждением.

– Хочешь попробовать поскакать? – спросил он.

Я опять утвердительно кивнула, уцепившись маленькими пальчиками за седло. Поступь коня сразу же изменилась, и деревья вокруг меня резко накренились и заплясали, а горизонт задвигался странными, болезненными прыжками. Я подпрыгивала, как щепочка на воде, наклоняясь то в одну, то в другую сторону и с трудом выпрямляясь. Отец сказал что-то лошади, и ее шаги удлиннились. К моему удивлению, горизонт вдруг выровнялся, хотя

¹ Название поместья образовано из английских слов wide – широкий, обширный, и асге – акры. (Здесь и далее примеч. перев.)

деревья продолжали мелькать так же быстро. Я немножко расслабилась и смогла перевести дух и оглядеться. Уцепившись за седло, как блоха, и подставив лицо ветру, я почувствовала, как тени и солнечные блики скользят по мне и по гриве лошади, как сияет мир вокруг меня, и радость переполнила мою душу, и крик восторга вырвался, казалось, из самой груди.

Слева лес поредел, склон холма уходил вниз, и я увидела поля, уже покрытые ярко-зелеными весенними всходами. На одном из них заяц, громадный, как щенок гончей, стоял на задних лапках и следил за нами, темные кончики его ушек двигались в такт цоканью копыт нашего коня. На другом поле женщины, выстроившиеся в темную однообразную линию, согнулись над бороздой и, казалось, клевали в ней что-то, как воробьи на широкой черной спине коровы, перед севом очищая землю от сорняков.

Ровный бег коня замедлился, перейдя опять в зубодробительное подсакивание, и мы остановились у закрытых ворот. Из задней двери сторожки выбежала женщина и, торопливо пройдя мимо стайки кур, поспешила открыть ворота.

– Какая очаровательная молодая леди сопровождает вас сегодня, – приветливо сказала она. – Вам понравилась прогулка, мисс Беатрис?

Сзади меня раздался смешок отца, но я, находясь на вершине гордости и блаженства, только кивнула в ответ, подражая высокомерному снобизму матери.

– Сейчас же поздоровайся с миссис Ходжетт, – сурово приказал мне отец.

Миссис Ходжетт весело рассмеялась.

– Оставьте. Малышка сегодня такая важная. Я получу ее улыбку в тот день, когда испеку для нее пирожок.

Послышался тот же смешок, и я, наконец смягчившись, улыбнулась миссис Ходжетт. Отец тронул поводья, и мы поскакали прочь.

Мы не стали сворачивать налево, на дорогу в Экр, как я ожидала, а устремились вперед, туда, где я не была прежде. До сих пор мои экскурсии проходили либо в коляске с мамой, либо в сопровождении няни, в повозке, запряженной пони, но никогда еще я не бывала там, куда можно добраться только верхом. Эта тропинка повела нас мимо полей, не гладко-однообразных, как наши, а словно испещренных заплатками. Здесь располагались наделы всех крестьян Экра. До нас донесся запах плохо прокопанной дренажной канавы, по краям которой буйно цвел чертополох. Отец поморщился, и лошадь, повинаясь его знаку, поскакала быстрее. Ее легкие шаги уносили нас все выше и выше, мимо полянок с полевыми цветами и заманчиво выглядящих домиков, окруженных изгородями из шиповника и вьющегося терновника.

Затем и полянки, и домики – все осталось позади, и мы достигли буковой рощи на вершине холма. Прямые, стройные серые стволы возвышались, как колонны кафедрального собора. Ореховый древесный запах щекотал мои ноздри, марево впереди казалось входом в какую-то сияющую пещеру за милю и милю отсюда. Лошадь с разбегу вырвалась из рощи, и мы после ее сумрака окунулись в солнечный свет, очутившись на самой высокой точке южных холмов, на вершине целого мира.

Я оглянулась назад, и весь Вайдекр открылся мне, как впервые увиденная страница волшебной книги.

Прямо из-под ног лошади круто уходили вниз склоны холма. Легкий ветер доносил до нас запахи молодых побегов и свежевспаханых полей. Под его дуновениями трава клонилась то в одну, то в другую сторону, как волнующиеся течениями реки водоросли.

На буковую рощу, через которую мы только что скакали, я теперь смотрела сверху, как жаворонок, и видела только густые кроны деревьев, покрытые блестящими изумрудными листочками и крохотными влажными почками каштанов. Серебряные березки дрожали на ветру, как язычки пламени.

Справа от нас Экр разбросал дюжину своих беленьких опрятных коттеджей. Дом викария, церковь, деревенские грядки располагались вокруг огромного, стоящего в самом центре деревушки каштана. Позади них, отсюда казавшиеся миниатюрными, как коробочки, виднелись лачуги сквоттеров,² претендующих на общественную землю. Эти лачужки, крышей которым служила солома, а иногда просто остов сломанной телеги, даже издали резали глаз своей бедностью. Зато к западу от Экра, подобно желтой жемчужине, лежащей на зеленом бархате, среди высоких гордых деревьев и просторного парка возвышался Вайдекр-холл.

Отец вынул поводья из моих пальцев, и большая голова лошади склонилась низко к траве.

– Замечательное место, – сказал он как бы про себя. – Не думаю, что во всем Суссексе найдется что-нибудь более красивое.

– Папа, в целом мире нет ничего красивее, – с уверенностью четырехлетнего ребенка ответила я.

– Гм, – мягко улыбнулся мне отец. – Может быть, ты и права.

Когда мы возвращались домой, отец шел рядом с лошадьёю, придерживая разлетающиеся оборки и кружева моей юбочки, пока я в горделивом торжестве возвышалась на спине могучего гиганта. Потом он прошел вперед, оглядываясь и давая на ходу инструкции.

– Сядь ровнее! Подбородок выше! Руки опусти! Не натягивай так поводья! Хочешь поскакать? Ладно, выпрямись и сожми ее бока пятками. Вот так! Хорошо!

Его радостное лицо превратилось в смутно белеющее пятно, а я уцепилась изо всех сил за подпрыгивающее седло, объятая страхом.

Совершенно самостоятельно я проскакала до конца аллеи и с триумфом остановила лошадь у террасы. Но аплодисментов не последовало. Мама скептически посмотрела на меня из окна гостиной, затем вышла на террасу.

– Поди-ка сюда, Беатрис. Ты очень долго отсутствовала. Отведите, пожалуйста, мисс Беатрис наверх, выкупайте и переоденьте ее, – сказала она, жестом подзывая няню. – Вся ее одежда должна быть выстирана. А то наша девочка пахнет как грум.

Они свергли меня с вершины блаженства, и глаза отца с сочувствием наблюдали за мной. Торопливо направившись к дому, няня неожиданно остановилась.

– Мадам! – обратилась она к маме, и ее голос дрогнул.

Они увидели, что все кружева моей юбочки запятнаны кровью. Быстро подняв ее, мама с няней обнаружили, что мои колени и лодыжки стертые до крови краями седла.

– Гарольд! – с укором произнесла мама.

Это был единственный вид упрека, который она себе позволяла. Отец приблизился и поднял меня на руки.

– Почему ты не сказала, что тебе больно? – спросил он, и его глаза сузились. – Я бы на руках отнес тебя домой. Почему ты мне ничего не сказала, малышка?

Мои колени болели, как будто их обожгло крапивой, но я ухитрилась улыбнуться.

– Мне понравилось скакать на лошади, папа. И я хочу снова поехать на ней.

Глаза отца заблестели, и раздался его глубокий счастливый смех.

– Сразу видно, что ты моя дочка! – воскликнул он в восторге. – Хочет опять скакать, ну как вам это нравится? Ты обязательно будешь ездить верхом. Я завтра же поеду в Чичестер и куплю тебе пони, и ты сразу же начнешь учиться верховой езде. Скакала, пока не сбила колени, и это в четыре года, а? Нет, это точно моя дочка.

Все еще смеясь, он повел лошадь на конный двор, а я осталась вдвоем с мамой.

² Сквоттер – человек, незаконно поселившийся на незанятой земле.

– Мисс Беатрис лучше отправиться прямо в постель, – приказала она няне. – Она устала за сегодняшний день. Больше она скакать верхом не будет.

Разумеется, я снова и снова ездила верхом. Мама была воспитана в традициях женской покорности и послушания главе дома, и противоречить отцу она могла не больше чем полминуты. Спустя несколько дней после моей прогулки с папой, когда еще не зажили ссадины на моих коленях, мы услышали мягкий стук копыт по гравию и окрик «Эй!» у входной двери.

Когда я выскочила наружу, я увидела моего отца верхом на своем жеребце, наклонившегося к самому крохотному пони, которого я когда-либо видела. Пони принадлежал к новой дартмурской породе, его шкурка была темной и гладкой, как коричневый бархат, а черная гривка закрывала всю мордочку. Через секунду мои руки уже обвивали его крутую шею, а губы шептали что-то прямо ему в ухо.

Прошел еще один день, и няня подала мне крохотную копию женской амазонки, которую я стала надевать для ежедневных уроков верховой езды. Их давал мне сам папа. Никогда не учивший никого скакать на лошади, он стал заниматься со мной так же, как занимался с ним когда-то его отец. Я ездила по кругу на мягком лугу, чтобы было не так больно падать. Падение за падением в мокрую траву – и я не всегда находила в себе силы подниматься, улыбаясь. Но папа, мой чудесный папа, был терпелив как бог, а маленькая Минни имела добрый и мягкий нрав. А я, я была прирожденным бойцом.

Не прошло и двух недель, как я уже начала выезжать с папой верхом. Минни шла на длинном поводке позади папиного жеребца и казалась маленьким карасиком, пойманном на длинную удочку.

А несколько недель спустя после нашей первой экспедиции папа освободил нас от этого ученического поводка и позволил мне скакать одной.

– Ей можно доверять, – коротко заметил он в ответ на тихие увещевания мамы. – Вышивать она всегда успеет начать. А научиться держаться в седле лучше в раннем возрасте.

На дорогах и полях Вайдекра сквайр и маленькая мисс, папин огромный жеребец и подпрыгивающая за ним Минни стали вскоре привычной картиной. Сначала мы прогуливались от тридцати минут до целого часа после обеда. Затем я стала кататься верхом и по утрам. Летом 1760 года – а оно было особенно сухим и жарким – я скакала с папой целыми днями, и исполнилось мне к тому времени полных пять лет.

Это были золотые годы моего детства, и даже сейчас я хорошо помню их. Мой маленький брат Гарри не пропустил ни одной детской болезни, к тому же все боялись, что он унаследовал слабое мамино сердце. А я была бодра как птичка и никогда не проводила ни дня без верховой прогулки с папой. Гарри же просидел всю зиму взаперти, одолеваемый простудами, лихорадками и насморком, с хлопчущими вокруг него мамой и няней. И только к весне, когда задул теплый ветер, напоенный запахом согретой земли, он начал выздоравливать. Во время сенокоса, когда я целыми днями наблюдала с папой, как косили высокие зрелые травы и собирали их в стога, Гарри опять сидел взаперти, так как у него началась аллергия на запах свежескошенной травы. Его жалобные «апчхи-апчхи» доносились целыми днями из-за закрытых дверей, и время сбора урожая он провел таким же образом. Осенью, во время охоты на лисят, когда папа пообещал разрешить мне охотиться вместе с ним, Гарри опять сидел в детской либо, в лучшем случае, у камина в гостиной со своими вечными недугами.

Годом старше, он был выше и плотнее меня, да и вообще мы мало походили друг на друга. Если мне изредка удавалось вовлечь его в битву, я неизменно одерживала верх и тузила его, пока он не начинал звать на помощь. Но он был добрым мальчиком и никогда не бранил меня за свои синяки и ушибы. И мне не хотелось проучить его.

Мы почти никогда не возились вместе, не боролись и даже не играли в прятки в комнатах и галереях Вайдекр-холла. Гарри получал удовольствие, только сидя с мамой в гости-

ной и читая книжки. Он любил наигрывать небольшие пьески на фортепьяно или читать маме вслух разные печальные стихи. Проживи я хоть несколько часов жизнью Гарри, мне кажется, я бы неизлечимо заболела. Один день, проведенный в спокойной компании мамы и брата, выматывал меня больше, чем долгие скачки по полям верхом следом за папой.

Когда плохая погода вынуждала меня оставаться дома, я просила Гарри поиграть со мной, но у нас не находилось общих занятий. Пока я хандрела, слоняясь по темной библиотеке, где меня привлекали только книги регистрации папиных лошадей, Гарри устраивал себе на подоконнике мягкое гнездышко из диванных подушек и сидел в нем целыми часами неподвижно, как пухлый лесной голубь, с книжкой в одной руке и сладостями – в другой. Если вдруг ветер разгонял тучи и выглядывало солнышко, Гарри смотрел в окно на мокрый сад и говорил:

– Еще слишком сыро. Ты намочишь свои чулки и туфли, Беатрис, и мама будет тебя ругать. Оставайся со мной.

И Гарри опять оставался дома, посасывая конфеты, а я выбегала в сад, где на каждом листочке, темном и блестящем, сидела дрожащая капелька дождя, которую так и тянуло слизнуть. В каждом тугом, тяжелом цветке тоже таилась сверкающая как бриллиант капля. Если дождь настигал меня во время моих бесконечных скитаний, я всегда могла найти убежище в плетеной беседке в розовом саду и оттуда наблюдать, как падают на землю его косые струи. Но гораздо чаще я вообще старалась не замечать его и продолжала либо гулять по залитому водой выгону, позади мокрых пони, либо по тропинкам буковой рощи, а иногда спускалась к речке Фенни, которая серебряной змейкой извивалась вдоль опушки леса и позади выгона.

Итак, хотя мы с Гарри были близки по возрасту, мы росли совершенно чужими. Обычно дом, в котором растут двое детей, особенно если один из них шалун, никогда не бывает очень тихим, но мне кажется, жизнь у нас проходила довольно спокойно. Брак моих родителей состоялся скорее из материальных соображений, чем по обоюдной склонности, и для нас, для слуг и даже для жителей деревни было очевидно, что они раздражают друг друга. Мама находила отца грубым и вульгарным. И папа действительно часто оскорблял ее чувство собственного достоинства громким, бесцеремонным смехом, протяжным суссекским выговором, своими панибратскими отношениями со всеми мужчинами в округе, неважно, были ли они нищими батраками или почтенными арендаторами.

Мама считала, что ее городские манеры служат примером для всего графства, но в действительности над ними просто смеялись. Ее манерная семенящая походка высмеивалась и передразнивалась каждым шутником в деревне.

Наше торжественное посещение приходской церкви во главе с высокомерно выступающей мамой и с Гарри, по-утиному переваливающимся за ней, заставляли меня буквально сгорать от стыда. Я успокаивалась, только когда мы достигали нашей скамьи, и в то время, когда мама и Гарри начинали истово молиться, совала руку в папин карман и принималась перебирать находившиеся там сокровища. Складной ножик отца, его носовой платок, колосок пшеницы или кусочек горного хрусталя, специально припасенный для этого случая, казались мне более важными, чем святое причастие, и более реальными, чем катехизис.

Когда после воскресной службы мы с папой спешили на церковный двор узнать деревенские новости, мама и Гарри торопливо пробирались к коляске, боясь инфекций и стесняясь неуклюжих деревенских шуток.

Мама пыталась приблизиться к деревенской жизни, но ей не удавалось чувствовать себя естественно с людьми. Когда она интересовалась их здоровьем или спрашивала об их детях, это выглядело чрезвычайно принужденно, как будто ей не было до этого никакого дела (а это в действительности обстояло именно так) или она считала их жизнь не заслуживающей внимания (что тоже было правдой). Поэтому, должно быть, в ответ несчастные

поселяне бормотали что-то невнятное, как идиоты, а их жены глупо теребили в руках передники и молчали.

– Я совершенно не понимаю, что вы в них находите, – томно жаловалась мама после очередной своей неудачной попытки. – Они такие неотесанные.

Они действительно были неотесанными. Но не в том смысле, который придавала этим словам мама. Просто они говорили то, что думали, и поступали в соответствии со своими желаниями. Конечно, в ее присутствии они становились неловкими и косноязычными. А что бы вы ответили леди, которая, сидя в коляске, с высокомерным видом расспрашивает вас о том, что вы подавали мужу вчера на обед? Каждому было ясно, что ей нет до этого никакого дела. А больше всего их забавляло то, что, задав по наивности такой же вопрос, например, жене самого удачливого браконьера, она рисковала получить правдивый ответ: «Одного из ваших фазанов, миледи».

Конечно, папа все это понимал. Но есть вещи, которые нельзя объяснить. Мама и Гарри жили в мире слов. Они прочитывали огромные горы книг, присылаемых им из Лондона. Мама писала длинные подробные письма своим сестрам и братьям в Кембридж и Лондон, тетушке в Бристоль. Она исписывала целые страницы сплетнями, болтовней, стихами и даже словами из песен, которые надлежало выучить.

Папа же и я жили в мире, где слова значили очень мало. Когда надвигающаяся буря могла помешать сенокосу, мы оба чувствовали себя как на иголках, и достаточно было одного кивка, чтобы один из нас отправлялся в одну сторону, а другой – в другую, чтобы предупредить людей об опасности. Меня не приходилось учить некоторым вещам, я знала их еще до рождения, потому что я родилась и воспитывалась в Вайдекре.

Что же касается остального мира, то он едва ли занимал наши мысли. Когда мама, держа в руках письмо, появлялась в комнате и, обращаясь к отцу, произносила: «Представь...» – он только кивал и отвечал: «Представляю». Интерес пробуждался в нем, лишь когда речь заходила о ценах на шерсть или пшеницу.

Конечно, мы навещали многие семьи графства. Зимой мама с папой посещали балы, а нас с Гарри всегда возили на детские праздники в соседские семьи: к Хаверингам в Хаверинг-холл – это поместье находилось в десяти милях к западу от Вайдекра, – и к де Курси в Чичестер. Но это были лишь эпизоды, корни нашей жизни уходили глубоко в землю Вайдекра, и главные ее события проходили в стенах Вайдекрского парка.

После дня, проведенного в седле или на пахоте, папа ничего так не любил, как выкурить сигару в розовом саду, вечерком, когда в жемчужном небе зажигались звезды, а в воздухе скользили летучие мыши. В это время мама со вздохом отворачивалась от окна и садилась писать длинные письма в Лондон. Даже мои детские глаза видели, что она глубоко несчастна. Но власть сквайра и его земли крепко держала ее.

То, что она тяготилась одиночеством, проявлялось лишь в ее пространственных письмах, а также в ее разногласиях с отцом, которые не приносили ни побед, ни поражений, а просто выливались в постоянное недовольство.

Бедная женщина! Она не имела никакой власти в доме. Ни над хозяйственными деньгами, которые дворецкий или повара отдавали прямо отцу, ни над расходами на собственные туалеты, которые оплачивались самим отцом. Только раз в несколько месяцев она получала несколько фунтов на карманные расходы: на церковный сбор, на благотворительность, на коробку сладостей. Но даже эти ничтожные суммы зависели от ее поведения: однажды, когда она позволила себе слишком резко поговорить с отцом, эти денежные подарки странным образом прекратились. Даже спустя семь лет эта обида настолько жгла маму, что она не выдержала и поделилась ею со мной.

Но меня это нисколько не беспокоило. Я была папиной дочкой. Может быть, именно поэтому мама безумно любила своего белокурого сына, отвечавшего ей взаимностью, а меня

вновь и вновь пыталась отучить от верховой езды и приохотить к гостинной, которая, по ее мнению, была единственным подходящим для девочки местом, независимо от ее склонностей.

– Почему бы тебе не остаться сегодня дома, Беатрис? – спросила она меня однажды за завтраком.

Папа только что поел и уже ушел, а она с отвращением отвернулась от его тарелки с дочиста обглоданной громадной костью и огрызками хлеба.

– Я поеду с папой, – пробормотала я с набитым ртом, успев откусить недюжинный кусок мяса.

– Я знаю, что ты собиралась ехать, – резко возразила она, – но прошу тебя остаться дома. Побудь сегодня со мной. Я хочу нарвать в саду цветов, а ты могла бы расставить их в вазы. А после полудня мы поедem на прогулку. Или заедem к Хаверингам. Тебе будет приятно поболтать с Селией, ты ведь так ее любишь.

– Извини, мама. – Я была упряма, насколько может быть упрямо семилетнее дитя. – Но я обещала папе пересчитать овец на выгонах, и это займет у меня весь день. С утра я поеду на западные пастбища и вернусь домой только к обеду. А потом до вечера я пробуду на восточных пастбищах.

В ответ мама поджала губы и опустила глаза. Но я не обратила внимания на ее раздражение и удивилась, услышав в ее тоне боль и обиду:

– Беатрис, я не могу понять, что с тобой происходит. Раз за разом я прошу тебя провести со мной дома хотя бы полдня, и постоянно у тебя находится что-нибудь более важное. Меня это, в конце концов, просто обижает. К тому же молодой леди не подобает скакать одной, без сопровождающих.

Я застыла от удивления, и вилка с куском ветчины тоже замерла на полпути.

– Ты удивлена, Беатрис? – гневно продолжала мама. – Но в нормальной семье тебе не пришло бы в голову с утра до вечера носиться верхом по полям. Но вы с отцом помешаны на лошадях. Больше я этого не потерплю.

Я испугалась. Настойчивый мамин протест против моих ежедневных прогулок мог означать только возврат к жалким занятиям, приличествующим молодой леди. Для меня это стало бы пыткой.

В холле раздался голос отца, и дверь резко распахнулась.

– Ты все еще ешь? – прогремел он. – Кто тянет с завтраком, тот опаздывает на поле. Тебе сегодня надо многое успеть сделать. Поторопись.

Я не знала, что отвечать, и взглянула на маму. Она молчала. И тут я разгадала ее игру. Она поставила меня в трудное положение. Пойди я с отцом, я бы тем самым выразила ей открытое неповиновение. А послушайся я отца, еще неизвестно, какой оборот приняло бы дело. Я решила.

– Мама говорит, что сегодня мне нужно остаться дома, – сказала я невинным голосом.

– Беатрис отправится на выгоны, – коротко бросил он. – Остаться дома она может завтра. Сегодня некому присмотреть за овцами.

– Молодой девушке не следует проводить целые дни в седле. Я беспокоюсь за ее здоровье.

– Что ты имеешь в виду? – недоуменно поднял брови отец. – Она и дня не болела в своей жизни.

Мама все еще сдерживалась. Такие перебранки не к лицу леди.

– Это неподходящее воспитание для девушки, – тихо сказала она. – Проводить время, болтая с грубыми мужчинами. Заводить знакомства с арендаторами и батраками и разъезжать по округе без всякого сопровождения.

Голубые глаза отца сверкнули гневом.

– Эти грубые мужчины, между прочим, кормят вас.

А арендаторы и батраки платят за ваших лошадей, платья, туфли. Вы бы вырастили обыкновенную белоручку, если бы она не знала даже, что растет на земле и каким путем достигается благосостояние.

Мама, сама белоручка с детства, уже находилась в опасной близости к тому, чтобы забыть, что леди никогда не спорят с мужьями и не дают воли гневу.

– Тем не менее Беатрис нужно воспитывать, как воспитывают молодых леди, – настаивала она. – Она не станет управлять фермой, когда вырастет. И ей надлежит вести себя подобающим образом.

Папа покраснел от гнева.

– Она – хозяйка Вайдекра. – Он начал говорить слишком громко, и чашки на столе подпрыгивали в такт его словам. – И что бы она ни сделала, как бы себя ни вела, ею и останется. На этой земле ее слово всегда будет законом.

Мама была бледной от непривычной борьбы.

– Ну что ж, – процедила она сквозь зубы. – Пусть будет как вы приказываете.

Она встала из-за стола, взяв свою шаль и письма. Я видела, как дрожат ее пальцы. Она едва сдерживалась, чтобы не дать волю горьким, обидным слезам. Отец не посторонился, чтобы пропустить ее в дверях, и она стояла перед ним с выражением ледяной ненависти на лице.

– Да, именно так, – продолжал греметь отец. – Нося это имя, Беатрис может делать все, что угодно, на этой земле. Вам не нужно бояться за нее, мэм.

Мама стояла как статуя, пока он не пропустил ее. После этого она вышла, не уронив достоинства, своей изящной походкой. Папа повернулся ко мне, сидевшей в полном молчании.

– Тебе ведь не хотелось бы оставаться дома, правда, Беатрис? – спросил он с интересом.

– Я – хозяйка Вайдекра, и мое место – на земле, – твердо ответила я, слезла со стула, и мы рука об руку вышли из дома.

Мама наблюдала за мной из окна гостиной. Забравшись на пони и почувствовав себя в полной безопасности, я подъехала к террасе. Мама вышла, томно и неторопливо подметая своими надушенными юбками ступени, ее глаза шурились от солнечного света. Я извиняющимся жестом протянула ей руку.

– Прости, мама, и не грусти. Я могу остаться дома завтра, – предложила я.

Но мама не стала подходить к перилам. Она очень боялась лошадей.

– Я стараюсь понять тебя. – Она подняла на меня глаза. Ее голос был грустным и полным жалости к себе. – Мне кажется, все, что ты любишь, – это земля. По-моему, ты и папу любишь только потому, что он хозяин этой земли. Твое сердце полно Вайдекром настолько, что там вряд ли найдется место для других чувств.

Пони забеспокоился, и я погладила его по шее. Тогда мама отвернулась и пошла к двери, оставив меня в довольно глупом положении. Я отпустила поводья, и мы поскакали по вымощенной гравием аллее на простор. Солнечный свет падал на мое лицо, тени деревьев весело плясали на земле, и я очень скоро забыла о несчастной женщине, только что оставленной мной, – впереди была свобода и работа, которую мне предстоит сделать.

Гарри, мамин любимец, тоже разочаровал маму. Его не привлекали ни зеленые холмы, ни меловые карьеры Вайдекра, ни даже наша серебряная речка Фенни. Он пользовался любым предлогом задержаться у нашей тетушки в Бристоле и говорил, что вид городских труб и крыш для него гораздо приятнее нашего пустынного и широкого горизонта.

И когда отец высказал мнение, что Гарри следует отдать в школу, мама побледнела и протянула руки к своему единственному сыну. Но глаза брата блеснули радостью, и он тут же согласился уехать. Бедная мама оказалась бессильна противиться отцовской уверенности,

что Гарри нуждается в лучшем образовании, чем его собственное, и спокойному желанию уехать, высказанному самим Гарри. В августе, когда брат опять захворал, мама, няня и все четыре горничные спешно готовились к отъезду из дома одиннадцатилетнего героя. Папа и я старались спастись от этой суматохи. Целые дни мы проводили на пастбище. Гарри же целые дни торчал в библиотеке, читая новые учебники или выбирая книги для школы.

– Неужели ты хочешь уехать, Гарри? – однажды недоверчиво спросила я.

– Почему бы нет? – удивился он, ежась от сквозняка.

– Оставить Вайдекр. Это невозможно! – воскликнула я и беспомощно замолчала.

Если он не понимал, что ничто на свете не может быть упоительней запаха летнего ветра над Вайдекром, а горсть нашей земли дороже целого акра любой другой, то я не знала, как это можно объяснить словами.

Мы говорили на разных языках. Мы даже не были похожи внешне. Гарри напоминал отца белокурыми волосами и широко расставленными голубыми глазами. От мамы он унаследовал тонкую кость и прелесть улыбки. Но наша мама редко улыбалась, а лицо Гарри всегда сияло улыбкой беспечного херувима. Даже раздражительность и спесь, которые он тоже перенял от мамы, не могли испортить его доброго и веселого нрава.

Я же была отпрыском наших норманнских предков и основателей рода. Рыжие и хитрые, они пришли с Вильгельмом Завоевателем и, едва увидев прекрасные земли Вайдекра, повели за них борьбу и сражались до тех пор, пока ложью, изворотливостью и коварством не получили своего. Это от них, моих предков, я унаследовала рыжевато-каштановые волосы, но такие, как у меня, ярко-зеленые глаза, косо посаженные над высокими скулами, не сияли ни на одном из портретов семейной галереи.

– Она – подменьш,³ – говорила в отчаянии мама.

– И будет основателем своей собственной породы, – умиротворяюще отвечал отец. – Может быть, она станет хорошенькой, когда вырастет.

Золотым локонам Гарри не суждено было долго виться. Их коротко остригли, чтобы надеть первый парик, это входило в подготовку к школе. Мама горько плакала, когда волосы красивыми кольцами падали на пол, а глаза Гарри сияли от волнения и гордости, когда папин парикмахер впервые заплел косичку у него на голове. Вообще все это время мама не переставала лить слезы. Она плакала о локонах, плакала, собирая его белье, плакала, покупая огромные коробки конфет, чтобы подсластить первые самостоятельные шаги героя. Уже за неделю до отъезда Гарри мама пролила такие потоки слез, что даже он сам находил это чрезмерным, а мы с папой каждый день спасались на самых дальних выгонах.

Наконец Гарри уехал, отбыл, как молодой лорд, в фамильном экипаже с двумя лакеями и даже в сопровождении папы. К моей чести, я тоже пролила несколько слезинок, но видела их только Белла. Это была моя первая верховая лошадь, купленная папой специально, чтобы утешить меня после отъезда брата. Но вот экипаж Гарри пропал за поворотом, и я сразу перестала терзаться мыслями о нем.

Другое дело – мама. Она проводила долгие одинокие часы в гостиной, переключая старое шитье, сортируя вышивки и гобелены, расставляя цветы в китайских вазах или наигрывая какую-нибудь мелодию на фортепьяно. Неожиданно звуки замолкали, рука бессильно падала, и мама сидела, глядя за окно в парк, но видя перед собой только своего единственного сына. Затем, глубоко вздохнув, она вновь либо склонялась к шитью, либо продолжала прерванную мелодию.

Солнечный свет, такой радостный в саду и лесах, не щадил мамину гостиную. От него выгорали и краски ковров, и золото маминих волос. И в то время как она увядала в четырех стенах, мы с папой все скакали и скакали верхом, болтая с арендаторами, наблюдая за

³ Подменьш – по английским поверьям, ребенок, оставленный эльфами взамен похищенного.

созреванием урожая, за работой мельницы на речке, пока не начинало казаться, что весь мир принадлежит только нам.

Мы все знали о деревне. Родившимся в ней детям обычно давали наши имена: Гарольд или Гарри – в честь папы и брата, Беатрис – в честь мамы и меня. Если умирал кто-то из арендаторов, то мы с отцом либо помогали его семье, если они намеревались уезжать, либо заключали договор с наследниками, если семья оставалась.

Словно маленькая императрица, скакала я рядом с отцом – самым богатым помещиком нашего графства, милостиво кивая нашим работникам, глядя, как они поспешно сдергивают шапки и кланяются.

Бедный Гарри был лишен всего этого. Для него не существовало это счастье – видеть нашу землю в любое время года и в любую погоду: вспаханные поля, спокойно ожидающие своего часа под первым снежком, и зеленые моря пшеницы в разгаре лета. И пока я так росла на воле, сама себе госпожа, Гарри хандрил в школе, посылая домой жалобные письма маме, отвечавшей ему посланиями на голубой бумаге, закапанной слезами.

В первый год ему пришлось очень плохо в школе, вдали от мамы и ее тихой гостиной. Когда Гарри приехал в школу, все мальчики уже успели разбиться на разные группировки со своими племенными обычаями, и бедного Гарри мог терзать и мучить каждый, кто был хоть на дюйм выше или на месяц старше. Когда начался второй учебный год и приехали новые, более юные жертвы, жизнь Гарри стала легче. На третий год Гарри сильно вырос и стал взрослым мальчиком, которого уже раздражала его внешность херувима. Все чаще и чаще, когда он приезжал домой на каникулы, его сундучок бывал набит сладостями, подаренными другими детьми.

– Гарри так любят в школе, – с гордостью говорила мама.

Каждые каникулы он рассказывал мне о лихих выходках предводителя их группы. Как каждый семестр они устраивают военную вылазку против городских ребят. И как героем неизменно оказывается Стоули, младший сын лорда Стоули, собравший вокруг себя, по словам Гарри, самых красивых, умных и сильных ребят школы.

Это увлечение Гарри школой только расширило пропасть между нами. Он подхватил господствовавший там тон высокомерия и, наскучив мне буквально до слез рассказами о своем кумире Стоули, не находил со мной никаких больше тем для разговора. С отцом же Гарри был неизменно вежлив; сначала его энтузиазм к занятиям наполнял отца гордостью, но затем стал раздражать, так как Гарри совершенно определенно предпочитал проводить время в библиотеке, а не в полях.

Только с мамой он оставался прежним Гарри, и они вдвоем с удовольствием проводили долгие безмятежные дни, перечитывая и исписывая горы бумаги, пока мы с отцом в любую погоду, в любое время дня или года носились на лошадях по нашей земле. Гарри мог приезжать и уезжать, когда ему вздумается, он был словно гость в своем доме. Он никогда не принадлежал Вайдекру, как принадлежала ему я. В то же время отец и земля являлись неотъемлемой частью моей жизни. Мы не могли существовать друг без друга с тех самых пор, как я увидела волшебную панораму Вайдекра, представшую предо мной поверх холки лошади. Отец, земля и я всегда должны были быть вместе.

ГЛАВА 2

– Я не знаю, что я буду делать, когда ты уедешь отсюда, – однажды невзначай сказал мне отец, когда мы отправились в Экр к кузнецу.

– Я никогда не оставлю тебя, – ответила я с непоколебимой уверенностью, лишь наполовину вслушиваясь в его слова.

Мы вели на поводу рабочих лошадей, которых надо было подковать. Папе на его громадном жеребце это не составляло труда, а для меня, на моей деликатной кобылке, вести крупную лошадь было довольно трудно, и я напрягала все силы, чтобы не отставать от него.

– Но когда-нибудь все-таки придется, – невозмутимо произнес отец, глядя далеко вперед, где трудилась вторая смена лошадей, вспахивая тяжелую после зимы землю. – Ты выйдешь замуж и уедешь куда-нибудь со своим мужем. Может быть, ты станешь первой леди при дворе. При нашем дворе это нетрудно, так как все придворные дамы набраны из безобразных немецких женщин, их еще называют «ганноверские крысы». Как бы то ни было, ты покинешь наши края и тебе не будет никакого дела до Вайдекра.

Я рассмеялась. Сама мысль об этом была настолько нелепой, а взрослая жизнь казалась такой далекой, что моя вера в триединство отца, меня и земли ничуть не поколебалась.

– Я не стану выходить замуж, – беззаботно сказала я, – а останусь здесь и буду работать и присматривать за Вайдекром, как мы с тобой делаем это сейчас.

– Видишь ли, – мягко ответил мне отец, – когда меня уже не станет, хозяином здесь будет Гарри, и я бы хотел, чтоб к тому времени у тебя был собственный дом. К тому же, Беатрис, это сейчас тебе хватает забот о земле, а через несколько лет тебя больше будут волновать балы и наряды. Кто же станет тогда присматривать, например, за зимней посевной?

Но я все еще не могла воспринять его слова всерьез, детская наивная уверенность говорила мне, что хорошее никогда не кончается.

– Гарри ничего не знает о земле, – нетерпеливо повторила я, – если его спросят, что такое «короткий рог»,⁴ то он ответит, что это музыкальный инструмент. Он не бывает здесь месяцами. Он даже не виде нашего нового парка. А ведь это была моя идея, и ты посадил деревья именно там, где захотела я. И еще назвал меня маленьким прирожденным лесничим и пообещал мне, что, когда я вырасту, мне сделают стул из одного из этих деревьев. Гарри просто не может быть здесь хозяином, ведь он всегда отсутствует.

Я все еще не понимала. Я все еще была очень глупенькой. Хоть я достаточно часто видела, как старшие сыновья наследуют ферму, в то время как младшие работают на ней, как обычные поденные рабочие, или идут служить солдатом, чтобы заработать денег на свадьбу, а терпеливые подружки ждут их. Я никогда не задумывалась над этим.

Я не могла и вообразить, что правило, когда старшие сыновья наследуют все, применимо и ко мне. Мне казалось, что этот суровый, несправедливый закон является такой же неотъемлемой чертой жизни бедных, как ранняя смерть, плохое здоровье, голод зимой. Эти вещи никогда не касались нас.

Странно, но я ни разу не думала о Гарри как о сыне и наследнике, так же как я никогда не думала о маме как о хозяйке Вайдекра. В моей жизни они были только фоном для славы сквайра и моей. Поэтому слова отца ничуть не встревожили меня, они просто прошли мимо.

Мне еще предстояло многое узнать. Я никогда не слышала о майорате – законе, по которому крупные поместья всегда переходят к наследнику мужского пола, даже если бы сотня сестер росли с ним, обожая эту землю. Как любой ребенок, я все еще концентрировала

⁴ От *англ.* short horn; поголовье молодого скота.

свое внимание на том, что казалось мне интересным и забавляло меня, а размышления о следующем хозяине Вайдекра были так же далеки от меня, как арфы в небесах.

Пока я старалась побыстрее выбросить неприятные мысли из головы, папа придержал лошадь, чтобы поболтать с одним из наших арендаторов, подстригавшим свою изгородь.

– Доброе утро, Жиль, – поздоровалась с ним я, небрежным кивком головы подражая великолепной снисходительности отца.

– Доброе утро, мисс. – Жиль с поклоном коснулся изуродованной артритом рукой полей шляпы.

Он был несколькими годами младше отца, но под бременем бедности состарился раньше срока. Вечная работа на сырых полях, промерзших дорогах и во влажных дренажных канавах скрутила артритом его суставы, и теперь бесчисленные тряпки обматывали его тощие ноги. Его коричневая рука с навсегда ввевшейся грязью (это была наша грязь!) казалась узловатой и скрюченной, как ствол гнилого дерева.

– Мисс становится важной маленькой леди, – сказал он моему отцу. – Грустно небось думать, что она скоро покинет вас.

Я непонимающе уставилась на старика, пока отец рукояткой своего хлыста невозмутимо заправлял веточку, выбившуюся из изгороди.

– Ну что ж, – медленно сказал он, – таков вечный порядок. Мужчина должен управлять землей, а девушкам следует выходить замуж. – Он помолчал. – Наш молодой хозяин вернется домой, когда закончит со своими книжками. Времени у него впереди достаточно. Ему нужно многое знать, чтобы правильно управляться с хозяйством. А для девушки достаточно и того, чему научит ее мать.

Я слушала молча. Даже моя лошадь замерла, а рабочие кобылы опустили головы, словно слушая, как мой отец разрушает безмятежный мир моего детства тяжелыми, мертвыми словами.

– Да, она хорошая девочка и разбирается в делах не хуже иного бейлифа,⁵ даром что такая молоденькая. Но рано или поздно она выйдет замуж и уедет отсюда, а Гарри займет мое место. Тут-то и пригодится ему его учеба.

Жиль неторопливо кивнул. Последовало молчание. Долгое деревенское молчание, прерываемое лишь весенним пением птиц. В тот бесконечный полдень, который положил конец моему детству, никто никуда не спешил. Мой отец сказал все, что у него наболело, и теперь молчал. Жиль ничего не отвечал, ни о чем не думал, безмятежно глядя перед собой. Я тоже не произносила ни слова, потому что не могла справиться с неожиданно нахлынувшей болью. С легким пощелкиванием, как движущийся механизм странных, жестоких часов, встали передо мной картинки из моей будущей взрослой жизни. Драгоценный старший сын всегда наследует землю, а никому не нужные дочери могут отправляться куда угодно, за любым человеком, который согласится взять их. А то, что меня оставили в Вайдекре, оказывается, не было знаком доверия и любви, так же как отъезд Гарри не был ссылкой, просто я даже не стоила затрат на мое образование.

Обучение Гарри не отрывало его от жизни в Вайдекре, а просто подготавливало его к ней. Пока я наслаждалась свободой и положением единственного ребенка в семье, Гарри рос, становился сильнее, набирался опыта и сил, чтобы вернуться и выставить меня из своего дома. Любовь отца больше не принадлежала мне. Его любовь не принадлежала мне больше. Не принадлежала.

И я глубоко-глубоко вздохнула, но так тихо, что никто не услышал. Любовь отца предстала передо мной в новом свете. Он любил меня очень сильно, но не мог отдать мне Вайдекр. Он хотел для меня самого лучшего, но это могло быть только вечной ссылкой из един-

⁵ Бейлиф – в Англии управляющий имением.

ственного места на земле, которое я любила. Будущее он связывал только с Гарри и забывал обо мне. Забывал обо мне.

Так одним теплым майским днем, по пути в Экр, кончилось мое детство. Спокойная уверенность в том, что земля, которую я любила больше всего, принадлежала мне, покинула меня, и я больше никогда не смогла ее почувствовать. Я оставляла свое детство с болью в сердце и с душой, переполненной обидой и гневом. Я входила во взрослую жизнь с привкусом горечи и неоформившимся убеждением, что мне надо бороться. Мне не следует покидать Вайдекр. Мне не следует уступать свое место Гарри. Если мир устроен так, что девочкам приходится оставлять свой родной дом, значит, этот мир должен измениться. Я меняться не буду.

– Вам следует побыстрее переодеться, – сказала мама, как всегда, недовольным тоном.

Она стояла посредине конного двора, придерживая двумя руками подол своего нарядного зеленого шелкового платья, чтобы не запачкаться. В разговоре со мной она всегда выбирала такой же недовольный тон, как и тогда, когда она разговаривала с отцом. От нее я узнала, что не обязательно спорить и настаивать на своем, можно просто повернуться спиной, окатив собеседника ледяным высокомерием. Если б не отец, она, наверное, была бы более открытой, чистосердечной натурой. Но в его присутствии ее чувство собственного достоинства быстро переходило в обычное раздражение. То, что было прямоотой и честностью, становилось просто невысказанной враждебностью.

– Тебе нужно поспешить и переодеться к обеду в розовое платье, – повторила она с ударением, пока я, соскользнув с седла, передавала поводья поджидавшему конюшенному. – Сегодня у нас гость – директор школы, в которой учится Гарри.

Отец метнул на нее долгий вопросительный взгляд.

– Да, – как бы защищаясь, повторила она. – Я пригласила его сюда. Я беспокоилась о нашем мальчике. Сожалею, Гарольд, мне, конечно, следовало рассказать тебе раньше, но я не ожидала, что он приедет. Я написала ему некоторое время назад. Впрочем, я, кажется, рассказывала тебе прежде... – Тут она смешалась и замолчала.

Я видела возраставшее раздражение отца, но ответ его прозвучал приветливо, так как на пороге появился худой, одетый во все черное человек и медленно спустился в розовый сад.

– Доктор Ятли! – воскликнул отец с деланной радостью. – Как приятно вас видеть! Какой сюрприз! Я бы обязательно остался дома и встретил вас, если б знал, что вы приедете.

Гость кивнул в ответ и улыбнулся, но у меня создалось впечатление, что передо мной один из самых холодных и пронизательных людей в мире. Я присела в реверансе и еще раз искоса на него взглянула. И сразу поняла, что это не был обычный светский визит. Этот человек имел какую-то определенную цель, которая сильно его тревожила. Я заметила, как настороженно смотрит он на отца, и удивилась этому.

Было ясно, что мама и он о чем-то договорились. Она страстно ждала возвращения Гарри домой, чтобы заполнить пустоту в своей жизни. Доктор Ятли, по причинам, которые я пока не могла понять, разделял ее желание, так что поневоле выступал против самого сквайра. Он так же стремился избавиться от Гарри, как мама мечтала заполучить его обратно.

Я спустилась к обеду, одетая в девическое розовое платье и вооруженная строгим запретом не говорить за обедом ни слова, кроме как в ответ на вопросы. Меня посадили напротив мамы. По господствовавшему в нашем доме правилу, отец всегда сидел во главе стола, а гость – на другом его конце, и они вели беседу поверх наших с мамой голов. Мы же, как существа низшие, сидели в молчании.

Было очевидно, что доктор Ятли намерен убедить отца забрать Гарри из школы, его дорогой, привилегированной школы. Хотя при этом он терял несколько сотен фунтов дохода,

да и ученик, которого за дополнительную плату нужно было готовить в университет, мог по традиции, отправляясь после окончания школы в обязательное путешествие по Европе, взять с собой одного из преподавателей. Таким образом, доктор Ятли оставался в убытке не меньше чем на несколько тысяч фунтов. В чем же причина? Что случилось такого, о чем нельзя было прямо сказать моему отцу и отчего доктор Ятли так легко расстается с большими деньгами?

Он был умным человеком, и пока о деле не говорилось ни слова. Гость хвалил ростбиф и вино (я заметила, что к столу подали кларет второго сорта). Было ясно, что он ничего не смыслит в сельском хозяйстве, но он втянул отца в беседу о нововведениях в нашем поместье. Отец оживился, стал более приветливым и даже пригласил доктора Ятли принять участие в охоте в следующем сезоне. Гость по-прежнему оставался холодно-вежлив.

Так как отец растаял окончательно и уже велел принести вторую бутылку кларета, мама поторопилась оставить джентльменов одних. Яблочную шарлотку отнесли на кухню нетрогнутой, к моему великому сожалению, – я была всего лишь четырнадцатилетним ребенком, целый день к тому же проскакавшим на лошади. Но мама неумолимо поднялась из-за стола, и мы вышли из гостиной, сопровождаемые вежливыми поклонами мужчин, оставшихся за вином и беседой.

Лицо мамы светилось радостью, когда она открывала свою рабочую корзинку и передавала мне мою вышивку.

– Твой брат приедет домой, как только окончится семестр, и больше никогда не вернется в эту ужасную школу, если только отец согласится, – возбужденно сказала она.

– Так рано? – Я инстинктивно обороняла свои позиции. – Почему? Что он сделал?

– Сделал? – Ее глаза смотрели прямо. – Ничего! Что он мог сделать? Его обижали эти ужасные мальчишки! – И она замолчала, выбирая подходящий тон шелка. – Когда он последний раз был дома, ему понадобилось поставить на грудь горчичник, может быть, ты помнишь?

Конечно, я не помнила. Но на всякий случай кивнула.

– Так вот, няня и я заметили синяки на его теле. Его били, Беатрис. Он попросил меня никому не говорить, но чем больше я думала над этим, тем лучше понимала, что его необходимо забрать оттуда. Я написала доктору Ятли, и он ответил, что займется этим вопросом. И вот сегодня он сам приехал сюда. – Голос мамы был полон гордости оттого, что она самостоятельно предприняла действия, принесшие результаты, да еще такие драматические. – Он говорит, что Гарри насильно вовлекли в одну из мальчишеских банд и они в своих играх использовали такие ужасные наказания. Их предводитель, самый худший из них, сын... – Она замолчала. – Впрочем, не важно. Так или иначе, этот мальчишка подружился с Гарри, сидел рядом с ним на занятиях, их кровати стояли рядом, а сам дразнил и обижал его весь семестр. Доктор Ятли говорит, что он не может их разлучить, и предлагает – о, только бы папа согласился! – учить Гарри дома и одновременно знакомить его с управлением поместьем.

Низко склоняясь над вышивкой, я незаметно для мамы иронически подняла брови. Как же, станет Гарри знакомиться с управлением поместьем. Он прожил здесь всю жизнь, но до сих пор не знает точно даже границ наших земель. Каждое воскресенье его возили через Вайдекрский лес, а он понятия не имеет, где там можно встретить гнездо соловья, а где в речке водится форель. Если Гарри захочет учиться управлять поместьем, будем надеяться, что он найдет это в книгах, так как он, бывая дома, никогда даже не выглядывает за окно библиотеки.

Но внезапно меня пронзила дрожь страха. Возвратясь домой по настоянию мамы, он вполне может стать тем сыном, которого хочет отец. Он станет наследником.

Так как джентльмены не возвратились в гостиную пить чай, мама рано отправила меня в постель. Горничная заплела мне на ночь косу, и я, отослав ее прочь, выскользнула из кровати и уселась на подоконнике. Моя спальня находилась на втором этаже, окнами на восток, как раз над полукружьем розового сада, огибавшего наш дом с восточной и южной стороны. Спальни родителей и Гарри выходили окнами на юг. Сидя у себя, я могла видеть залитый лунным светом сад и лес, подступавший вплотную к нашим воротам. На своих губах я ощущала дуновение ветра, напоенного ароматом цветущих лугов и влажного от росы; изредка до меня доносились трели неумолчного ночного дрозда и отрывистый лай лисицы. За окнами первого этажа раздавался голос отца, разглагольствовавшего о лошадях. Я уже поняла, что тихий человек в черном добился своего и скоро Гарри приедет домой.

Мои раздумья были внезапно прерваны появлением какой-то тени на лужайке перед домом. Я узнала нашего егеря, юношу моего возраста, в сопровождении собаки-ищейки, злейшего врага браконьеров. Увидев свечу на моем окне, он залез в сад (в котором ему совершенно нечего было делать) и подошел к моему окну (куда его тоже не приглашали). Несмотря на шелковую шаль, накинутую поверх ночной сорочки, я чувствовала себя неловко под горячим взглядом его глаз.

Когда-то мы были друзьями, Ральф и я. Однажды летом, когда Гарри болел особенно много и я была предоставлена самой себе, я наткнулась на незнакомого мальчика в нашем саду. И с высокомерием шестилетнего ребенка приказала ему уйти. В ответ он толкнул меня, и я упала в розовый куст. Но, увидев мое огорченное личико, он подал мне руку, чтобы помочь подняться. Я ухватилась за нее, выкарабкалась из куста и, едва встав на ноги, тут же укусила его за руку и кинулась бежать со всех ног. Но я побежала не в дом под защиту взрослых, а мимо нашего фамильного склепа в лес. Это была одна из тех никому не ведомых лазеек, которые помогали мне ускользнуть от мамы или няни. Но этому пронырливому мальчишке она оказалась, конечно, хорошо известна, и скоро он догнал меня.

Его грязное маленькое лицо сияло широкой ухмылкой, и я улыбнулась в ответ. Это стало началом нашей дружбы, продолжавшейся все лето и кончившейся так же внезапно и бездумно, как она и началась. Каждый день тем жарким, сухим летом я убегала от слишком занятой горничной и мчалась к Ральфу. Он обычно поджидал меня у речки, и все утро мы ловили рыбу или плескались в воде, лазали по деревьям, грабили птичьи гнезда, гонялись за бабочками.

Я была свободна, потому что мама и няня днем и ночью ухаживали за Гарри. Ральф же был свободен, потому что его мать, неряшливого вида женщина, хозяйка полуразрушенного коттеджа, совершенно не интересовалась ни тем, куда он пошел, ни тем, чем он занимается.

Это делало его прекрасным товарищем, и мы без усталости носились по вайдекрским лесам, пока мои маленькие ноги не начинали болеть от усталости.

Мы играли как деревенские детишки, мало разговаривая, но много делая. Однако лето скоро кончилось, Гарри поправился, и мама снова начала зорко следить за белизной моих передничков. По утрам я опять была занята уроками, и если Ральф и поджидал меня в лесу, где листья на деревьях приобрели желто-красный оттенок, то, во всяком случае, делал это недолго. Вскоре он уже ходил по пятам за егерем, изучая повадки дичи и набираясь опыта. Папе доложили о ловком парнишке, и в возрасте восьми лет Ральф уже получал пенни в день в сезон охоты.

Когда ему исполнилось двенадцать, он работал как взрослый мужчина, круглый год на половинном жалованье. Его мать была чужой в наших краях, отец пропал без вести, и это делало его свободным от семейных уз и, следовательно, опасным для контрабандистов. Он устроил вольеры для фазанов около своего коттеджа, который стоял на отшибе, у самой речки, и мог издали слышать приближение незваных гостей.

Восемь лет – большой срок в детской жизни, и я почти забыла то лето, когда маленький грязный оборванец и я были неразлучны. Но почему-то, когда во время наших с папой прогулок мы встречали Ральфа, я чувствовала себя неловко. Я никогда не останавливалась поболтать с ним, особенно когда бывала одна. И сейчас мне совсем не нравился тот самоуверенный вид, с которым он, прислонясь к стене, смотрел на меня.

– Вы простудитесь, – сказал он. У него был низкий голос, как у взрослого мужчины, и он сильно вырос за последние два года.

– Нет, – коротко ответила я, не двигаясь с места. Возможно, из чувства протеста. Мы помолчали.

– Охотитесь за браконьерами? – почему-то спросила я.

– Вроде того, – ответил он протяжным и медлительным выговором уроженца долин. – Ведь за девушками не станешь ухаживать с собакой и ружьем, не правда ли, мисс Беатрис?

– Вам, вообще-то, рано думать об ухаживании, – назидательно сказала я. – Вы не старше меня.

– Тем не менее мне это приходит на ум, – заявил он. – Мне нравится мечтать о нежной, ласковой девушке, когда ночью я брожу один в лесу. Я не слишком юн для ухаживания, мисс Беатрис. Действительно, мы одного возраста, но девушки пятнадцати лет тоже ведь думают о любви и поцелуях теплой летней ночью?

Его темные глаза не отрываясь смотрели на меня, и это мне нравилось; казалось, я испытывала какое-то странное сожаление оттого, что нахожусь так высоко от него, в полной безопасности.

– Леди, конечно, нет, – заявила я твердо в ответ на его вопрос. – Что же касается деревенских девушек, то у них, я думаю, есть занятия поважнее, чем думать о вас.

Ральф вздохнул. Наступила тишина. Его собака зевнула и улеглась у его ног. Он опустил голову и уставился в землю. Я всем сердцем хотела, чтобы он опять посмотрел на меня тем странным горячим взглядом. Я уже жалела, что говорила о себе как о леди, напоминая ему, что он простолюдин. Я не знала, что и сказать, горько раскаивалась в своем высокомерии. Но тут Ральф, переступив с ноги на ногу, перекинул ружье через плечо. Несмотря на темноту, было видно, что он улыбается и совсем не нуждается в моих сожалениях.

– Я полагаю, – медленно произнес он, – что между леди и деревенской девушкой нет никакой разницы, если имеешь дело с ними на сеновале или в лесу. Кроме того, – продолжал он, – мне кажется, если вы в пятнадцать лет чувствуете себя взрослой, то я и подавно. – Помолчав, он добавил: – Моя леди. – Голос его был наполнен лаской.

Я онемела от негодования, и, пока искала слова для ответа, Ральф свистнул собаке, которая следовала за ним подобно тени, повернулся и ушел, даже не попрощавшись. Он вел себя как хозяин на нашей земле, он шел гордо, как господин. Я была ошеломлена этой дерзостью. Затем, охваченная порывом гнева, я решила пожаловаться моему отцу, чтобы он велел отстегать Ральфа. Но на полпути остановилась. Не могла понять почему, но мне вовсе не хотелось, чтобы его отстегали либо выслали из Вайдекра. Он должен быть наказан, но не моим отцом. Я сама найду способ стереть эту дерзкую улыбку с его лица. Я бросилась в постель, строя планы мщения. Спать я не могла. Сердце громко стучало. Я была даже удивлена, что он вызвал во мне такой гнев.

Но к утру я совсем забыла о Ральфе. Совершенно. Однако, оседлав лошадь, я неожиданно поскакала в направлении его дома. Я знала, что он всю ночь стережет в лесу браконьеров, а значит, сейчас он отсыпается дома, в своем ужасном коттедже около заброшенной мельницы. Место здесь было неудобное, и еще мой дед велел выстроить новую мельницу выше по течению. Старая мельница разрушилась, а вместе с нею разрушился и наполовину ушел в землю домик мельника. Деревья вплотную подступали к его дверям, и я не сомнева-

лась, что, когда Ральф вырастет, ему придется проводить все время внутри, так как двери перестанут открываться. В общем, это была настоящая лачуга.

Его мать была черноволосой, широкой в кости женщиной. «Цыганка», – называл ее отец, на что моя белокурая мать только морщилась.

Мы часто ездили этой дорогой, отец останавливался у дверей, и Мэг выбегала к нам с высоко подоткнутой, чтобы не запачкать, юбкой, – ее коричневые от грязи и загара лодыжки так и сверкали. Но она встречала моего отца гордой, сияющей улыбкой, как равная, и выносила кружку домашнего эля. Когда он бросал ей монетку, она ловила ее, как бы забавляясь, и я часто замечала понимающую улыбку, которой они обменивались.

Похоже, что между ними не водилось секретов. Не раз и не два, выведенные из себя мелкими придирками матери, мы приезжали сюда, где нас встречала Мэг со своей пританцовывающей походкой и понимающим взглядом.

Все считали ее вдовой. Отец Ральфа, «черная овца» одного из старинных семейств графства в Экре, был призван во флот и там пропал без вести. Многие мужчины деревни провожали ее жадными глазами, но она не обращала на них никакого внимания. Только моему отцу, сквайру, дарилась улыбка этих темных глаз, остальные не достаивались даже ее взгляда.

– Сто лет назад ее, пожалуй, сожгли бы на костре, как ведьму, – говорил мой отец. В ответ мама опять морщилась.

Мэг, казалось, не удивилась моему появлению, да ее вообще ничто не удивляло. Она кивнула и с деревенским гостеприимством вынесла мне чашку молока. Сидя в седле, я выпила ее, и в это время из леса выскользнул Ральф, неся в руках двух кроликов. Его, как всегда, сопровождала собака.

– Мисс Беатрис, – поклонился он, приветствуя меня.

– Здравствуйте, Ральф, – милостиво сказала я. При ярком дневном свете его власть исчезла. Мэг забрала мою чашку и ушла. Мы остались одни.

– Я знал, что вы придете, – произнес он уверенно.

Мне показалось, что свет дня померк и опять настала ночь. Как загипнотизированный кролик, смотрела я в его темные глаза и не видела ничего вокруг, кроме его улыбки и мелких ударов пульса под загорелой кожей на шее. Этот высокий парень опять обрел власть прошлой ночи. Оказывается, он унес ее с собой. Я была очень довольна, что могу смотреть на него сверху вниз, с крупа моей лошадки.

– Неужели? – спросила я, бессознательно подражая тону моей матери.

Он круто повернулся и пошел к реке сквозь заросли кипрея. Не понимая, что я делаю, я спрыгнула с лошади, привязала поводья к ветхому забору и последовала за ним. Ральф шел, не оглядываясь и не поджидая меня. Он с независимым видом спустился к реке, затем повернул к развалинам старой мельницы.

Широкая дверь, ведущая внутрь, была открыта. Ральф не оглядывался, и я последовала за ним без приглашения. В полумраке старого помещения еще стоял теплый запах сена, под ногами лежал толстый слой соломы, наверх вела шаткая лестница.

– Хочешь увидеть гнездо ласточки? – безразлично спросил он.

Я кивнула. Считалось, что ласточки приносят счастье, и мне всегда нравились их сплетенные из глины и травы круглые гнезда. Ральф повел меня по лестнице, и я пошла за ним без колебаний. Он взял меня за руку, чтобы помочь подняться, и, когда я была уже рядом с ним наверху, не отпуская мою руку, окинул меня долгим, внимательным взглядом.

– Вот оно, – сказал он тихо.

Гнездо было построено под самой крышей и оказалось совсем рядом с нами. Пока мы смотрели на него, одна из ласточек стремительно подлетела к нему с крошечным комочком грязи в клюве, ткнула его в стенку гнезда и унеслась прочь. Мы молча стояли, наблюдая.

Ральф отпустил мою руку и вдруг обнял меня за талию, привлекая к себе. Затем его рука скользнула выше, к округлости моей маленькой груди. Не говоря ни слова, мы повернулись друг к другу, и он наклонился поцеловать меня. Его поцелуй был легким, как прикосновение крыла ласточки.

Его губы ласкали меня нежными, мягкими прикосновениями. Затем его объятия стали крепче, я почувствовала исходящую от него силу. Почти в обмороке от счастья, я почувствовала, как подгибаются мои колени, и мы опустились на устланный соломой пол.

Мы были наполовину детьми, наполовину взрослыми. Я, конечно, знала о спаривании животных, но понятия не имела о поцелуях и любви между людьми. Однако Ральф был деревенским парнем, уже год получал жалованье как взрослый и за выпивкой на равных принимал участие в мужских разговорах. Моя шляпка упала, когда я запрокинула голову, чтобы встретить его поцелуй, и это именно я расстегнула ворот своего платья навстречу его ищущим, неловким пальцам, и это именно я распахнула его рубашку, чтобы спрятать на его груди пылающее лицо.

Какой-то голос внутри меня сказал: «Это лихорадка. Я, наверное, заболела». Но мои ноги отказывались встать, я только дрожала и дрожала. Глубоко внутри меня росло какое-то странное, незнакомое мне чувство. Вдоль спины пробежали мурашки. Легкие движения Ральфа заставляли меня содрогаться. Проводя пальцем за моим ухом, он почувствовал мое волнение.

– Я, должно быть, заболела, – произнесло мое слабеющее сознание. – По-моему, я очень, очень больна.

Ральф отстранился от меня и оперся на локоть, внимательно вглядываясь в мое лицо.

– Тебе пора идти, – сказал он, – становится поздно.

– Все нет, – возразила я. – Наверное, еще нет двух.

Я вынула из кармана свои серебряные часы, миниатюрную копию папиных, и открыла их.

– Уже три! – воскликнула я. – Я опаздываю.

Быстро вскочив на ноги и отряхивая солому с юбки, я потянулась за шляпкой. Ральф не пытался помочь мне, наоборот, он откинулся на старый мешок, набитый соломой. Я стояла, застегивая свое платье и искоса наблюдая за ним из-под ресниц. Он вытянул соломинку и принялся жевать ее с безучастным видом. Его темные глаза ничего не выражали. Казалось, ему было все равно, уйду я или останусь, он был спокоен, как тайный языческий бог в древних лесах.

Я уже собиралась уйти, мне следовало поторопиться, но возбуждение не оставляло меня, превратившись в какую-то непонятную боль. Мне не хотелось уходить просто так. Я села рядом с Ральфом и кокетливо опустила голову на его плечо.

– Скажи мне, что ты меня любишь, – прошептала я.

– О нет, – ответил он без всякого тепла. – Ничего подобного я не испытываю.

Я в изумлении подняла голову и уставилась на Ральфа.

– Ты не любишь меня? – переспросила я.

– Нет, – ответил он. – Но ты ведь тоже не любишь меня, правда?

Я оскорбленно молчала. Но я действительно не могла сказать, что люблю его. Конечно, мне очень понравилось целоваться, – о, очень! – и я опять хотела встретиться с ним здесь, в темноте заброшенной мельницы. Возможно, в следующий раз я позволю Ральфу снять с меня платье и ласкать меня везде, где он захочет. Но он все-таки сын Мэг. И на самом деле он всего лишь егерь, один из наших слуг. И к тому же мы позволяем ему и Мэг жить в этом маленьком, грязном домике почти бесплатно, просто из жалости.

– Нет, – медленно сказала я, – кажется, я тебя не люблю.

– Всегда есть те, кто любит, и те, которых любят, – задумчиво сказал Ральф. – Я видел, как взрослые мужчины рыдали как дети из-за моей матери, а она на них даже не смотрела. Да, и джентльмены тоже. Со мной никогда такого не случится. Я не стану влюбляться, томиться и чахнуть от любви. Я хочу быть тем, кого любят, хочу получать чужую любовь, и удовольствие, и подарки... и тому подобное.

Я быстро подумала об отце, о матери, чахнувшей от любви к своему сыну. Затем я вспомнила о девушках в деревне, провожающих глазами своих возлюбленных; об одной девушке, бросившейся в пруд, когда ее парень уехал служить в Кент. Об этой боли, сопровождавшей любовь, свадьбы, рождение детей и делающей женщин такими непривлекательными и уже нелюбимыми.

– Я тоже будут тем, кого любят, – твердо сказала я.

Ральф громко засмеялся.

– О, ты, ты принадлежишь к знати! Вы любите только ради удовольствия и ради обладания землей.

Удовольствие и обладание землей. Это правда. Поцелуи Ральфа были удовольствием, сказочным, доводящим до полуобморока удовольствием. Хорошая еда, вкус вина, охота ранним морозным утром, – все это было удовольствием. Но владеть Вайдекром – это не удовольствие, а большая ответственность, это единственно возможный образ жизни. Я улыбнулась при мысли об этом. Ральф улыбнулся мне в ответ.

– О, – прошептал он протяжно, – ты будешь замечательной маленькой покорительницей сердец, когда вырастешь. С этими раскосыми зелеными глазами, чудесными каштановыми волосами ты получишь все удовольствия, какие захочешь, и все земли, какие тебе понравятся, в придачу.

Что-то в его голосе убедило меня, что он говорит правду. Я буду наслаждаться всеми радостями жизни и всеми ее благами, когда захочу. Может быть, то, что меня угораздило родиться девочкой, принесет мне счастье. Я смогу наслаждаться и любовью, и землей, как это делают мужчины. И удовольствие, которое я получу от любви, гораздо больше того, что получают мужчины. Ральф наслаждался нашими поцелуями, я видела это, но его удовольствие ничто по сравнению с моим. Я таяла от наслаждения, когда он прикасался к моей шелковой коже. Мое тело было создано для любви, такое гладкое, гибкое и нежное. Я смогу наслаждаться любым мужчиной, каким захочу. Я смогу обладать любой землей, какой захочу. Но мне нужен был только Вайдекр, я хотела его всеми мыслями, каждым вздохом. И я заслуживала его. Никто не любил его так, как я, никто не знал его так хорошо, как знала его я.

Размышляя, я взглянула на Ральфа. Мне послышалось что-то новое в его голосе, его глаза не казались больше безразличными, они опять стали теплыми и чувственными.

– Ты мог бы полюбить меня, – сказала я убежденно. – Ты уже близок к этому.

Он поднял руки, как бы сдаваясь.

– О да, – произнес он, как будто ничего не случилось. – И возможно, мог бы заставить тебя полюбить меня. Но мы не были бы счастливы. Тебе принадлежит Вайдекр-холл, а мне – этот домик. Мы можем любить друг друга и получать удовольствие, встречаясь в разных грязных и темных местах, но потом ты выйдешь замуж за лорда, а я женюсь на какой-нибудь неряшливой девчонке из деревни. Если ты захочешь любви, ты сможешь найти кого-нибудь еще. Я же беру тебя только ради удовольствия.

– Хорошо, ради удовольствия, – подтвердила я, будто принося клятву, и подставила ему лицо для поцелуя.

Ральф поцеловал меня торжественно, как бы скрепляя обещание. Я вскочила на ноги, собираясь уходить, но, посмотрев на него, замерла. Облокотившись на мешок соломы, он казался каким-то опасным божеством плодородия. Я улыбнулась ему почти смущенно и подошла ближе. Лениво он протянул руку и привлек меня к себе. Я опять оказалась в его

руках, мы глядели в глаза друг другу и улыбались как равные, как будто не было ни Вайдекр-холла, ни его жалкого домика. Затем его твердый рот жадно прижался к моим губам, и моя шляпка опять полетела в солому.

В этот день я не пришла домой обедать.

Но голода я не испытывала.

ГЛАВА 3

Целых три невыносимых дня мама в суматошном волнении из-за долгожданного возвращения Гарри приказывала заложить ландо и мы ездили в Чичестер выбирать обои для его комнаты. Журнал, который читала мама, в то время рекламировал китайский стиль, так что мама и я без конца рассматривали разнообразных драконов, пока моя голова не начинала гудеть от скуки. Уже целых три долгих дня раннего лета, когда на глазах становится теплее и теплее, где-то у реки меня ждал Ральф. А мне пришлось провести их в мануфактурных лавках Чичестера, выбирая то новое покрывало для постели Гарри, то парчовые драпировки для его комнаты.

Вся эта суматоха возникла только из-за Гарри, из-за его возвращения домой. Когда я попросила для себя тоже новые занавески и драпри, мама удивленно вздернула брови.

– По-моему, это лишнее, – ответила она несколько туманно. И этим было все сказано. Не стоит расходов – делать приятное своей дочке. Не стоит труда украшать комнату для той, которая все равно скоро оставит свой дом.

Я ничего не ответила. Но я завидовала каждому пенни, истраченному на Гарри. Я завидовала каждому доказательству его незаслуженного превосходства. Но я ничего не говорила.

Насколько я знала моего брата, все это доставит ему удовольствие только на одну неделю, а потом он просто перестанет замечать эту китайскую мишуру. Но, помня его добросердечие, я не сомневалась, что мама сторицей будет вознаграждена за свои хлопоты одной из его чудесных добрых улыбок. Однако награды за мои мучения в магазинах, пока мама, разыгрывая принцессу, долго колебалась, выбирая образцы, я не ждала. Хуже всего было то, что я чувствовала себя больной.

Я ничего не рассказывала маме, чтобы избежать ее расспросов. Когда я натягивала на руки перчатки, я отчетливо видела, как дрожат мои пальцы. Хуже всего, что мой живот внезапно начинала сводить судорога, словно от внезапного страха. Я ничего не могла есть. Хорошо, что мама была так занята, иначе она обязательно заметила бы, что я ограничиваюсь одними завтраками. Когда я перебирала бархат в одном из магазинов, я внезапно вспомнила бархатную кожу Ральфа и мои колени вдруг подогнулись. Я упала в кресло, сердце билось как сумасшедшее. Я никак не могла перевести дыхание и только думала: «Как же сильно я, должно быть, заболела».

К концу третьего изнурительного дня покупок мы возвращались домой. Небо переливалось золотом и перламутром. Ландо было забито коробками с шелками, атласом, одеялами и драпировками. Завтра должны были привезти парчу, обои и несколько предметов замечательно уродливой мебели, которая превратит обыкновенную английскую спальню Гарри в какое-то подобие китайской пагоды.

По дороге домой мама пребывала в блаженном настроении, а я восседала как мадонна, наслаждаясь мягким вечерним воздухом вайдекрской весны. Запах придорожных цветов щекотал нам ноздри, по обочинам дороги цвели желто-зеленые цветы позднего первоцвета, чуть подальше виднелись голубые колокольчики, издали похожие на капельки воды. Черные дрозды выводили свои печальные трели, будто пели о любви, а когда мы подъехали к дому, я вдруг услышала громкое «ку-ку».

В тени большого тиса стоял Ральф. Когда мы поравнялись с ним, наши глаза встретились и мы оба замерли. Мне показалось, что я внезапно ослепла. Мои внутренности сжались, как от смертельного ужаса, перешедшего затем в радость, и я улыбнулась Ральфу, будто это он принес мне весну, синие колокольчики и щебет птиц. Он поклонился навстречу ландо, но не сдернул шапки, как делали обычно наши слуги, и его глаза не отрывались от моих. Его лицо порозовело и озарилось медленной, ласковой улыбкой. Мы медленно проехали мимо,

но – о! – как быстро для нас. Я не стала оглядываться, но чувствовала на себе его взгляд, пока мы не повернули за буковую рошу.

На следующий день возчики – да благословит их Бог! – потеряли колесо от телеги и не смогли привезти товар. Маме не терпелось засадить меня за подрубание занавесок, но ей пришлось отложить это на завтра. Завтра мне предстояло целый день сидеть взаперти, подшивая эти ужасные занавески с кошмарными драконами. Но сегодня я была свободна. И целый день представал передо мной во всем великолепии. Я переделалась в новую зеленую амазонку, только на прошлой неделе доставленную папиным портным, и особенно тщательно причесалась, надев такую же зеленую шляпку. И вот я уже на моей миленькой Белле скачу в сторону старой мельницы, вот мы уже пересекаем каменный мост. На берегу лошадь свернула направо, и я пустила ее в галоп по следу, идущему вдоль берега.

Фенни разбухла от весенних дождей и сейчас вся кипела и крутилась новенькими водоворотами, что вполне соответствовало моему настроению. На буках уже шелестела первая нежная и блестящая листва. Птицы щебетали как оглашенные. Весь мир Вайдекра трепетал от ожидания весны и любви, все вокруг, включая мою новенькую амазонку, было зеленым, как сама жизнь.

Ральф сидел у реки, прислонившись к поваленной сосне и крутя в пальцах какую-то палочку. Он обернулся на звук копыт и улыбнулся без всякого удивления. Этот юноша казался мне такой же частью моего любимого Вайдекра, как и эти деревья. Мы не договаривались о встрече, но она не могла не произойти. Ральф, сидя у реки, притягивал меня к себе так же неизбежно, как водоворот затягивает упавшую ветку.

Я привязала Беллу к высокому кусту, и она тут же принялась щипать траву. Под моими шагами захрустели прошлогодние листья, и вот я уже стою, ожидая чего-то, перед Ральфом.

Он поднял голову и улыбнулся, щурясь от сияния весеннего неба за моею спиной.

– Я скучал по тебе, – неожиданно сказал он, и мое сердце подпрыгнуло, как будто от испуга.

– Я не могла уйти из дома, – сказала я.

Мне пришлось спрятать руки за спину, чтобы Ральф не видел, как они дрожат. Но в глазах стояли слезы, и я не могла унять дрожь моих губ. Я спрятала руки, никто бы не догадался, как дрожат мои колени под зеленой юбкой, но мое лицо было открытым, как будто меня застигли во сне... Я рискнула взглянуть украдкой на Ральфа и увидела, что он пристально на меня смотрит. Его легкое доверие ко мне ушло. Он был напряжен, как будто видел перед собой ловушку, и дышал неровно, как после бега. Неожиданно я шагнула вперед и погладила его густые черные волосы. Мягким непредсказуемым движением он схватил мою руку и рывком усадил меня рядом с собой. Положив обе руки на мои плечи, он вглядывался в мое лицо с таким выражением, как будто колебался между желанием убить меня и желанием поцеловать. Мысли мои смешались. Я отвела глаза, не в силах больше смотреть на него.

И тогда опасное, дикое выражение ушло из его глаз, и он тепло улыбнулся мне.

– О Беатрис, – прошептал он протяжно.

Его руки соскользнули с моих плеч на талию, и он стал нежно целовать мои глаза, веки, губы, шею. Затем мы долго сидели рядом друг с другом, моя голова лежала на его плече, а он крепко обнимал меня. Мы ни о чем не думали, не отводя глаз от реки.

Мы мало говорили, поскольку были все-таки деревенскими детьми. Когда поплавок его удочки дрогнул и ушел под воду, Ральф резко подсек леску, а я подставила ему шапку для пойманной рыбы так же быстро и уверенно, как делала это в детстве. Собрав сухие листья и обломанные ветки, мы разложили костер, и, пока Ральф чистил форель, я разожгла его. Я мало ела за эти три дня, и поджаристая корочка форели показалась мне необыкновенно вкусной. Конечно, она была немного сырая, но кто бы стал заботиться о таких вещах, поджаривая свою собственную форель из своей собственной реки на костре из своих собствен-

ных сухих листьев. Поев, я вымыла руки и губы в воде и откинулась назад, прижавшись к Ральфу, а он опять крепко обнял меня.

Молодых леди, потомков знатных фамилий, конечно, предупреждают о регулярных недомоганиях, болезненной потере невинности, о тяжести родов. Ограничиваясь намеками и недомолвками, мама ознакомила меня с обязанностями жены, включая рождение наследника, и подчеркнула, что эта задача весьма болезненна и неприятна. Возможно, это так. Возможно, совокупляться с незнакомым вам человеком, выбранным для вас вашими родителями, лежа в старинной фамильной кровати и чувствуя при этом ответственность, возлагаемую на вас знатным происхождением, – возможно, это и неприятно. Но я знаю наверняка, что обниматься с любимым под деревьями и небом Вайдекра, ощущать всем телом пульс своей земли – это счастье.

Мы сплетались вместе, как неопытные, но веселые зверьки. Неожиданно во мне поднялось странное, необъяснимое и неожиданное чувство, восторг наслаждения, я задыхалась и плакала на плече Ральфа.

Потом мы лежали вместе, тесно прижавшись друг к другу, как переплетенные пальцы ладони. Вскоре мы заснули. Проснулись мы замерзшие, с затекшими конечностями. К моей спине пристали ветки и листья, а на лбу Ральфа отпечатались красная полоса от палки, на которой он лежал. Мы кое-как оделись и обнялись, чтобы согреться, так как быстрые весенние сумерки уже протянули длинные тени от кустов и деревьев. Затем Ральф поднял меня на руки и перенес в седло. Мы обменялись теплым, не нуждавшимся в словах взглядом, и я повернула лошадь к дому. Я мечтала о горячей ванне и хорошем обеде. Я была божественно счастлива.

Наши почти безмолвные страстные встречи длились всю весну и раннее лето, когда дни становились все жарче и длиннее. Заботы о ягнятах, о стельных коровах, о посевах позволяли мне отсутствовать целыми днями. Если я успевала справиться со своей работой, я была вольна делать что захочу. Ральф знал много укромных мест в лесу, гораздо больше, чем когда мы были маленькими, и иногда мы проводили время там, а иногда на старой мельнице. Вылупившиеся, а затем подросшие птенцы были невольными свидетелями нашей любви. А мы слушали, как их голодный писк день ото дня становился все громче и громче, и наконец увидели, как они первый раз вылетели из гнезда. Это было единственное, что я запомнила от того времени.

Переход от весны к лету, казалось, был бесконечным в этом году. Сама земля старалась продлить наше счастье, получше спрятать нас в роскошно пенящейся зелени. Погода стояла изумительная. Отец даже сказал однажды, что это, должно быть, чье-то колдовство, чтобы урожай созрел поскорее.

Да, несомненно, это было колдовство. Мне казалось, что Ральф проходит по нашей земле как юный темноволосый бог, делая ее обильной и плодородной, а наша страсть и наша любовь заставляют ярче светить солнце, а ночью выманивают на небо яркие чистые звезды.

Мы становились все опытнее, даря друг другу все более и более острые наслаждения, но нас никогда не покидал какой-то странный страх. Даже когда мы лежали вместе у подножия высоких, раскидистых, уходящих в небо буков или прятались в папоротниках, я не переставала изумляться чуду нашей любви. Мы позволяли друг другу все, что только могли вообразить, с нежностью и смехом, едва дыша от волнения. Мы часами лежали нагими, разглядывая и лаская друг друга.

– Тебе приятно, когда я делаю так? А так? А вот так? – спрашивала я, в то время как мои пальцы, лицо, язык исследовали каждый дюйм его тела.

– Да, о да!

Нас волновало чувство близкой опасности. Однажды мы случайно встретились в нашем саду, когда Ральф принес на кухню зайца, а я в это время рвала розы для мамы. Я обернулась, увидела его, и маленькая корзинка с розами мгновенно упала из моих рук. Не обращая никакого внимания на открытые в доме окна, Ральф шагнул ко мне, взял меня за руку и повел в беседку. Он крепко сжал меня в объятиях и, безразличный к тому, что мнет мое нарядное шелковое платье, стал целовать мою грудь. Мы оба задыхались от невыразимого волнения. И тут мы рассмеялись и все никак не могли остановиться, в восторге от нашей неслыханной дерзости, от того, что мы любим друг друга в разгар дня, перед окном маминой гостиной, прямо в нашем саду.

В мае был мой день рождения. Я проснулась ранним утром, разбуженная пением птиц в нашем саду, и первым долгом подумала не о дорогих подарках от мамы и отца, а о том, что может подарить мне Ральф.

Мне больше не спалось. Я вскочила с кровати, и, пока, умываясь, плескала водой себе в лицо, перед окном раздался долгий тихий свист. Одета в одну ночную рубашку, я выглянула в окно и увидела Ральфа, счастливо улыбавшегося мне навстречу.

– С днем рождения, – громким шепотом сказал он, – я принес тебе подарок.

Я спрыгнула с подоконника, подбежала к своему туалетному столику и схватила клубок пряжи. Как принцесса из сказки, я спустила ее из окна, и Ральф привязал к ней крошечную ивовую корзиночку. Я осторожно подтянула ее наверх и поставила на подоконник рядом с собой.

– Это что-то живое? – в изумлении спросила я, услышав шуршание листьев внутри корзиночки.

– Еще какое живое, оно даже царапается, – ответил Ральф и показал длинную красную царпину, идущую от локтя.

– Это котенок! – предположила я.

– Ну нет, котенок – это не для тебя, – беззаботно ответил Ральф. – Это кое-что поинтереснее.

– Тогда маленький львенок, – сказала я и быстро улыбнулась, услышав смех Ральфа.

– Открой и взгляни, – посоветовал он. – Только осторожно.

Я проделала маленькую дырочку в крышке и осторожно заглянула внутрь. Меня встретил подернутый дымкой, разгневанный взгляд, идущий прямо из вороха взъерошенных перьев. Это был детеныш совы, забившийся в уголок корзинки и наостривший на меня свои крохотные когти. При этом из его широко открытого розового клюва вырывался громкий и сердитый писк.

– О Ральф, – вздохнула я в восторге и посмотрела вниз.

Лицо Ральфа сияло любовью и торжеством.

– Мне пришлось лезть за ним на самую верхушку высоченной сосны, – сказал он с гордостью, – хотелось подарить тебе то, что не подарит никто другой. И чтобы это принадлежало Вайдекру.

– Я назову ее Кенни,⁶ – сказала я, – потому что совы очень умные.

– Не очень-то она умная, – насмешливо ответил Ральф. – Мы чуть не упали вместе с дерева, когда она меня поцарапала.

– Я всегда буду любить ее, потому что ее подарил мне ты, – говорила я, разглядывая блестящие глаза совенка.

– И любовь, и мудрость, – продолжал поддразнивать меня Ральф, – не слишком ли это много для одной маленькой совы?

– Спасибо тебе, – от всего сердца поблагодарила я его.

⁶ Canny (англ.) – умный, хитрый, умелый.

– Выйдешь попозже? – поинтересовался он.

– Я постараюсь, – пообещала я, глядя вниз на Ральфа. – Приду на мельницу сразу после завтрака. – Повернув голову, я услышала начинающуюся на кухне возню. – А теперь мне пора идти. Увидимся на мельнице, и еще раз спасибо за подарок.

Мы решили держать Кенни в одной из нежилых комнат нашего огромного дома. Ральф научил меня кормить птенца сырым мясом, завернутым в мех, и ухаживать за перьями на его грудке.

В то лето Ральф взбирался ради меня на любое дерево, он готов был на любой риск. И я тоже все могла бы сделать для него. Или почти все. Была одна вещь, на которую я никогда бы не пошла. И если бы Ральф оказался умнее или был менее влюблен в меня, ему бы это о многом сказало. Я никогда бы не взяла его в свою постель. Ральф мечтал лежать рядом со мной там, в хозяйской кровати, под темным резным изголовьем, с подушками, неохватными, как ствол взрослой сосны. Но я не могла. Как бы я ни любила нашего егеря, он никогда не ляжет со мной в постель сквайра Вайдекра. Я старалась уклониться от этой просьбы, но однажды, когда мама с отцом уехали с визитами в Чичестер, а слуги получили выходной, Ральф прямо попросил меня об этом и встретил безоговорочный отказ. Его глаза потемнели от гнева, и он один ушел в лес ставить капканы. Скоро он забыл об этом единственном моем отказе. Будь он поумнее, он запомнил бы его на все то золотое, нескончаемое лето.

Но оно не было нескончаемым для мамы, которая считала дни, оставшиеся до возвращения из школы ее дорогого мальчика. Она даже расчертила специальный календарь, повесила его на стене своей гостиной и отмечала в нем дни семестра. Я наблюдала за этим без всякого интереса. Не имея ни опыта, ни желания, я подрубала занавески и помогала вышивать драконов на покрывале новой спальни. Несмотря на мое неумение, извивающийся хвост глуповатого чудовища был закончен вовремя, и оно скоро разлеглось на кровати в ожидании нашего наследного принца.

Дождались мы его первого июля. Едва услышав стук колес приближающегося экипажа, я, хорошо помня мамины инструкции, побежала за ней. Она позвала отца из его оружейной мастерской, и мы успели выстроиться на крыльце, когда экипаж, описав плавную кривую, подкатил к парадному входу. Папа радостно приветствовал Гарри, по-мальчишески выпрыгнувшего из коляски. Мама тоже бросилась к нему. Я держалась позади, с некоторой обидой, завистью и даже чувством страха в сердце.

Гарри очень изменился за этот последний семестр. Он сильно повзрослел и теперь предстал перед нами худощавым, но стройным молодым человеком, довольно высокого роста. С открытой улыбкой он поздоровался с отцом, тут же заключившим его в медвежьи объятия. Он поцеловал мамину руку, потом чмокнул поочередно в обе щеки, но не стал долго обниматься с ней. Затем, ко всеобщему удивлению, он оглянулся, отыскивая кого-то, и его яркие голубые глаза засияли еще больше, когда он увидел меня.

– Беатрис! – воскликнул он и в два прыжка перемахнул ступеньки. – Какая же ты стала хорошенькая! И какая же взрослая! Но мы можем еще поцеловаться?

Я с улыбкой подставила ему для поцелуя лицо, но, почувствовав его губы на моих щеках и легкое покалывание его подбородка, смутилась.

Мама метнулась к нему и повела его в дом; отец, не обращая внимания на ее воркование, громко расспрашивал Гарри о том, как он доехал и не голоден ли он, и они все оставили меня одну, на солнышке у входной двери, как будто я уже не принадлежала к их семье и их дому.

Между прочим, вспомнил обо мне именно Гарри. Оглянувшись, он поманил меня в гостиную:

– Беатрис, пойдем с нами. Я привез всем подарки.

Мое сердце дрогнуло в ответ на его улыбку и протянутую мне руку. И, поднявшись по ступенькам, я спокойно вошла в дом, надеясь, что Гарри, может быть, и не станет выставлять меня отсюда, а, наоборот, сделает этот дом еще приятнее для меня.

Все ближайшие дни прошли под знаком обаяния Гарри. Каждой горничной, каждой хорошенькой дочке арендатора досталась веселая улыбка молодого хозяина. Появившиеся в нем самоуверенность и достоинство завоевывали ему друзей, где бы он ни появлялся. Он был обаятелен и хорошо знал это. О своей красоте он тоже хорошо знал.

Мы веселились, потому что теперь мне приходилось смотреть на него снизу вверх.

– Ты лучше не задирай меня, сестренка, – смеясь, говорил он.

Он все так же много читал, два из его многочисленных сундуков были заполнены книгами по философии, стихами, пьесами. Но теперь он уже вырос из своих детских болезней, и книгам было не удержать его взаперти. Мне даже стало стыдно, что я сама так мало читала. Я, возможно, и знала о земле больше, чем когда-либо узнает Гарри, но в книгах совершенно не разбиралась. И мне становилось стыдно, когда Гарри, упомянув о прочитанном, вдруг говорил: «Беатрис, ты это, конечно, читала. Эта книга есть в нашей библиотеке. Я нашел ее, еще когда мне было шесть лет».

Некоторые его книги были посвящены сельскому хозяйству, и далеко не все они оказались глупыми.

Этот новый Гарри стоял сейчас на пороге возмужания. Слабое здоровье было забыто. Только маму беспокоило его сердце. В глазах остальных он выглядел высоким стройным юношей, с сильными руками, ярко-голубыми глазами, застенчиво и одновременно насмешливо подтрунивающим над хорошенькими горничными. Но над всеми его чувствами по-прежнему властвовал Стоули. Его имя звучало чаще остальных в гостиной и за обедом. Мама хоть и имела собственное мнение о Стоули и его окружении, но старалась помалкивать и не перечить своему обожаемому сыну, который хвастался тем, что он правая рука этого незаурядного юноши. С каждым его рассказом «банда» Стоули становилась все более и более опасной, а дисциплина в ней все более и более суровой. Гарри был в ней вторым, но это не спасало его от гнева полубожественного Стоули. Скорые расправы командира, его суровые наказания, нежное прощание с ним детально описывались мне в наших доверительных беседах.

Гарри страшно скучал по своему герою. В первые недели пребывания дома Гарри писал каждый день письма, расспрашивая о новостях в школе и в «банде» Стоули. Сам Стоули ответил один или два раза весьма неразборчивым почерком. Еще Гарри пару раз написал другой мальчик, причем в своем последнем письме сообщил, что теперь он является правой рукой их обожаемого командира. В этот день Гарри выглядел подавленным, он на все утро куда-то ускакал и даже опоздал к обеду. Хотя Гарри был очень приятным спутником, теперь я не могла так свободно встречаться с Ральфом, где нам вздумается. Дни проходили за днями, и я все более и более нетерпеливо воспринимала вечную опеку брата. Я никак не могла избавиться от него. Мама приглашала его попеть с ней, отец ждал, что они вместе поедут в Чичестер, а он неизменно выбирал только меня в качестве своей спутницы. Ральфу приходилось проводить дни в ожидании, а я – я просто сгорала от желания.

– Каждый раз, как я вывожу лошадь из конюшни, он непременно оказывается тут как тут, – жаловалась я Ральфу в один из едва улучшенных моментов, стоя с ним у дороги. – Куда бы я ни направлялась, он едет за мной следом.

Живые темные глаза Ральфа светились интересом.

– Что это он так преследует тебя? Я думал, ваша мать пришила его к своим юбкам.

– Я не знаю, – зло отвечала я. – Раньше он никогда не уделял мне столько внимания.

Просто невозможно от него избавиться.

– Может быть, он хочет тебя? – оскорбительно предположил Ральф.

– Не будь дураком, – огрызнулась я. – Он мой брат.

– Ну и что. Понимаешь, может, он узнал в своей школе об этих делах, – настаивал Ральф. – Может, у него была там девушка и он привык смотреть на вас оценивающе. Он видит, к примеру, что ты хорошенькая, вполне взрослая и горячая девушка. В конце концов, он так долго не был дома, что отвык воспринимать тебя как сестру и знает только, что рядом с ним живет девушка, которая хорошеет с каждым днем и выглядит вполне созревшей для всех удовольствий, которые может ей подарить мужчина.

– Чепуха, – отрезала я. – Просто ему следовало бы почаще оставлять меня одну.

– Это он там? – спросил Ральф, указывая на приближающую фигуру всадника.

Мой брат, тонкий, широкоплечий, в коричневом костюме для верховой езды, прекрасно сидевшем на его юношеской фигуре, приближался к нам. Он выглядел полной копией моего отца, только в более молодом возрасте. Он унаследовал горделивую осанку, общительность и всегдашнюю готовность к улыбке. Но доброта Гарри была его собственной.

– Да, это он, – быстро ответила я. – Будь осторожнее.

– Здравствуйте, сэр, – почтительно произнес Ральф и снял картуз.

Гарри приветливо кивнул.

– Я подумал, почему бы нам не покататься верхом вместе, – сказал он. – Давай поскачем галопом вон к тем холмам.

– Отлично, – ответила я. – Это Ральф, сын Мэг, наш егерь.

Казалось, какой-то черт нашептывал мне представить их друг другу. Но брат едва взглянул на Ральфа. Тот стоял, ничего не говоря, но внимательно его разглядывая. Для Гарри Ральф был просто пустым местом.

– Поехали? – спросил Гарри, улыбаясь.

И тут, как удар грома, до меня дошло, какая пропасть разделяет Ральфа и меня, пропасть, о которой я совсем не думала в дни нашей любви. Гарри, моя плоть и кровь, просто не замечал Ральфа, потому что тот был слугой. Люди, подобные нам, были окружены сотнями и тысячами слуг, которые не значили ровным счетом ничего; их мнения, любовь, страхи и надежды не имели для нас никакого значения. Мы могли брать в расчет их жизни, а могли и не брать. Это зависело полностью от нас самих. Они не имели никакого выбора. Впервые увидев Ральфа рядом с моим изящным, великолепным, сидящим на чудесной лошади братом, я пришла в ужас от позора, и воспоминания о недавних весенних днях нахлынули на меня, как ночной кошмар.

Мы повернули лошадей и ускакали. Я чувствовала, как глаза Ральфа провожают нас, но теперь это наполняло меня не радостью, а стыдом. Я скакала неловко, чувствуя свою спину, и моя кобылка, как будто понимая это, беспокоилась и прядала ушами.

Конечно, я была гордой, но я все-таки была еще молодой и чувственной, а со дня нашего последнего любовного свидания с Ральфом прошло уже много дней.

Сейчас наш путь пролегал по той дороге, где я впервые, еще маленькой девочкой, увидела панораму Вайдекра, – эти места мы с Ральфом особенно любили. Пока лошади скакали буковой рощей, перед моими глазами вставали долгие ленивые дни, которые мы проводили вместе в тенистых лощинах, сгорая от желания. Добравшись до вершины самого высокого холма, я увидела одно из наших любимых гнездышек в папоротнике. Мой стыд утонул в воспоминаниях о счастье.

Здесь, всего в нескольких ярдах от того места, где стоял сейчас мой конь, Ральф лежал как статуя, пока я нежно раздевала его и ласкала язычком и кончиками волос все его тело. Он стонал от желания и от усилий лежать неподвижно. В свой черед он нежно опрокидывал меня на траву и медленными, осторожными поцелуями, казалось, впитывал в себя каждый дюйм моего обнаженного тела. И только когда я буквально рыдала от желания, он брал меня.

Вспомнив, как я сгорала во влажном пламени наслаждения, я искоса взглянула на брата, недовольная тем, что он прервал мое лето с Ральфом, это чудесное лето, когда папоротники стояли вдвое выше нас и только летящий высоко в поднебесье сокол мог видеть нашу наготу.

Я вдруг сказала:

– Мне надо назад, Гарри. Я не совсем хорошо себя чувствую. Это один из моих обычных приступов головной боли.

Брат с удивлением посмотрел на меня. Я почувствовала легкое сожаление, что он так легковерен.

– Беатрис! Позволь, я провожу тебя домой.

– Нет-нет, – продолжала я притворно. – Не порти свою прогулку. Я поеду к Мэг и попрошу у нее целебного чая. Она так хорошо умеет его заваривать.

Не обращая внимания на его протесты и тревогу, я развернула лошадь и поскакала обратно. Я чувствовала, что Гарри провожает меня глазами, и старалась держаться в седле так, как будто каждый шаг лошади причинял мне невероятную боль. Но, едва оказавшись под защитой деревьев, я выпрямилась и поскакала кратчайшей дорогой к домику Мэг. Ральф сидел у дверей, прилаживая к капкану пружину, его собака вытянулась рядом у его ног. При одном только взгляде на него мое сердце задрожало. Он услышал звук копыт и отбросил работу в сторону. Его улыбка, с которой он подошел к воротам, чтобы встретить меня, была легкой и радостной.

– Устала от своего высокородного брата? – спросил он. – Я чувствовал себя просто пылью на дороге, в сравнении с ним.

Я не улыбнулась в ответ. Контраст между ними обоими был слишком велик.

– Мы поскакали к холмам, – объяснила я. – Там столько наших с тобой мест. Я скучаю без тебя. Пойдем на мельницу?..

Он кивнул, как бы подчиняясь приказу, и улыбка ушла из его глаз. Я привязала кобылу к воротам и последовала за ним по тропинке. Едва за нами закрылась дверь, Ральф обернулся, обнял меня, как бы желая что-то сказать, но я потянула его вниз на солому и настойчиво попросила:

– Сделай это, Ральф.

Мой гнев и моя грусть растаяли, едва я почувствовала такое знакомое, но каждый раз новое наслаждение, поднимающееся внутри. Ральф грубо поцеловал меня, – я видела, что его переполняют гнев и боль, – затем рванул ворот моего платья. Дрожащими пальцами я торопливо расстегивала кожаные ремни его бриджей, пока он путался во множестве моих юбок под амазонкой.

– Возьми меня, – нетерпеливо простонала я и рывком стянула юбки через голову.

Обнаженная, я распростерлась под ним и задрожала от наслаждения под тяжестью его тела. Мы задохались, как гончие после быстрого бега. Мои пальцы стискивали его ягодицы, заставляя его глубже проникать в меня. Краем сознания я слышала мои собственные, рвущиеся из груди рыдания в такт нашим движениям. Затем неожиданно дверь распахнулась, и белая стена сияющего солнечного света буквально обрушилась на нас. На секунду мы замерли от ужаса.

В дверном проеме стоял мой брат, всматриваясь в темноту. Он непонимающе пытался разглядеть свою обнаженную сестру, пронзенную похотью и извивающуюся на грязном полу. Долю секунды никто не двигался, затем Ральф соскользнул с меня. Я откатилась в сторону, а мой любимый пытался прикрыть бриджами свою наготу. Никто не произносил ни слова. Казалось, что молчание длится уже целую вечность. Я выпрямилась, кое-как накинув на себя новую амазонку, но с обнаженной грудью, и смотрела на брата в каком-то ужасе.

Гарри издал всхлипывающий звук и с поднятым хлыстом бросился на Ральфа. Ральф был тяжелее и выше его, к тому же он участвовал в деревенских битвах с тех пор, как научился ходить. Он оттолкнул Гарри, и удар хлыста пришелся по рукам. Но следующим взмахом Гарри ударил его по лицу. Ральф вспыхнул от гнева, вырвал хлыст из рук брата, ударил его в живот и, подставив подножку, бросил на пол. Гарри упал на спину, и тяжелый пинок заставил его сложиться вдвое. Он вскрикнул. «Наверное, от боли», – подумала я и закричала:

– Ральф, не надо!

Но тут мой брат поднял голову с грязной соломы, и я увидела его ангельскую улыбку и странное выражение глаз. Кровь застыла в моих жилах при виде этого выражения блаженства на его лице, когда он лежал в грязи у ног Ральфа и рабскими глазами смотрел на моего любимого и кнут в его руке. Затем, не обращая внимания на окружающую грязь, он подполз к ногам Ральфа.

– Ударьте меня, – попросил он молящим голосом, – о, пожалуйста, ударьте!

Переглянувшись с Ральфом, мы поняли, что, кажется, выйдем сухими из воды. К тому же мне наконец стало ясно, почему Гарри выставили из школы доктора Ятли.

Несколько ударов кнута, которыми Ральф награждал Гарри, заставили того, содрогаясь от наслаждения, зарыдать. Будущий владелец Вайдекра, плача как ребенок, прятал лицо в грязной соломе на полу, его руки обнимали босые ноги батрака. Ральф и я смотрели друг на друга в молчании.

И это молчание продолжалось, казалось, все лето. Теперь мой брат не ходил за мною по пятам во время моих прогулок, не маячил возле конюшни, когда я запрягала свою лошадь, не сидел около меня в гостиной. Он неотступно следовал за каждым шагом Ральфа. Отец был доволен, что Гарри неожиданно стал проявлять интерес к нашей земле. Медленно мой брат изучал наши поля, речку, лес, доверчиво следуя за Ральфом, как его новый щенок спаниель. Пока Ральф проверял силки, разбрасывал приманку для дичи, устанавливал капканы, примечал лисьи и барсучьи норы, Гарри следовал за ним как тень, постепенно постигая то, что я узнала еще ребенком.

Я была наконец свободна от него, но, встречаясь с Ральфом в его молчаливом, но зорком присутствии, мы оба чувствовали кошмарную неловкость. И когда через несколько дней я, встав пораньше, пока Гарри еще спал, отправилась на свидание с Ральфом, мы даже не обнялись, как бывало прежде. Я испытывала холод и напряжение, Ральф же был сдержан и молчалив. Мне казалось, что в любую минуту может появиться Гарри и та ужасная сцена повторится. Я даже не решалась спросить Ральфа о моем брате. Что происходило между ними во время их долгих прогулок по поместью? Бывало ли, что Ральф заносил над моим братом свой кнут и... Нет, я не могла об этом спрашивать. Я не могла вообразить их вместе. Как бы меня это ни интересовало, у меня просто язык не поворачивался говорить на эту тему.

Наверное, мне полагалось ощущать ревность, но я ее не ощущала. Волшебное лето с Ральфом, юным темноволосым богом, кончилось. Оно кончилось для меня в тот жаркий день, когда Ральф снял свой картуз перед Гарри, а тот его даже не заметил. Мой любимый преподавал мне науку наслаждения и научил меня держать мое сердце в узде, но для нас не было будущего. Он был одним из наших людей, слугой, а я была хозяйкой Вайдекра. И когда я охотилась с гончими, или ехала в нашей коляске в церковь, или прогуливалась по саду, я больше совсем не стремилась встретить Ральфа с его понимающей улыбкой. Это не было ревностью, я испытывала острое чувство касты, заставляющее меня ненавидеть эту, обращенную к моему брату, улыбку и содрогаться от злости при виде егеря, распоряжающегося наследником Вайдекра.

Поэтому я редко видела Ральфа в последующие недели, и он тоже не искал меня. Однажды, когда мы с мамой ехали в коляске в Экр, мы встретили его, и мне показалось,

что в его бархатных черных глазах промелькнуло желание что-то сказать мне. Будто бы ему хотелось свободно поговорить со мной, высказать какую-то тайную мысль. Но он не стал торопить события.

Вскоре в нашем поместье участились случаи браконьерства. После эпидемии, случившейся весной, цена на баранину резко выросла, и теперь даже наши собственные арендаторы совершали набеги на наши вольеры с дичью. У нас пропадали фазан за фазаном, и каждый раз за столом Гарри расхваливал предусмотрительность и храбрость Ральфа.

У Ральфа действительно была опасная работа. Наказанием за браконьерство служила казнь через повешение, и люди, промышляющие им, были просто отчаянными. Многие из них становились убийцами, если сталкивались со сторожами, выследившими их. Ральф всегда держал свое ружье заряженным и носил с собой толстую палку. Его обязательно сопровождали две собаки: черная ищейка и щенок спаниель, трусившие с обеих сторон.

За завтраком, обедом и ужином мы непременно становились слушателями горячих разглагольствований Гарри о подвигах Ральфа в войне против браконьеров. Затем, когда Беллингс, наш сторож, заболел, Гарри предложил платить Ральфу дополнительно два шиллинга в неделю и назначить его сторожем, пока тот не поправится.

– По-моему, он слишком молод, – в раздумье ответил отец. – Может быть, лучше нанять на это время кого-нибудь постарше.

– Но никто не знает поместье лучше, чем Ральф, папа, – горячо возразил мой брат. – И хотя он молод, он уже вполне взрослый и силен как бык. Ты бы видел, как легко он кидает меня на обе лопатки, когда мы боремся. Не думаю, чтобы кто-то другой справился с этой работой лучше.

– Ну что ж, – согласился отец, – ты займешь место хозяина, когда меня не станет. И если тебе приятнее иметь молодого сторожа, то я не стану возражать и с радостью приму твой совет.

Я вскинула глаза на отца и тут же опустила их. Всего несколько дней назад папа спрашивал меня об этом. Тогда я, конечно, превознесла Ральфа до небес, поскольку обожала его. Но сейчас меня одолевали сомнения, что мы поступаем правильно. Мой брат буквально заглядывал ему в рот, и я не пропустила мимо ушей упоминание об их борьбе. Это напоминало историю со Стоули. Я боялась влияния Ральфа на импульсивное сердце Гарри, сама не знаю почему.

– Сегодня нужно пересчитать овец, – сказал отец, глядя через стол на нас обоих.

– Я пойду, – вызвался Гарри, – но только после обеда. Ральф нашел гнездо пустельги, и я хочу сходить за ним, пока курочка не принесла второй выводок.

– Лучше мне сходить, – возразила я, – у них может быть болезнь, а ты не узнаешь симптомов.

Папа прямо сиял.

– Я, кажется обзавелся двумя бейлифами вместо одного, – радостно сказал он маме. – Что скажете на это, мэм?

Мама тоже счастливо улыбалась. Все шло как нельзя лучше.

– Я думаю, надо пойти Гарри, – пропела она сладким голосом. – Беатрис пусть лучше нарежет в саду цветов, а после обеда мы можем отправиться в гости.

Мои глаза невольно обратились к папе за поддержкой. Но он и не взглянул на меня. Сейчас, когда его сын вернулся домой, наше легкое любовное товарищество стало ему не нужно. В его глазах светились гордость и любовь, когда он смотрел на своего стройного золотоволосого сына. Теперь перед ним был не маменькин сыночек, а будущий хозяин Вайдекра.

– Пусть едет Гарри, – бросил отец с бессознательной жестокостью. – Я поскачу с тобой, Гарри, и если ты на самом деле еще не знаешь симптомов овечьей болезни, то сейчас самое время их изучить. Вайдекр – это тебе не игрушка.

– Но сегодня я хотела туда отправиться, – мятежно продолжала я.

Папа поглядел на меня и рассмеялся, как будто нашел в этом нечто забавное.

– Ах, Беатрис, – он беззаботно махнул рукой, – теперь тебе надо становиться леди. Я передал тебе все, что знаю о земле. Наступила мамина очередь учить тебя заниматься домом. Научись – и будешь управлять своим мужем везде: и в полях, и в гостиной.

Он опять рассмеялся, мама вторила ему тоненьким голосом, моя карта была бита.

После их возвращения Гарри пытался за чаем убедить отца, что Ральфа и Мэг следует переселить в лучший коттедж. Услышав это, я не могла сдержаться.

– Чепуха! – воскликнула я. – Ральф и Мэг прекрасно устроились. Они почти ничего не платят за аренду.

К тому же оба слишком ленивы для того, чтобы содержать хозяйство в порядке. Мэг просто не будет знать, что ей делать с хорошим домом.

Отец кивнул, но продолжал смотреть на Гарри. Он ждал его совета, ему важно было только его мнение. Мнение же дочери, независимо от того, права она или нет, не имело значения. Будущее принадлежало Гарри. Он был наследником.

Папа не стал меньше любить меня. Я знала это. Но я выпала из зоны его интересов. Я могла заниматься чем угодно: скакать верхом, играть на пианино, рисовать пейзажи, – это не меняло моего положения в доме. Я была дочерью, и мое будущее не было связано с Вайдекром.

Отец прислушивался к Гарри, а Гарри прислушивался к Ральфу. И насколько я знала последнего, он запросто мог использовать свое влияние в собственных целях.

– Ральф – важный для нас человек, – твердо сказал мой брат. Он приобрел спокойную уверенность, но не потерял мягкости голоса и манер. Он открыто мне противоречил, но даже не подозревал этого. – Будет просто позором потерять его. А я думаю, многие захотели бы иметь такого работника. И они согласились бы платить ему больше. Может быть, отдадим ему коттедж Тайков, когда умрет старик. Он как раз находится недалеко от вольеров.

Я просто взорвалась от гнева при виде глупости моего брата.

– Какая чушь! Этот коттедж стоит сто пятьдесят фунтов в год, и плата за наем для нового арендатора составит сто фунтов. Мы не можем бросаться такими деньгами. Лучше отремонтировать их домишко или перевести их в домик получше. Но коттедж Тайков! Об этом не может быть и речи.

– Беатрис, не забывай о приличиях, – автоматически сказала мама, даже не прислушиваясь к предмету спора.

Я не обратила внимания на это замечание, но кивок отца заставил меня замолчать.

– Я подумаю над этим, Гарри, – сказал он. – Ты прав, Ральф – хороший работник. Но Беатрис тоже права, коттедж Тайков слишком дорог для них. Конечно, им нужно что-то получше, чем та развалюха у ручья. Парень знает свою работу и хорошо ее выполняет. Я подумаю.

Мой брат кивнул и улыбнулся мне. В его улыбке не было торжества. Дружба с Ральфом добавила ему уверенности, но не высокомерия.

– Ральфу будет приятно, – добавил он безмятежно.

Тут я совершенно отчетливо поняла, чья это идея.

Аргументы и даже слова показались мне знакомыми. Да, мы с Ральфом были любовниками, но он в кулаке держал моего брата. Через него он мог влиять на отца. Насколько я знала Ральфа, его манило нечто большее, чем хорошенький коттедж Тайков. Он стремился владеть землей, и чем больше, тем лучше. Больше того, он хотел владеть нашей землей.

Он здесь родился, здесь он собирался и умереть. Коттедж был только первой ступенькой, и я даже не могла вообразить, к чему еще он потянется, чем удовлетворится его голод. Я понимала это так ясно, потому что испытывала те же чувства. Я могла бы пойти на любое преступление, любой грех ради нашей земли. Со все возрастающим страхом я наблюдала за своим одурманенным, безвольным братцем.

Извинившись, я вышла из-за стола и, не слушая маминых возражений, побежала к конюшне. Мне необходимо было увидеть Ральфа, чтобы узнать, насколько велика его страсть к Вайдекру. Если он хочет его так же, как хочу его я, – этот безмятежный и прекрасный дом, роскошный сад, склоны холмов и серебряные песчаные тропинки, – тогда наша семья обречена. Неожиданно рядом со мной один из кустов зашевелился, и оттуда выглянула голова Ральфа.

– Ох, – едва выдохнула я, – как ты меня напугал.

– Тебе не следует ездить одной, Беатрис, – усмехнулся он в ответ.

Я направила лошадь прямо в гущу громадного куста, чтобы посмотреть, чем занимался Ральф. Оказалось, что он устанавливал там огромный капкан на человека – страшное оружие против браконьеров. Почти четыре фута шириной, сделанный из закаленного острого железа, он захлопывался в одно мгновение с ужасающим звуком, напоминавшим удар бича.

– Что это за орудие пытки! – воскликнула я. – Почему бы тебе не установить его на тропинке?

– Тропинка хорошо видна из моего дома, – ответил Ральф. – И браконьеры это тоже знают. А здесь, перед тропинкой, они проползают через кусты, чтобы подобраться к фазанам. Я сам видел их следы. Мне кажется, капкан явится для них неожиданным сюрпризом.

– Он может убить человека? – спросила я, рассматривая его ужасные зубья.

– Вполне, – спокойно уверил меня Ральф. – Хотя это зависит от случая. В больших поместьях на севере их устанавливают вдоль стен и проверяют один раз в неделю. Если в него попал человек, то за это время он истечет кровью и умрет. Но твой отец не позволяет таких вещей. Если сюда попадет счастливчик, то ему просто поломают обе ноги, если же не повезет и будет порезана какая-нибудь важная артерия, то он может умереть.

– Ты успеешь спасти его?

– Нет, – протянул он. – Ты однажды видела, как я перерезал горло оленю, помнишь, как быстро он истек кровью? Так же и человек. Но шанс остаться в живых все-таки есть.

– Ты бы предупредил свою мать, – предостерегла я его.

Ральф рассмеялся.

– Она убегает, едва увидит его, говорит, что он пахнет смертью. – Тут он искоса взглянул на меня. – Я сплю здесь один после обеда и ночью сторожу его.

Я проигнорировала этот намек, хотя по моей коже пробежали мурашки при воспоминаниях о длинных послеобеденных часах, проведенных в этом домишке.

– Ты подружился с Гарри? – спросила я.

– Он хочет освоиться в ваших лесах, – кивнул Ральф. – Хотя у него нет такого чутья, как у тебя, но со временем он станет отличным хозяином, особенно при хорошем бейлифе.

– Но у нас никогда не было бейлифа, – быстро возразила я, – в Вайдекре никогда не держали бейлифов.

Ральф, все еще стоя на коленях, кинул на меня долгий испытующий взгляд. Его глаза сверкали так же холодно, как зубья этого капкана.

– Почему бы следующему сквайру не обзавестись им? – протяжно переспросил он. – Особенно если бейлиф будет знать землю лучше, чем он сам. Может быть, бейлиф станет лучшим ее хозяином, чем сам сквайр. Разве такого не бывает?

Я соскользнула с лошади и бросила поводья на ближайшую ветку.

– Давай сходим к реке, оставь пока свою работу. – И я пошла вперед, издалека обходя капкан.

Ральф набросал на него листьев и направился за мной. Мы шли молча. Впереди журчала Фенни, наша чудесная речка, чистая, как лед в горах. Стоило хоть полчаса посидеть здесь с удочкой, и у вас уже набиралось полное ведро угрей. Галька на берегу казалась на солнце золотой, а сама река текла, как струя серебра, с янтарными заводями в тени деревьев. Мы смотрели на нескончаемый поток воды и вдруг вместе вскрикнули: «Смотри-ка, форель!» – и тут же рассмеялись. Наши глаза встретились, и мы прочли в них одинаковую любовь к форели, реке и сладкой земле Суссекса. Мы улыбнулись друг другу.

– Я родился и вырос здесь, – сказал вдруг Ральф. – Мой отец работал на этой земле, и его родители работали, и их родители тоже. Я думаю, мне это дает какие-то права.

Речка что-то спокойно шептала.

Ствол упавшего дерева медленно покачивался у берега. Я ступила на него и уселась, свесив ноги в воду. Ральф прислонился к одной из ветвей и посмотрел на меня.

– Я знаю, что будет со мной, – спокойно сказал он. – Я не стану отказываться ни от этой земли, ни от удовольствий. Помнишь, как мы в первый раз говорили об этом?

Форель плеснула позади него, но он не оглянулся. Он смотрел на меня так же, как мой соенок по ночам: внимательно, как будто читая мои мысли.

– Одна и та же земля и одно и то же удовольствие для нас с тобой?

Он кивнул.

– Ты ведь все сделаешь, чтобы стать хозяйкой Вайдекра, не правда ли, Беатрис? Отдашь все, что имеешь, всем пожертвуешь, только бы остаться здесь, скакать каждый день по этой земле и иметь возможность сказать: «Это – мое».

– Да, – согласилась я.

– Но тебя отошлют отсюда, – сказал он. – Ты уже не ребенок. Тебя увезут в Лондон и выдадут за кого-нибудь замуж, а муж, возможно, даже увезет тебя в другое графство. Там все будет чужим. Травы будут пахнуть по-другому, земля будет другая. Молоко и сыр будут иметь другой вкус. Гарри женится на какой-нибудь высокородной девушке, и она станет хозяйничать здесь вместо твоей матери. Тебе еще повезет, если тебя пригласят сюда хотя бы на Рождество.

Я ничего не отвечала. Все это было правдой. Я часто представляла себе такую картину. Меня отошлют отсюда. Гарри женится. Вайдекр больше не будет моим. Мне придется жить где-нибудь в захолустье или, того хуже, в Лондоне. Я ничего не говорила, но в моей душе назревал страх.

Вся моя воля и вся моя страсть не могли спасти меня.

Ральф отвернулся от меня и стал смотреть на воду.

– Есть один способ остаться здесь и стать хозяйкой Вайдекра, – медленно проговорил он. – Это долгий и извилистый путь, но в конце концов мы получим все, к чему стремились.

– Каким образом? – спокойно спросила я.

Горечь одиночества сделала мой голос таким же тихим и медленным, как его. Ральф опять повернулся ко мне, и мы склонились друг к другу, как заговорщики.

– Когда Гарри наследует имение, ты останешься с ним. Он доверяет тебе не меньше, чем мне, – говорил Ральф. – Но мы обманем его, ты и я. Я буду обманывать его на ренте, на налогах, на земле. Я скажу ему, что надо платить больше налогов, и заберу себе разницу. Я скажу ему, что нам нужны новые особые семена, и возьму себе остаток. Или я скажу, что нам нужны новые племенные животные, и заведу себе стадо. Ты сможешь надувать его со счетами. На его жалованье слугам, расходах по дому, ферме, конюшне, пивоваренному заводу. Ты знаешь это лучше, чем я.

Он взглянул на меня, я кивнула в ответ. Да, я разбиралась в этом. Я принимала участие в управлении имением с ранних лет, когда Гарри еще учился в школе. По моим расчетам, действуя с Ральфом заодно, мы бы сделали Гарри банкротом за три года.

– Мы разорим его. – Голос Ральфа перешел в шепот, сливающийся с шепотом реки. – Ты можешь отделить себе приданое и установить над ним опеку лондонских стряпчих. Твое состояние будет в безопасности, а его мы сделаем банкротом. На деньги, которые я на нем заработаю, я куплю у него Вайдекр. И стану здесь хозяином, а ты станешь тем, кем стремишься быть, – хозяйкой самого прекрасного поместья и самого лучшего дома в Англии, леди Вайдекр, женой сквайра.

– А как же Гарри? – Мой голос был холоден как лед.

Ральф презрительно сплюнул в реку.

– Он просто глина в руках любого. Он может влюбиться в хорошенькую девушку или хорошенького мальчика. Может повеситься или стать поэтом. Он может жить в Лондоне или уехать в Париж. У него будет достаточно денег после продажи имения, он не будет голодать. – Ральф улыбнулся. – Он сможет навещать нас, если ты захочешь. Меня не волнует судьба Гарри.

Я улыбнулась в ответ, и мое сердце забилося быстрее от нахлынувшей надежды.

– Может, что-нибудь и получится, – сказала я нейтрально.

– Должно получиться, – ответил Ральф. – Я думал об этом много ночей.

Я представила его прячущимся в папоротнике, высматривающим браконьеров, но его пронзительные глаза видели не только их, но и неясные тени будущего, в котором не будет темных ночей. Вот он беседует с другими богатыми людьми после хорошего обеда, разглагольствует у догорающего камина о лени слуг, видах на урожай, некомпетентности правительства. Ему это пошло бы, к нему стали бы прислушиваться и соглашаться с ним.

– Этому может помешать одна вещь, – сказала я.

Ральф молча посмотрел на меня.

– Мой отец здоров как бык. Он вполне способен зачать завтра же еще одного ребенка и обеспечить его охраной и уходом. Кроме того, сейчас Гарри, может, и покорен тобой, но я сомневаюсь, что это продлится еще двадцать лет. Моему отцу сорок девять. Не исключено, что он проживет еще сорок лет. К тому времени, когда его не станет, я уже буду лет тридцать пять замужем за каким-нибудь толстым шотландцем и приобрету кучу детишек, а возможно, и внуков. А жена Гарри, кто бы она ни была, успеет подарить ему нескольких наследников, и они к тому времени тоже уже подрастут. Все, на что ты можешь рассчитывать, это коттедж Тайков, а все, на что могу рассчитывать я, это, – мой голос захлебнулся слезами, – это изгнание.

Ральф кивнул понимающе.

– Ты права, – подтвердил он. – Это проблема. Наш план должен осуществиться, но привести его в действие надо сейчас, этим летом. Пока Гарри слушает меня и восхищается тобой. Сейчас, пока мы оба хотим землю и друг друга. Я не хочу ждать, Беатрис.

Его глаза сверкали. Он был влюблен в меня и в мою землю – невыносимое положение для батрака. Но суровая реальность моей будущей жизни без Вайдекра тоже сулила безрадостные картины, она была полным контрастом тому, что обещал мне Ральф.

– Мой отец вполне здоров, – холодно произнесла я.

Последовала долгая пауза, в молчании мы как бы измеряли глубину решимости друг друга в достижении наших целей.

– Всякое возможно. – Слова Ральфа упали в это молчание, как камень падает в воду.

Я ничего не ответила, сравнивая ужас от потери моего восхитительного, моего обожаемого отца с ужасом потери Вайдекра, сопоставляя драгоценную жизнь такого жизнелюби-

вого и шумного человека с холодом и одиночеством моего изгнания, которое несомненно последует непосредственно за моим шестнадцатилетием. Я без улыбки смотрела на Ральфа.

– Возможны случайности, – пустым голосом сказала я.

– Это может произойти даже завтра, – так же бесцветно произнес Ральф.

Я кивнула. Как руки кружевницы, распутывающие клубок пряжи, мой разум исследовал путь, который через пропасть греха и преступлений привел бы меня к солнечной дороге обладания моим домом. Я соизмеряла, что ужаснее: потерять отца или собственное благополучие, – прикидывала, насколько Гарри влюблен в Ральфа и как далеко это может его завести; думала о моей матери и о том, что потеря отца сделает меня более уязвимой. Но снова и снова я возвращалась мыслью к безрадостной картине чужого северного замка. Она уязвляла мое сердце. Внезапно возникшее равнодушие отца также глубоко ранило меня. Он предал меня прежде, чем я даже помыслила о чем-то плохом. Я вздохнула. На все это находился только один ответ.

– Это должно получиться, – опять повторила я.

– Это должно получиться сейчас, – поправил меня Ральф. – Настроение Гарри может измениться через год, через пару месяцев. Если он, например, отправится в университет, мы оба потеряем власть над ним. Это должно случиться этим летом. Может быть, завтра.

– Завтра? – переспросила я в ужасе. – Ты говоришь, завтра? Что ты имеешь в виду?

Глаза Ральфа ничего не выражали.

– Да, – скупое повторил он. – Я имею в виду именно завтра.

– Почему так скоро? – изумилась я, чувствуя инстинктивное отвращение.

– А зачем ждать? – Ральф смотрел на меня. – Для меня ничего не изменится. Я верю в твоё мужество, Беатрис. Если ты любишь Вайдекр, если ты хочешь жить здесь, если ты такая, как я думаю, – то зачем ждать?

Его глаза сузились, изучая меня. Я знала, что вместе мы способны на все. Без меня у него никогда бы не родился этот план. Без меня ничего бы не получилось. Без него я бы тоже ничего не могла сделать. Мы поддерживали друг друга, словно пара падших ангелов, которые ведут друг друга в ад. Я глубоко вздохнула, чтобы немного замедлить биение моего сердца. Под нами безмолчно журчала река.

ГЛАВА 4

В то очень раннее жемчужно-серое летнее утро я внезапно проснулась с мыслью, что мне что-то необходимо сделать. Несколько мгновений я просто лежала в полудреме. И вдруг передо мной со всей ясностью, как на эмалевой картинке, предстал вчерашний день: сидя на бревне, прибитом к берегу, мы с Ральфом говорили о чем-то страшном, невозможном.

Ральф застиг меня в момент обиды, когда мое ревнивое сердце буквально разрывалось от горя. Я была уязвлена явным пренебрежением ко мне отца, предпочтением, которое он отдавал Гарри. И если бы я могла в ту минуту убить брата, едва пошевелив мизинцем, я бы сделала это. Но в самой глубине моего сердца таилась обида на отца: мне казалось, что он нарушил какую-то клятву, данную нами обоими. Разочарование и горе точили мою душу.

И в такую минуту Ральф предложил свой план, который казался таким логичным, таким обоснованным, таким легковыполнимым. Этот хладнокровно обдуманый ход давал мне то, в чем я нуждалась больше всего, – Вайдекр и одновременно позволял отомстить обидчикам.

Но сейчас я от отчаяния уткнулась в подушку, вспоминая наш страшный разговор. Как я могла выслушать этот бред и, тем более, согласиться? Но мысль о том, что мой отец в опасности и нуждается во мне, была сладкой. Правда, таким же сладким было желание каким-то образом остаться в Вайдекре и стать здесь хозяйкой. И вчера эти странные мысли слишком далеко завели меня.

Да, вчера во мне говорили ревность и страх за свое будущее. Но сегодня, хотя солнце еще не взошло и птицы не запели, настал другой день. Как только слуги встанут и откроют кухонную дверь, я побегу в коттедж Мэг, постучу Ральфу в окно и попрошу его забыть о нашем уговоре. Скорей бы отворяли дверь, что они так долго возятся. Через несколько минут, когда слуги встанут, я оденусь, на цыпочках спущусь по лестнице и за спиной служанки проскользну на улицу. Если Ральф сегодня ночью охотился за браконьерами, то я могу застать его еще по пути домой.

Я устроилась поуютнее в своей постели, сознавая, что через несколько минут придется вставать и умываться холодной водой. Мы с Ральфом все обсудим и придумаем что-нибудь другое. Возможно, все само собой повернется к лучшему. Если Гарри уедет в университет или останется гостить у маминых родственников, то я опять завоюю папину любовь. Хоть он и отвернулся от меня сейчас, я знаю, что в душе он любит меня. Он просто привязан к Гарри, привязан потому, что приходится его учить. Конечно, папа предпочтет наше легкое, безмолвное взаимопонимание общению с Гарри, который к тому же вечно отсутствует. Убаюканная этими мыслями, я задремала, но тут же опять вскочила и выглянула в окно. Еще не рассвело. С кухни не доносилось ни звука. Значит, еще слишком рано. Я на минуту закрыла глаза, прикорнула и провалилась в глубокий сон.

Когда я снова проснулась, яркий солнечный свет заливал мою комнату и передо мной стояла служанка, принесшая мне горячую воду для умывания и утреннюю чашку шоколада.

– Вы что-то сегодня поздно, мисс Беатрис, – сказала она приветливо.

Я откинула одеяло и подбежала к окну. Было уже совсем светло.

– Сколько сейчас времени, Люси? – спросила я, едва плеснув в лицо водой и поскорее натягивая юбку.

– Восемь часов, – ответила она, как будто это было совсем не важно.

Я вздохнула. Было бессмысленно упрекать себя за то, что я вдруг проспала в такой важный день.

– Помогите мне, – сказала я торопливо. – Я очень тороплюсь.

Служанка едва двигалась, но я сделала все сама и быстро сбежала по лестнице в холл. Папа уже сидел за завтраком, он пожелал мне доброго утра, я ответила, не останавливаясь. Я бежала к Ральфу.

Возможно, я еще успею, думала я на бегу. Сотни причин могли задержать Ральфа дома. Он мог проспать, так же как и я, мог засидеться за завтраком, в конце концов, может, он чувствовал, что я в тревоге ищу его. Он должен был догадаться, что я передумала, что вчера я просто сошла с ума и что, конечно, мой папа неприкосновенен. На своей собственной земле он – хозяин, и никто не может его тронуть. Мой отец дороже для меня, чем моя собственная жизнь.

Я уже задыхалась от бега, платье было мокрым от пота, но я не останавливалась. Вероятно, как раз сейчас Ральф одевается и идет в лес, где мне его уже не отыскать.

Вчера я ни о чем не расспрашивала его и теперь понятия не имела, где он может быть. Поэтому я все бежала и бежала, не смея остановиться. Это происходило как в одном из ночных кошмаров, когда вы спешите что есть сил, но что-то держит вас. Казалось, земля моего возлюбленного Вайдекра хватала меня за ноги и не пускала вперед.

Подбежав к домику Мэг, я шаталась как пьяная и даже не могла говорить. Я застучала обоими кулаками в дверь. Внутри послышались чьи-то шаги, и у меня закружилась голова от счастья, что я все-таки успела. Все будет в порядке. Ральф усмехнется и спросит меня:

– Неужели ты поверила, что это серьезно?

И мы оба рассмеемся.

Дверь открылась, и на пороге показалась Мэг.

– А где Ральф? – вскричала я, пытаюсь заглянуть за ее плечо.

– Ушел, – кратко ответила она, и ее глаза не выразили удивления при виде хозяйской дочки, мокрой от пота, с распущенными волосами, задыхающейся у ее дверей.

– Куда? – только и могла спросить я, чувствуя себя так, будто только что услышала свой смертный приговор.

– В лес, наверное. – Она пожала плечами.

Мои мысли прыгали. Мне казалось, что если я буду бежать без остановки, наказывая себя таким образом, то спасу отца и вчерашний кошмар не станет реальностью. Мэг вынесла мне большую глиняную кружку воды. Я залпом выпила ее. Потом я сидела, оцепенев от ужаса, чувствуя только, как пот катится по моему лицу.

– Он взял с собой ружье? – глухо спросила я.

– Нет. Он не взял даже собак, – ответила Мэг, кивнув головой в сторону собачьей конуры.

В моем мозгу затеплилась надежда. Возможно, утром он подумал о том же, что и я. И он просто пошел проверить капканы. Слава богу, мой отец в безопасности.

Мой отец.

Я вдруг осознала, где мой отец может быть действительно в полной безопасности. Дома, со мной, он будет невредим. И Ральфу придется отложить свой план. А потом мы с ним встретимся, и я все ему объясню. Все, что мне нужно сделать сегодня, это не выпускать отца одного. Я просто скажу ему, что поеду с ним. И я сберегу ему жизнь.

– Скажите Ральфу, что я срочно хотела его видеть, – бросила я Мэг торопливо, вскочила на ноги и пошатнулась от сильного головокружения.

Стараясь не замечать его, я медленно вышла из сада, дошла до реки и пошла по тропинке вдоль нее. Здесь мне стало лучше, и я ускорила свои шаги. Я оставила отца за завтраком, в это время он обычно читает утренние газеты. Сегодня еще не было почты. Застану ли я его, когда вернусь?

Он почти наверняка подождет письма и газеты. Если мне немного повезет, то, проходя через розовый сад, я увижу голубой дымок его сигары. Мне казалось, что я чувствую ее

запах. Я перешла на бег. Он там, я уверена. Разглядывает розы, удивляется, почему я так рано убежала из дома, поджидает мальчика – разносчика писем. Я ускорила бег. Я уверена, что он дома. Я застаю его, он крепко обнимет меня, и я буду спокойна, зная, что он в полной безопасности. Я никогда бы не причинила ему вред. Даже если бы захотела. Я уже бежала изо всех сил. Я должна убедиться, что ему ничто не грозит. Я просто скажу ему: «Я проведу сегодня с тобой целый день».

Или попрошу этого глупого Гарри: «Пообещай мне, что ты сегодня ни на шаг не отойдешь от отца». Гарри пообещает и сдержит свое слово.

Я бежала так быстро, как только могла; кусты разрывали на мне юбку, и журчание Фенни отдавалось громом в моих ушах. И вот уже показался дом, но мои глаза заливало потом, и я ничего не видела. Но я чувствовала, что отец стоит на террасе. Я не видела его, но я знала это. Он в безопасности. А Ральф может ждать в лесу сколько захочет.

Входная дверь была открыта. Наверное, отец пошел за новой сигарой. Я взлетела по ступенькам и ворвалась в гостиную, ничего не видя после ослепительного света солнца.

– Где папа? – спросила я одну из служанок, несущую поднос после завтрака.

– Он ушел, мисс Беатрис, – присев в реверансе, ответила она.

Я смотрела на нее, ничего не понимая. Этого не могло быть.

– Он уехал верхом? – недоверчиво переспросила я.

Служанка смотрела на меня удивленно. Так как отец всю жизнь каждое утро уезжал верхом, мой вопрос, видимо, показался ей несколько странным.

– Да, мисс Беатрис, – ответила она. – Около часа назад.

Я повернулась на каблуках и пошла наверх. Счастье покинуло меня сегодня. Должно быть, оно покинуло и моего отца. Он сейчас скачет где-то по своей земле, а убийца поджидает его. И я ничем не могу ему помочь. Ничем. Разве что обезопасить себя. И я прокралась в мою комнату, как тень. Нужно умыться и переодеться, прежде чем я встречу маму или Гарри. Я пыталась спасти отца. Но безуспешно.

Его принесли после обеда. Наши батраки внесли его через главный вход, пронесли через гостиную, и следы от их грязных башмаков отпечатались на блестящем полу и дорогом ковре. Дверь на кухню была открыта, и оттуда выглядывало около полудюжины слуг. Я стояла неподвижно, ухватившись за косяк, когда его пронесли мимо меня. На его виске зияла огромная рана. Моего отца не было в живых.

Я застыла как вкопанная, увидев эту ужасную процессию. Батраки едва передвигали ноги, как будто шли по пояс в воде. Это было невыносимо – видеть страшную рану на голове отца. Большая, глубокая рана, и внутри ее дрожала серая масса.

А его лицо! Это не было лицом моего отца. Это была маска ужаса, с оскаленными в усмешке зубами и выкатившимися глазами. Краски жизни покинули его, и он был весь желтый, как стены нашего дома. Это была статуя ужаса из вайдекрского камня, и носилки, казалось, прогнулись под ее тяжестью.

Говорили, что его сбросила лошадь. Он был найден мертвым около стены, отделяющей наш парк от фермерских земель. Лошадь стояла невредимая рядом со съехавшим седлом, как будто ослабла подпруга. Меня немного утешало то, что отец умер на своей земле, которую он так любил. Других утешений не было.

Это совершил Ральф. Это было бесчестное нападение, тяжкий грех.

Пока мама рыдала у себя наверху, а Гарри бродил кругами вокруг дома, мне удалось привести мысли в порядок. Это сделал Ральф. Он один ответствен за это.

Да, я сидела на том дереве у реки вместе с ним. Да, я сказала: «Всякое возможно», но я понятия не имела, что это значит. А Ральф это знал. Он зарезал однажды оленя, он умел свежевать зайцев и разделывать кроликов. Он все знал о смерти и не должен был говорить

со мной об этом. Я не поняла, о чем он говорит. А когда поняла, было уже слишком поздно. Это не моя вина.

Я не хотела, чтоб мой отец умер. Я просто хотела, чтобы он вернул мне свою любовь. Я хотела быть первой в его сердце и быть первой в Вайдекре, чувствовать себя в безопасности на своей земле.

Но Ральф убил моего отца. Он сделал еще хуже. Он забыл о пропасти между нами. Я никогда не позволю ему лечь в нашу семейную кровать. Я никогда не введу его в наш дом. Он не принадлежит к знати. Этот человек, всю жизнь проходивший в лохмотьях, осмелился напасть из засады на моего отца и убить его. Мой отец умер в мучениях от руки своего неверного слуги.

Ральф за это еще заплатит.

Пока мама хлопотала о траурных одеждах, церемонии погребения и письмах, Гарри, вне себя от неожиданной утраты, обращался ко мне за советами. Я же не могла выжать из себя ни слезинки, меня сжигала ненависть.

Ральф за это еще заплатит.

Ни один человек не может тронуть Лейси из Вайдекра и остаться при этом безнаказанным. Если бы я решилась отдать Ральфа в руки правосудия, чтобы его повесили, я бы сделала это. Но он с легкостью обвинил бы меня, а я бы не вынесла этого. Смерть отца не входила в мои планы. Его искаженное ужасом лицо все время стояло перед моими глазами, и единственный путь перешагнуть это было обещать себе: Ральф заплатит за свое преступление.

Моя ненависть сделала меня зоркой и хитрой, ничего нельзя было прочесть на моем лице. Во время похорон я опиралась на руку Гарри, будто бы едва держась на ногах.

В карете мама опять заплакала, и я взяла ее руку, но она не ответила на мое пожатие. Сразу после смерти отца и сейчас, в карете, я ощущала на себе ее взгляд.

– Ты хорошо знаешь лошадь отца, не правда ли, Беатрис? – неожиданно спросила она ясным голосом, совсем не похожим на ее обычное бормотание. – Как она могла сбросить его? Он никогда в жизни не падал с лошади. Как это случилось?

Ненависть к Ральфу сделала мою совесть чистой, и я не опустила глаза.

– Я не знаю, мама, – сказала я. – Наверное, ослабла подруга. Если это вина лошади, я прикажу ее застрелить. Но думаю, это был несчастный случай.

– Теперь все пойдет по-другому, – продолжала мама, не сводя с меня глаз. – Майорат, конечно, наследует Гарри. Ему, видимо, придется взять бейлифа. Или, может быть, ты сможешь ему?

– Конечно, я сделаю все, что смогу, – мягко ответила я. – Мы никогда не держали бейлифа, и папа был против этого. Но если вы с Гарри так решите...

Она кивнула. Воцарилось долгое молчание, прерываемое лишь шорохом мертвых листьев под копытами.

– Существует лишь одно, что Беатрис любит больше, чем отца, – это земля, – вдруг опять заговорила мама. Мы с Гарри обменялись непонимающими взглядами. Этот странный, какой-то провидческий голос был так непохож на мамин. – На свете никогда не было дочери, которая любила бы отца так, как Беатрис. Но землю, Вайдекр, она любит еще больше. И если б ее заставили выбирать между ними, я думаю, она бы выбрала Вайдекр. Для моей дочери большое утешение думать, что она сохранит хотя бы поместье.

Гарри испуганно посмотрел на меня.

– Будет, будет, – ласково проговорил он, похлопывая маму по руке. – Ты очень расстроена, мама. Мы все любили папу, и все мы любим наш Вайдекр.

Мама отвернулась от окна кареты и пристально посмотрела на меня, будто бы читала в самых глубинах моей души. Но я не опускала глаз. Это не мое преступление.

– Я буду помогать Гарри как могу, – твердо сказала я. – Так хотел отец, я остаюсь его дочерью.

– Ну будет, будет, – повторял Гарри. И взял нас обеих за руки.

Так, держась друг за друга, мы и въехали в Вайдекр. Больше никто не произнес ни слова, но про себя я еще раз поклялась, что Ральф заплатит за то горе, которое он причинил нам.

Завещание отца прочли в тот же день. Это была воля простого, честного человека. Мама получала свою вдовью долю и немалый доход от Вайдекра в течение всей жизни. Мне полагалось большое приданое деньгами, вложенными в какое-то дело в Сити, и дом в Вайдекре, пока не женится мой брат.

Гарри, по неоспоримому праву, наследовал все: земли, лесные угодья и долины. Если же он умрет, не оставив наследника, то вся наша земля перейдет к ближайшему родственнику по мужской линии, как будто бы меня и на свете нет. Вся моя семья: папа, мама, Гарри – могли умереть в боли и страхе, но меня это ни на шаг не приближало к земле. Целые поколения мужчин выработали эти законы, унижающие женщин. Они постарались, чтобы мы никогда не узнали радости владения землей. Они построили целую цепь барьеров между мной и моей собственностью. И не было никаких способов бороться с этими законами и этими традициями, которые были основаны мужчинами.

Я слушала завещание, пылая от ненависти. Не к Гарри, которому доставалось все, но к Ральфу, погубившему моего отца за это жалкое приданое для меня и бесценное сокровище для брата.

После перечня более мелких сумм и подарков следовала небольшая приписка для Гарри, в начале которой отец просил Гарри заботиться о бедных в нашем приходе. Но затем папа добавлял: «И я завещаю тебе, мой сын, заботиться о матери и о моей возлюбленной дочери Беатрис – как наиболее дорогой моему сердцу».

«Наиболее дорогой моему сердцу. Наиболее дорогой». Слезы, впервые с момента гибели отца, хлынули из моих глаз, и я не могла подавить рыдание, разрывавшее мне грудь.

Извинившись перед мамой, я встала и вышла из гостиной.

Он назвал меня «возлюбленной», он сказал им всем, что я «самая дорогая». Я стояла неподвижно, вдыхая запахи позднего лета и чувствуя боль утраты, словно болезнь, навсегда поселившуюся во мне. С непокрытой головой я пошла в розовый сад, дальше, через выгон и через лес к речке. Мой папа любил меня. Он умер в страдании. И человек, убивший его, должен умереть.

Ральф ожидал меня у старой мельницы. Он был лишен дара провидения своей матери и не увидел смерти в моих глазах. Он протянул мне навстречу руки, и я скользнула в его объятия и приняла его поцелуи.

– Я скучал по тебе, – прошептал он мне в ухо, в то время как его руки, глядя мое тело, стали быстро расстегивать на мне платье.

Я задохнулась, когда он наклонился и стал целовать мою грудь. Его подбородок царапал мне щеки и шею, его голова опускалась все ниже и ниже, и я чувствовала на себе его горячее пьянящее дыхание.

Над нами щебеча кружились поздние ласточки, но я не видела и не слышала ничего, кроме контура его головы и неровного тяжелого дыхания.

– О, как это приятно – трогать тебя, – вдруг серьезно сказал он, как будто могло быть по-другому. Он положил меня на кучу соломы и поднял мои юбки. – Скоро мы получим друг друга и Вайдекр, и это будет очень приятно, правда, Беатрис? Когда мы будем любить друг друга как муж и жена в главной хозяйской спальне? Когда я войду в тебя вот так, как сейчас, на широкой кровати под балдахин, как будто я родился джентльменом?

Его слова оставались без ответа, так как я не могла вымолвить ни слова, извиваясь под тяжестью его тела. Я стонала от наслаждения, как умирающий, и страсть захлестывала меня, как темная волна. Потом чувства схлынули и оставили меня опустошенной, но с ясной и холодной как лед головой. Я только испытывала острое сожаление, что это никогда больше не повторится.

– Что за сладкая у меня жена, – протянул Ральф. – Вот так это произойдет и в нашей с тобой спальне. Я буду каждую ночь спать на чистой постели, и ты станешь приносить мне кофе по утрам.

Я улыбнулась ему, не открывая глаз.

– Как мы будем проводить время? Останемся здесь навсегда или будем иногда ездить в Лондон? – спросила я.

Ральф потянулся и лег рядом со мной, закинув руки за голову и не дав себе труда одеться.

– Пока не знаю, – осмотрительно сказал он. – Я еще подумаю. Зимой в городе очень интересно, но тут охота на лис и все такое. Я бы не хотел пропускать это.

Мои губы искривились в усмешке, но и следа сарказма не слышалось в моем голосе.

– Ты уверен, что сможешь занять место моего отца?

Ты думаешь, тебя примет деревенская знать? Они ведь помнят, что твоя мать – цыганка, а отец сбежал от вас.

Ральф не шевельнулся. Ничто не могло поколебать его самоуверенности.

– Почему бы и нет? Я не хуже, чем все их предки, вместе взятые. И заслужил мое место в Вайдекре больше, чем они заслужили свое.

– Заслужил! – Я едва сдерживала презрение. – Странная заслуга! Убийство и бесчестье!

– А, все это только слова, – отмахнулся он. – Грех есть грех. На Страшном суде я получу свое. Я отвечу за это один. Ты ни в чем не виновата, Беатрис. Это я все задумал. Я приму и вину, и последствия. Я сделал это отчасти для тебя, отчасти для нашего будущего – но отвечу за все сам.

Напряжение соскользнуло с меня, как змеиная кожа. Я была невиновна.

– Ты сделал это один? – задала я свой главный вопрос. – Тебе кто-нибудь помогал? Ты говорил с кем-нибудь об этом?

Ральф обернулся ко мне и коснулся моего лица с нежной лаской. Он понятия не имел о том, что его жизнь висит на волоске.

– Я все сделал один, – сказал он гордо. – В деревне не пойдет никаких сплетен. Я не хотел рисковать, особенно ради тебя. Никто ничего не знает.

Он нежно касался моего лица кончиками пальцев. Я видела в его глазах и улыбке бесконечную нежность, и, несмотря на мой гнев, слезы наполнили мои глаза. Как я могла не любить его, что бы он ни сделал? Он был моей первой любовью и рисковал всем, чтобы подарить мне самое дорогое на свете – мой Вайдекр.

Я рассталась с легким, беззаботным детством в тот день, когда отец впервые заговорил о моем изгнании. Но боль и обида прошли, когда я, лежа в объятиях Ральфа, поняла, что он рискнет всем, чтобы получить меня и поместье. Я плакала от мысли, что он безнадежно проиграл свою игру.

Мечты Ральфа были безнадежны, потому что мир – это не рай из песни, в котором люди женятся по любви и живут где хотят. Эти мечты не имели будущего. Как бы часто мы ни любили друг друга в сене или на траве, какое бы наслаждение я ни находила в его, ставших опытными, объятиях, он оставался нашим слугой, сыном деревенской цыганки. А я была – Лейси из Вайдекра. Если бы это была другая земля, клянусь, я бы пожертвовала ею для Ральфа. Если бы это был другой дом, я бы ввела в него Ральфа как хозяина. В любом доме на другой земле Ральф спал бы на хозяйской постели и сидел во главе стола.

Но это был мой возлюбленный Вайдекр. И здесь не станет хозяйничать проклятый выродок цыганки.

Между нами – пропасть. Я могу иметь Ральфа ради удовольствия, но я никогда не выйду за него замуж. Минута, когда Ральф решил, что может командовать мной, была началом его конца.

К тому же как мог он забыть об этом? Он был убийцей моего отца. И я никогда не прощу ему этого. Человек, на руках которого кровь Лейси, никогда не станет хозяином Вайдекра. Бедняк, напавший на господина, никогда не найдет здесь приюта. Он будет наказан немедленно.

Когда в пятнадцать лет произносят слово «немедленно», то именно это и имеют в виду. Ральф должен умереть, пока не высохла кровь на его руках.

– Мне пора идти, – сказала я.

Ральф помог мне подняться и стряхнуть с платья приставшую солому.

– Я бы хотел поскорей занять коттедж Тайков, – нетерпеливо произнес он. – Напомни об этом своему брату завтра утром. Я не хочу ждать, пока умрет старик. Он может прекрасно сделать это и в другом месте. Нет причин откладывать это.

– Конечно, – покорно согласилась я. – Мне еще о чем-нибудь поговорить с Гарри?

– Ну, пожалуй, мне скоро понадобится конь, – ответил он задумчиво. – Некоторое время из-за траура Гарри не будет ездить верхом. И вряд ли твоя мать станет держать на конюшне эту лошадь, виновницу несчастного случая. Но она тут ни при чем, я точно знаю. Пусть Гарри отдаст ее мне.

При мысли, что Ральф будет скакать на породистой лошади отца, я вспыхнула от гнева, но мой голос оставался сладким.

– Конечно, Ральф, – мягко сказала я. – Ты захочешь многое изменить.

– Конечно, – протянул он. – А когда стану хозяином, то еще больше.

Слово «хозяин» в его устах заставило меня вздрогнуть, но мои глаза ничего не выражали.

– Мне уже пора, – повторила я, и мы обнялись на прощание.

Он поцеловал меня сладко и крепко, и я с рыданием спрятала голову на его плече. Какой знакомый запах – костра в лесу, юношеского пота и его кожи. Боль утраченной первой любви пронзила мое сердце. Я отчаянно обхватила руками тело Ральфа, которое я так хорошо знала и так сильно любила.

Он поцеловал меня в макушку и поднял за подбородок мое лицо.

– Что это? – спросил он. – Слезы?.. – Он наклонился и слизнул их, как кошка. – Не надо плакать, моя милая. Все теперь пойдет по-другому. Ты никогда больше не будешь плакать.

– Я знаю. – Меня не заботило, что я могу выдать себя этими словами. – Я знаю, что все пойдет по-другому. Это-то и заставляет меня грустить. Ах, моя любовь! Мой дорогой Ральф! Ничто больше не повторится.

– Все пойдет гораздо лучше, Беатрис. – Он непонимающе смотрел на меня. – Ты ведь ни о чем не жалеешь?

Я улыбнулась:

– Ни о чем. Все, что случилось, ты сделал ради меня и Вайдекра. У меня нет сожалений.

– Подожди немного, Беатрис, – удержал меня Ральф. – Не уходи такая грустная. Скажи мне, что с тобой.

Я улыбнулась, чтобы успокоить его, но боль так сжимала мое сердце, что я боялась не выдержать и разрыдаться.

– Ничего, все в порядке. До свидания, мой любимый.

Я действительно боялась, что не найду в себе силы расстаться с Ральфом, так преданно глядевшим на меня, так верившим в мою любовь. Половина моей души осталась с ним.

– Прощай, моя единственная любовь, – прошептала я, когда он уже не мог слышать меня.

Я проводила его взглядом и побежала через густые кусты в ту сторону, где стоял капкан. Я осторожно обошла его, села и стала медленно считать до трехсот. Любовь и гнев смешались у меня в голове, и я просто разрывалась на части, терзаемая ненавистью и обожанием. Я подавила вздох, и перед моими глазами опять возникла окровавленная голова моего отца, его неподвижное тело. Набрав побольше воздуха в грудь, я закричала как можно более испуганно:

– Ральф! Ральф! Помоги мне! Ральф!

Дверь домика распахнулась, и я услышала, как он несется сюда. Я застонала опять, до меня донеслись его быстрые бесшумные шаги, и вдруг капкан щелкнул и одновременно послышался хруст ломаемых костей и тяжелый невообразимый стон боли. Я упала на землю, впилаясь в нее пальцами и стала ждать еще одного стога. Но ничто не нарушало наступившую вдруг тишину. Ноги не слушались меня, но я должна была пойти туда и увидеть его. Посмотреть, что я сделала. Я обеими руками вцепилась в ствол бука и напряженно вслушивалась. Ни звука. Казалось, весь мир умер с последним стоном Ральфа. Неожиданно где-то далеко запел черный дрозд.

Бессмысленный страх охватил меня. Что произошло там, всего в нескольких футах от меня? Я пересилила себя и буквально поползла вперед.

Я увидела Ральфа, словно крысу, раздавленную капканом. Его ноги, переломанные зубьями, висели безжизненно, как у марионетки, а верхняя часть туловища бессильно распростерлась на земле. Один из зубьев, видимо, перерезал вену, и кровь, хлынувшая из раны, уже впитывалась в землю.

Силы опять оставили меня, и я оперлась о дерево руками, чтобы не упасть. Зажимая рот, я стала медленно пятиться от того, что осталось от моего возлюбленного, не поворачиваясь, не сводя с него глаз и стараясь не закричать.

Я, как преступник, забралась в дом через открытое кухонное окно и сначала прошла на чердак, чтобы забрать свою маленькую сову, свою Кенни. Затем вернулась в свою комнату и села на подоконник. По дороге я никого не встретила. В окошко глядел тоненький серп луны, и рядом с ним светилась крохотная, как слезинка, звездочка. Десять жизней назад я так же сидела у окна, а снизу на меня смотрел Ральф и подтрунивал надо мной. Сейчас я не могла любоваться звездами, мой мозг занимала картина изуродованного тела моего возлюбленного. Если он пришел в сознание, то сейчас, наверное, шепчет мое имя, надеясь, что я приду и спасу его, или же, если он понял, чьих это рук дело, безмолвно смотрит в темноту.

Кенни сильно выросла за лето и теперь почти могла летать. Ральф обещал, что, когда мы выпустим ее в лес, он будет ее немного подкармливать, пока она не научится охотиться сама. Ну что ж, в этом жестоком мире помощи ждать ни от кого не приходится, и мы будем выживать сами. Я открыла окно и протянула руку с совенком наружу. Ночной ветерок зашевелил перышки на его тельце.

– Лети, Кенни! – приказала я. – Я больше не нуждаюсь в любви и мудрости.

Совенок нахохлился, но не шелохнулся.

– Ступай! – жестко повторила я и резко подбросила его прямо к лунному свету, как будто он мог улететь и забрать с собой мои боль и страх.

Вместо этого он начал падать, но я не протянула к нему руки. Теперь я знала, что все, что мы говорим или делаем, неминуемо влечет за собой последствия. Если я бросаю в ночь неоперившегося птенца, он должен упасть и разбиться. Если я потакаю убийце, то происходит кровавое преступление. Если я зазываю моего любимого в ловушку, то он ломает себе кости и в полной беспомощности истекает там кровью.

Совенок опускался все ниже и ниже, но вот он расправил крылышки и чуть-чуть взлетел. Он медленно проплыл мимо кухонного окна и скользнул в ближайший куст. Его перья казались бледными в лунном свете, и я следила за тем, как он уселся, видимо сам удивленный своей свободой.

Мое напряжение спало, и тут я заметила, что одна моя рука продолжает что-то сжимать. Я медленно разжала пальцы и увидела горсть черной, пропитанной кровью земли и листьев. Я схватила ее, когда, вцепившись в землю, ожидала второго стопа Ральфа. Машинально я все еще держала ее, когда улетела моя Кенни, унося с собой мою любовь и мою мудрость.

Я спала всю ночь с этой пригоршней земли под подушкой, пачкая ею чистое ирландское полотно, о котором так мечтал Ральф. Я спала крепко, как ребенок, и не видела снов. Утром я завернула эту землю в бумагу и спрятала в мою шкатулку для драгоценностей. Станный поступок. В то утро я вообще чувствовала себя довольно необычно: как будто предыдущая ночь и все прошедшее лето были сном, от которого я только теперь очнулась. На память о любви Ральфа у меня оставался маленький совенок, но он улетел сегодня ночью. И еще осталась пригоршня земли, с того места, где он умер. Пригоршня нашей земли.

Весь следующий день я ждала известия о смерти Ральфа. Я была уверена, что ее принесет кто-нибудь из деревенских сплетников, мама или Гарри повторят ее за завтраком. Я ждала ее за обедом. Затем за чаем. Я ждала ее вечером в маминой гостиной... Ничего.

– Ты ничего не ешь целый день, Беатрис, – мягко сказала мама. – Нужно взять себя в руки, дорогая.

Гарри испуганно взглянул на меня, видно, его поразила моя бледность.

– Она очень переживает, мама, – сказал он. Встав со стула, он пересел ко мне на диван и взял меня за руку. – Бедняжка Беатрис, постарайся не расстраиваться так сильно. Папе бы это не понравилось.

Я улыбнулась ему, но в моем сердце был холод. Гарри знает о смерти Ральфа, но не говорит мне, чтобы не расстраивать, подумала я.

– У меня какое-то странное предчувствие, будто должно еще что-то произойти, что-то ужасное. – Помолчав, я пожала плечами. – Не знаю, отчего это. Пусть лучше что-то случится, чем так томиться в неизвестности.

– Предчувствия часто сбываются. – Слова мамы были, как всегда, банальны, зато ее глаза хорошо все видели. – Но ведь ничего не случилось, правда, Гарри?

Гарри встал и отпустил мою руку.

– Нет, мама. Нет, Беатрис. Что может случиться? Вы обе очень устали, а ты, мама, к тому же читалась глупых книжек. Утром вы почувствуете себя получше.

Мне не стало лучше утром. И через день не стало, и через два. Ральфа обязательно должны были найти. Я представляла, как его мать возвращается домой, там пусто и двери распахнуты. Она, должно быть, отправилась искать его, может быть, даже услышала его стоны. Почему же никто не рассказывает нам об этом? Неужели его мать не забила тревогу, не почувяла, что с сыном что-то случилось?

Я спустилась вниз к завтраку. Шел уже пятый день, но новостей никаких не было. Но сегодня я их услышу. Я была в этом твердо уверена. Скорбь об отце не оставляла меня. Как только я оставалась одна, слезы непроизвольно начинали катиться по моим щекам. Но о Ральфе я горевала тоже очень сильно, просто до физической боли. В моем сердце теперь всегда жила тоска об утрате двух самых близких мне людей, сделавших это лето таким прекрасным.

Я провела рукой по лбу жестом немолодой усталой женщины и спустилась к завтраку.

Новостей еще не было. Мы молча поели, затем мама встала и вышла из-за стола, и Гарри вдруг обернулся ко мне и сказал:

– У меня довольно странные новости, Беатрис, и я надеюсь, что они не расстроят тебя.

Чуть привстав, я упала обратно на стул. Мое сердце забилося от страха.

– Ральф, этот наш егерь вроде бы сбежал.

– Сбежал! – воскликнула я, непонимающе уставившись на Гарри. – Он не мог бежать. – Вид Ральфа с переломанными ногами, раздавленного капканом, так ясно предстал предо мной, что казалось, Гарри должен был увидеть это в моих зрачках. – Как он мог бежать? – спросила я, выдавая сама себя.

– Что ты имеешь в виду, Беатрис? – удивился Гарри. – Вот, возьми, – сказал он, протягивая мне чай.

Мои руки так сильно дрожали, что я непроизвольно сильно сжала чашку, и тонкий фарфор треснул. Надо взять себя в руки, мне нельзя распускаться. Под пристальным взглядом Гарри я глубоко вздохнула и постаралась расслабиться. Гарри не говорит мне всей правды, он боится огорчить меня. На самом деле Ральф, конечно, умер.

– Извини, Гарри. У меня шалют нервы. Ты что-то сказал о Ральфе?

– В другой раз, Беатрис, это не так уж важно. – Гарри похлопал меня по руке. – Я не думал, что тебя это так расстроит, моя бедная сестренка.

– Я не так уж и расстроена, – возразила я. – У меня было предчувствие, что Ральф умер. Не знаю почему. Но скажи, что произошло на самом деле.

– Нет-нет, никто не умер. Он просто исчез. – Гарри был спокоен. – Конечно, это большая потеря для имения, особенно для меня, он был бы хорошим управляющим. Но я думаю, мы проживем без него.

– Гарри, я должна все знать. Как он исчез? Почему?

– Видишь ли, это какая-то загадка. – Гарри сел подле меня, продолжая держать меня за руку. – Говорят, что кто-то из деревенских зашел к ним в дом и увидел, что все разбросано, их одежды нет и собаки тоже исчезли. Ни записки, ни слова. Они как будто испарились.

Мои ночные кошмары превращались в реальность. Где-то за стенами моего дома был Ральф, живой и свободный. Он знает, что это я заманила его в ловушку, что это я оставила его умирать. Что я позволила ему убить моего отца, а потом попыталась погубить его самого. И сейчас Ральф жив и он поджидает меня. И теперь всю жизнь мне не избавиться от этого страха.

– В каком состоянии они оставили коттедж? – холодно спросила я, постаравшись, чтобы вопрос прозвучал так, будто я собираюсь поскорей сдать его опять.

– Нам не сдать его в ближайшее время, – задумчиво произнес Гарри. – Люди болтают что-то о кровавых пятнах и колдовстве Мэг. Но это досужие выдумки, которые я не хотел бы повторять тебе, сестренка.

– Гарри, расскажи мне обязательно, – настойчиво повторила я. – Я бы не хотела узнавать об этом у горничной.

Гарри не пришлось долго упрашивать, – живущий в нем школьник обожал страшные истории.

– Значит, так, – начал он с плохо скрытым удовольствием. – Миссис Тайк забежала к ним, чтобы повидать Ральфа и спросить, что из мебели они хотели бы оставить.

Тут она увидела, что двери распахнуты, а на ступеньках пятна крови. Такие же пятна были и в кухне, как будто туда кого-то тащили. Единственная простыня Мэг была вся разорвана и тоже в крови.

Теперь я все поняла. Мэг, предупрежденная своим даром предвидения, пришла домой раньше и сумела отыскать сына. Каким-то образом она разжала челюсти капкана, высвободила Ральфа и потащила его в дом. Затем она отчаянно пыталась унять кровь, привести его в чувство, затем... Что же было затем? Ральф умер? Мэг похоронила тело? Возможно, она так и не узнала, что это не был несчастный случай. Тогда я могу жить спокойно. Я перевела дух и взглянула на моего брата.

– Это все?

– Хотел бы я, чтобы это было все, – продолжал Гарри с видом заядлой сплетницы. – Совсем непонятно, зачем они взяли с собой старую ручную тележку, оставив в доме все имущество. Старая Бетти клянется, что она видела, как какая-то женщина, очень похожая на Мэг, шла по дороге в Лондон, таща за собой старую тележку, в сопровождении двух собак. Это было три дня назад, она ничего никому не рассказывала, так как думала, что ошиблась.

Я отвернулась от Гарри, чтобы он не заметил отчаяния на моем лице. Теперь все стало ясно. По всей видимости, Мэг удалось спасти Ральфу жизнь, и, возможно, он рассказал ей, кто подстроил ему ловушку. Если бы было не так, она наверняка обратилась бы к нам за помощью. И теперь она увозит его прочь, подальше от меня, к своему цыганскому племени. И теперь всю свою жизнь я буду со страхом ожидать его появления, как это происходило в моих ночных кошмарах, в которых меня неизменно преследовало безногое туловище Ральфа.

Я почувствовала, что мне становится дурно.

– Извини, Гарри. Я, кажется, больна. Пришли ко мне горничную, – едва выговорила я и вышла из комнаты.

Теперь мой траур стал для меня подлинным символом скорби, и я больше не улыбалась, глядя на себя в зеркало. Я почти не решалась есть, из страха, что Мэг и Ральф вздумают отравить меня. Я боялась уходить дальше розового сада, из страха, что Ральф подстерегает меня где-нибудь поблизости... Даже дома я не чувствовала себя в безопасности, особенно ранними зимними сумерками, когда черные тени ложились на лестницу и не видно было даже противоположной стены холла, а складки на задернутых драпировках выглядели зловеще. Я почти не спала по ночам, и если засыпала, то вскоре просыпалась с криком ужаса. Мама обратилась к местному аптекарю, а затем к доктору в Лондоне, и мне прописали снотворное и прогулки. Но чем глубже я засыпала, тем тревожнее были сны, и в течение следующих трех, затем четырех и даже пяти месяцев нашей жестокой свинцовой зимы я жила, не отличая дня от ночи.

Затем медленно, милосердно и благотворно в мое измученное воображение стала проникать мысль о том, что ничего не происходит. Никто не узнал, что моего отца сбросили с лошади, а затем добились, как умирающего кролика. Никто не узнал, что я предательски заманила моего любимого в капкан и оставила его истекать там кровью. Известия об этих событиях как будто вмерзли в лед навсегда.

Зима понемногу сдавала свои права, и однажды утром я проснулась не то от пения малиновки, не то от треска льда на нашей речке. Я накинула теплую шаль поверх платья и вышла в сад. Повсюду уже торчали маленькие зеленые росточки, храбро проклюнувшиеся сквозь землю. И Ральфа здесь не было. Слава богу, его здесь не было.

В той части леса, где стоял их домик, светло-зеленое облачко первых крохотных листьев окутывало каждое дерево. Лес не почернел от моего предательского прощального поцелуя, земля бесследно впитала в себя кровь Ральфа, она не затаилась для мщенья, а расцвела так же, как и в другие годы.

Что бы ни произошло, оно осталось в прошлом. Все это было осенью, когда и положено умирать всему живому.

Я пошла быстрее по моей старой тропинке. Дойдя до старого амбара, я постояла там, вознося благодарность моему возлюбленному Вайдекру за то, что он возродился к новой жизни, за то, что я жива и мое тело стало сильнее и еще красивее. К обеду я возвратилась домой, напевая и впервые за эти долгие месяцы проголодавшись.

Гарри, вернувшись с прогулки верхом, поджидал меня возле террасы. И я, глядя на его возмужавшее и окрепшее тело, осознала, что опять могу быть любимой и желанной и опять

могу любить кого-то сама, что божество Вайдекра возродило меня от смертей и отчаяния к новой весне.

Я улыбнулась брату, подала ему руку, и мы вместе вошли в дом.

Доказательством моего выздоровления могло послужить то, что при неожиданном упоминании имени Ральфа я сохранила полное спокойствие. Однажды вечером мы засиделись допоздна в гостиной, читая вместе новый роман. Наконец мама объявила, что хочет спать, а я попросила Гарри не прерывать чтения, и мы остались в маминой гостиной одни.

– Я думаю, нам понадобится новый егерь, – испытующе произнес Гарри, следя за моей реакцией.

– Разве ты еще не нашел его? – воскликнула я, искренне удивленная. – Старый Беллингс уже никуда не годится, и, если ты не возьмешь кого-нибудь помоложе в деревне, наши вольеры будут к осени пусты, а зимой ты лишишься охоты на лис, так как браконьеры перестреляют весь молодежь. А молодые олени! Если ты сейчас же не наймешь нового егеря, у нас не будет ни охоты, ни мяса.

– Охота так или иначе отменяется, – напомнил он мне. – Мы ведь еще в трауре. Но ты права, мне следует подыскать нового сторожа. – Глаза Гарри светились любопытством и каким-то более глубоким волнением. – Мне очень не хватает Ральфа. Он был толковый и приветливый парень и здорово помогал мне.

Он помолчал. Меня осенила догадка: я поняла, что интересуется Гарри.

– Я действительно любил его. По-моему, ты тоже?

Отгаливающая картина: мы с Ральфом лежим обнаженными, а затем Гарри прижимается щекой к его грязной ноге – возникла перед моими глазами, но я продолжала молчать, не понимая, куда клонит мой брат.

– У него была очень властная, если не сказать, подавляющая натура, – продолжал Гарри, тщательно выбирая слова.

– О Гарри! – прошептала я рыдающим голосом. – Он заставлял меня делать ужасные вещи. Я так боялась его. Он говорил, что убьет меня, если я не стану его слушаться. В тот раз он подстерег и напал на меня, и, если бы ты не появился, я просто не знаю, что могло бы произойти.

– Я... я спас тебя? – спросил Гарри с надеждой.

– Он мог бы обесчестить меня и наше имя, – твердо сказала я. – Ты пришел вовремя, и я благодарю Господа за это. С того дня он стал бояться тебя и прекратил свои преследования.

Новый поворот событий чрезвычайно польстил самолюбию моего легковверного брата.

– Моя дорогая сестра, – произнес он нежно, – я так тревожился, но не осмеливался спросить... Ему не удалось совершить свой гнусный замысел? Я успел вовремя?

Мои щеки порозовели от девического смущения, и я вложила в свой ответ всю искренность и честность, на которые была способна.

– Я невинна, Гарри, – притворно застенчиво сказала я, – ты спас меня. И в том, что человек, покусившийся на мою честь, исчез навсегда, я вижу руку Господа. Моя честь в твоей власти.

Мой дорогой Гарри, на вид взрослый мужчина, иногда бывает совершенным ребенком. Как и мама, он предпочитал больше верить красивой лжи, чем горькой правде.

– Ты спас самое дорогое для меня, и я никогда не забуду, чем тебе обязана. Теперь ты глава нашей семьи и хозяин дома. Я горжусь тобой и вверяю себя твоей заботе.

Гарри обнял меня, и я прильнула к нему в целомудренном порыве. Тень желаний проснулась во мне, когда я почувствовала руки мужчины, обнимающие меня. Какой-то маленький демон заставил меня изогнуться таким образом, чтобы его рука, братски обнимающая меня, коснулась моей груди.

– Горжусь тобой всем сердцем, – порывисто повторила я.

Он убрал свою руку оттуда, где она случайно оказалась.

ГЛАВА 5

Этой ночью мой разум сыграл со мной во сне какую-то шутку. Мне приснился Ральф, но не герой моих ночных кошмаров, а прежний Ральф нашего любовного лета. Я скользила по нашему розовому саду, не касаясь ногами дорожки. Ворота были открыты, и я тут же перенеслась на берег реки, где виднелся знакомый силуэт. Я знала, что это он, и мы слились в каком-то необыкновенном экстазе счастья. Я стонала от наслаждения, но пароксизм его разрушил мой сон и я проснулась; однако последняя картина сна потянулась за мной, и я увидела лицо моего любовника. Это был Гарри. Но меня это нисколько не шокировало, наоборот, я счастливо улыбалась. Увидеть Гарри во сне не казалось мне странным, мы постоянно проводили время вместе, и я находила все больше удовольствия в его обществе. Мы вдвоем бродили по нашим садам, планируя новые посадки и места будущих тропинок. Затем, когда привезли саженцы деревьев и кустов, мы провели два восхитительных дня, помогая трем садовникам рассаживать их.

Иногда мы вместе уезжали к холмам. Мне еще не позволялось скакать верхом из-за траура, но я приказывала заложить старую коляску и впрячь в нее мою кобылку. Правила я сама, Гарри скакал рядом, и я думала, как приятно было бы отцу увидеть нас, так дружно опекающих землю, которую он так любил.

– Ты не устала, Беатрис? – заботливо спрашивал Гарри.

И я улыбалась в ответ, и мы взбирались на самый верх, чтобы заглянуть на уже зеленющие поля и леса или, оглянувшись назад, окинуть взглядом синий сверкающий простор моря.

Мое чувство почтительного страха перед образованностью Гарри стало таять, особенно когда я видела, как мало он знает о земле. И я начала прислушиваться к его рассказам о книгах и мыслям, важным для него. По-настоящему же оживлялась я, когда Гарри начинал говорить о земле и о том, почему владеть ею должны только избранные. Гарри, заметив это, добродушно подтрунивал надо мной, говоря:

– О Беатрис! Тебя волнует только то, что относится к Вайдекру и его земле. Ты просто маленькая язычница!

Но я только смеялась и в ответ ласково упрекала его, что он, наоборот, даже не может отличить дикого овса от злаков пшеницы, что вообще-то было убийственной правдой.

Возможно, если бы по соседству жило больше наших сверстников, мы проводили бы меньше времени в обществе друг друга. К тому же знай Гарри получше сельское хозяйство, он не нуждался бы так сильно в моих советах. Траур мешал Гарри провести зимний сезон в Лондоне, а мне уехать в гости на несколько дней. В общем, положение складывалось таким образом, что мы все время были вместе. Мама, правда, пыталась удерживать меня дома, привлекая к занятиям молодой леди, но я упорно сопротивлялась, имея к тому же убедительный предлог – посвящать в хозяйство Гарри.

Земля скучала по отцу. Гарри знал о хозяйстве мало и вникал во все дела очень медленно, наши арендаторы браконьерничали и грабили нас без удержу. Гарри не смог собрать людей ни на сев, ни на прополку наших полей. Но на фоне его беспомощности рос мой авторитет, и – о боже! – каким наслаждением было чувствовать себя хозяйкой Вайдекра. Я действительно распоряжалась здесь как хозяйка, и все реже меня посещала мысль о том, как хорошо было бы владеть этой землей самостоятельно. Гораздо приятней было скакать с Гарри целыми днями по проселочным дорогам, а по вечерам сидеть вместе у камина и чувствовать на себе его любящую улыбку.

Он уже не казался школьником, отпущенным на каникулы домой. Это был молодой мужчина, расцветший и окрепший на привольном воздухе. Что же касается меня, то с каж-

дым днем моя кожа все больше приобретала медовый оттенок, глаза светились все ярче, а волосы рыжели на солнце. Однако я чувствовала, что мне все больше не хватает любви и тепла. Я крепче сжимала губы, вспоминая грубые, настойчивые поцелуи Ральфа, мое тело горело под черным траурным шелком, когда я думала об его интимных, бесстыдных объятиях. В одну из таких минут, когда мы вдвоем сидели в библиотеке у камина, я почувствовала на себе пристальный взгляд Гарри и вспыхнула до корней волос.

Как ни странно, Гарри ничего не сказал, но смотрел на меня так, будто бы он смущен и растерян тоже.

Мы были совершенно разными. С Ральфом мы не испытывали нужды в словах, мы оба знали, предстоит ли сегодня ненастье или будет ясный день. Мы оба знали, когда крестьяне собираются работать на холмах и нам следует укрыться подальше в лесу. Мы оба знали, что страсть и земля – самые важные в мире вещи, а все остальное не имеет значения.

Гарри же понятия не имел о таких вещах. Но я не чувствовала презрения к нему, наоборот, меня разбирало любопытство узнать, что он считал важным и первостепенным. Гарри был для меня очень привлекательной загадкой, и мой интерес к нему возрастал с каждым днем. Правда, мама разрушала нашу идиллию, настойчиво призывая меня к жизни благовоспитанной леди, а не управляющего именем. Но даже ей приходилось признавать неопытность Гарри и его потребность в моих советах. Однажды, когда ей удалось оставить меня дома из-за визита дам из Хаверинг-холла, мы потеряли больше пятидесяти фунтов за один день работы. Гарри не смог уследить за работой жнецов, и они утащили у нас приблизительно треть собранного зерна.

Дамы – леди Хаверинг и маленькая мышка Селия – вежливо болтали с мамой, а я, наблюдая в окно за садящимся солнцем, с бессильным отчаянием думала о жнецах. Когда Гарри вернулся к чаю, все мои опасения подтвердились. Он с великой гордостью доложил, что они закончили с работами на Малой ферме. Если бы они работали как следует, они бы не управились с ними и до конца следующего дня. Гарри уселся подле Селии и занялся болтовней и пирожными, в то время как я едва могла усидеть на месте от беспокойства.

Эти двое провели не меньше получаса в дурацких разговорах о чудесной погоде и последних романах, пока мой тяжелый взгляд не заставил Гарри подняться. Этого облаканного судьбой Купидона совершенно не заботила мысль о том, что рабочие в это время устроили себе славный перерыв. Еще столько же времени Гарри провел раскланиваясь и целуя ручки и явно сожалея, что приходится уезжать. Загадочные вкусы моего прекрасного братца не всегда можно было одобрить.

– Вы, кажется, обеспокоены урожаем, мисс Лейси? – тихо спросила Селия.

Я остро взглянула на нее, размышляя, не дерзость ли это, но ее мягкие карие глаза смотрели невинно, а личико дышало добротой.

– Это первый урожай, заботы о котором лежат на Гарри, – рассеянно ответила я. – Он много отсутствовал и пока не очень силен в хозяйстве. Боюсь, что мне надо было сопровождать его.

– Вы бы не согласились?.. – Селия запнулась. – Если вы любите править... – Она опять смешалась. – Мы приехали в мамином экипаже, и мы с вами могли бы...

Тут она замолкла окончательно, но смысл ее речи уже был для меня ясен. На горизонте скапливались грозовые тучи, и я знала, что это для нас означает.

– Править? – воскликнула я. – Но это было бы чудесно!

«Мамин экипаж» оказался огромной старомодной каретой, и после небольшой суматохи мы разместились в нем и направились в поле. Селия тщательно защищала свое личико от лучей солнца, – по сравнению с моим цвет ее лица был молочно-белым. Казалось, что она обсыпана мукой, в то время как мое лицо, руки и шея золотились от загара, а на носу виднелась даже россыпь веснушек. Даже в моем траурном одеянии я была гораздо ярче Селии.

Она выглядела бледненькой и тихой, едва осмеливавшейся поднимать глаза и без конца поджимавшей свои пухлые, как бутончик розы, губки. Она казалась гораздо моложе меня, хотя была на пять лет старше.

По-видимому, ее совсем не тревожило то, что в двадцать один год она все еще не была замужем. Лорд Хаверинг провел ее первый сезон в Хаверинг-холле, вместо того чтобы вывезти ее на ярмарку невест в Лондон. Почти все состояние леди Хаверинг было промотано им после свадьбы на скачках и за игорным столом, и его дочери мало что осталось. Собственное состояние Селии, спасенное заботами разумных родственников от ее расточительного отчима, гарантировало ей одно-два предложения, но Селия отказала претендентам, а леди Хаверинг не стала настаивать. Теперь Селия проводила свои дни дома, имея весьма смутное понятие о том, что в жизни девушки могут присутствовать и радостные минуты.

У нее было мало поводов радоваться жизни. Когда ее мать приняла предложение лорда Хаверинга и переехала в его дом, она захватила с собой Селию, разумеется, не спрашивая ее мнения. В возрасте одиннадцати лет эта несчастная девочка стала присматривать за невоспитанными и шумными детьми своего отчима, который, в попытках расплатиться с картонными долгами, рассчитал экономку, няню и гувернантку и сложил все бремя забот на свою новую жену и приемную дочь.

Высокородные, но дурно воспитанные отпрыски лорда Хаверинга не питали никаких теплых чувств к своей новой сестрице. Селия жила тихой незаметной жизнью, пребывая в постоянном одиночестве в сердце одного из самых больших владений графства и неся молчаливый траур по своему отцу.

Приданое Селии составляли превосходные земли, расположенные неподалеку от нас. Мы были с ней знакомы с детства, когда наши мамы обменивались визитами, а нас приглашали друг к другу на детские праздники. Когда же я стала постарше и получила возможность проводить время с моим отцом, я прекратила поездки в Хаверинг-холл. Иногда мы наезжали туда во время охоты с гончими, и я, раскрасневшаяся, одетая в ярко-зеленую или синюю амазонку, лишь мельком видела ее в белом атласе, стоящую у окна. Она, разумеется, не принимала участия в охоте. Я думаю, что единственными событиями в ее жизни были две воскресные службы в церкви и редкие светские визиты вроде наших. Что сейчас внушило ей мысль прокатиться со мной в поле, знает один Бог. Я погоняла и погоняла лошадей, чтобы скорее прибыть на место, а о чем думала Селия, меня мало заботило.

Едва мы прибыли в поле, моя правота во всей ясности предстала предо мной. Дюжина мужчин жали, за ними следовали их жены и дети, подбирающие колосья и складывающие их в мешки. По бытовавшему у нас правилу, после того как урожай был собран, крестьянам разрешалось выходить на поле и собирать колоски для своей скотины. Сегодня же они, пользуясь беспечностью Гарри, проделали старый, всем известный трюк: резали стебли так коротко, что они не связывались в снопы и оставались лежать в поле на радость их семьям.

Вместо того чтобы наблюдать за порядком, Гарри, оставшись в одной рубашке, с серпом в руках стоял в конце линии. Несмотря на мою досаду, я не могла не признать, что выглядел он в таком виде очень привлекательно. Без парика, с откинутыми назад золотистыми волосами, он казался гораздо выше и стройнее большинства окружавших его мужчин. Темные брюки плотно облегли его мускулистые стройные ноги. Клянусь, я не могла без волнения смотреть на брата. Глаза Селии тоже не отрывались от него. Наконец, заметив нас, он бросил свое дурацкое занятие и подбежал к нам.

– Надеюсь, что тебе удастся не обрезать себе ноги по колено, – ядовито сказала я.

Мне было ужасно жарко, и я ненавидела себя в этом тяжелом траурном платье рядом с воздушной сияющей Селией в белых шелках и под очаровательным зонтиком.

Гарри рассмеялся в восторге.

– Я тоже надеюсь, – счастливым голосом ответил он на мою насмешку. – Как это чудесно! Вы знаете, что это мой первый урожай?

Селия не отрывала глаз от него, от распахнутой на груди рубашки, которая открывала едва тронутую солнцем грудь с виднеющимися на ней волосками.

– Жнецы должны стоять поближе друг к другу, – говорила в это время я. – Иначе они пропускают целый ярд при каждом шаге вперед.

Гарри улыбнулся Селии:

– Я – новичок в этих делах.

– Я тоже ничего не знаю об этом, – ответила Селия ему с большой теплотой. – Но мне нравится смотреть, как люди работают.

– Работают! – насмешливо повторила я. – Да сегодня у них просто праздник. Гарри, пожалуйста, помоги мне слезть.

Я оставила этих двоих наслаждаться прекрасной сценой и пошла через поле к жнецам.

– Смотри-ка, – сказал один из них достаточно громко, чтобы я слышала. – Это идет хозяйка.

Раздался тихий смешок, и я тоже усмехнулась.

– Подурачились, и хватит! – властно сказала я так, чтобы слышали все. – Ну-ка все – сдвиньтесь поближе.

Джон Симон, я не собираюсь кормить бесплатным зерном твою семью зимой. Подвинься-ка поближе к Уильяму. А ты, Томас, подойди поближе к забору. Вы думаете, я не понимаю, что за игру вы тут затеяли. Если будете так продолжать, на Михайлов день⁷ я вас всех выгоню.

Пересмеиваясь и подталкивая друг друга локтями, они сдвинулись и начали работу сначала, теперь уже делая все как положено. Я улыбнулась при виде нашего урожая, скошенного и складываемого в стройные копны. Затем обернулась и пошла к карете.

Селия заливалась смехом, как певчий дрозд, а Гарри улыбался, с интересом наблюдая за ней. Я не обратила внимания на эту трогательную картину.

– Гарри, теперь ты понимаешь, как именно они должны работать? – спросила я.

– Да, – равнодушно ответил он, – я говорил им, но потом они опять как-то рассеялись по полю.

– Они стараются обвести тебя вокруг пальца, – продолжала я. – Покажи им наконец, что ты здесь хозяин.

Гарри усмехнулся Селии, и я увидела ее ответную застенчивую улыбку.

– Никуда-то я не похужу, – произнес он кокетливо, явно напрашиваясь на комплимент.

– Вот именно, – быстро подтвердила я, не дав Селии и рта раскрыть. – Возвращайся к ним и не давай им отдыхать более десяти минут.

Домой Гарри вернулся уже при золотом свете месяца, когда мы переодевались к обеду. С непонятным волнением услышала я стук копыт его лошади и более придирчиво глянула на себя в зеркало. Я решила заколоть волосы повыше на затылке и задержалась, пытаясь сравнить себя с Селией. Я была красива и знала это. Бог дал мне хорошую внешность, спасибо Ему, но мне было интересно, как я выгляжу рядом с прелестной Селией. Я вспомнила сегодняшнюю сцену на поле и впервые подумала, что Гарри может быть неприятно, когда я командую им на людях. Вполне возможно, что его сердце не подпрыгивает при виде меня так же, как только что подпрыгнуло мое при звуке его приближения. И конечно уж, он не следит за мной так внимательно и не ловит каждое мое движение, как это делаю я.

Я спустилась в мамину гостиную и подошла к большому трельяжу, стоявшему в простенке. Там я могла видеть себя в полный рост. Мой вид не разочаровал меня. Черное мне

⁷ 29 сентября, день окончания сезонных работ и расчетов с работниками.

шло гораздо больше, чем те бледные тона, которые меня заставляли носить раньше. Это платье имело низко опущенный корсаж и вырез типа каре. Оно делало меня стройной, как тростинка; высоко зачесанные волосы обрамляли лицо естественными локонами, а глаза при свете свечей казались мерцающими, как у кошки.

Свет в комнате падал только на меня, и все очертания позади терялись в неясном полумраке. Зеленые фалды занавесей у старинной кровати казались развесистыми лапами ели в свете моей одинокой свечи. Отблеск огня загадочно играл на противоположной стене. Игра света, а может быть, обостренное воображение, – но мне на минуту показалось, что я не одна в комнате. Не оборачиваясь, я продолжала вглядываться в зеркало, пытаюсь разглядеть тень в углу комнаты.

Это был Ральф.

Он лежал, как ему и хотелось, на старинной хозяйской кровати. На его лице играла та теплая, любящая улыбка, которая всегда появлялась у него при виде меня. Улыбка, в которой смешивались доверие, нежность, мужская гордость и какой-то привкус грубой силы.

Я замерла, не в силах ни вздрогнуть, ни пошевелиться. Я не видела его ног.

Если они целы, то, значит, все последние месяцы были просто ночным кошмаром, а сейчас это сладкая реальность. Если же их нет, следовательно, ночной кошмар продолжается и я просто схожу с ума. Я должна обернуться и понять, что происходит.

Мое лицо было единственным освещенным местом в комнате и как-то призрачно смотрело на меня из зеркала. Я закусила губу для храбрости и медленно, медленно повернулась.

В комнате никого не было.

Кровать была пуста.

– Ральф? – хрипло спросила я, и свеча в моей руке задрожала.

Я сделала три шага и подняла ее повыше, чтобы видеть все углы комнаты. Подушки и вышитое покрывало на кровати лежали несмятыми. Я потрогала трясущейся рукой подушку, она была холодной.

Здесь никого не было.

Я добрела до маминого туалетного столика и буквально уронила на него подсвечник.

– О боже! – простонала я жалобно. – Не дай мне сойти с ума. Не насылай на меня этой страшной болезни сейчас, когда я так близка к миру и покою.

Долгие минуты прошли в полной тишине, прерываемой лишь тиканьем старинных дедовых часов в коридоре. Я глубоко вздохнула и отняла руки от лица. Мое отражение в зеркале было по-прежнему привлекательным, но я смотрела на него как чужая. Я никогда не подозревала о том, какой мрак и ужас прячутся в глубине этих зеленых кошачьих глаз.

Внезапно где-то рядом скрипнула половица, и дверь отворилась. Я вскрикнула от страха, но оказалось, что это мама. Секунду она стояла не двигаясь, внимательно, с каким-то странным выражением глядя на меня.

– Ты кокетничаешь перед зеркалом, Беатрис? На тебя это не похоже, – немного помолчав, мягко сказала она. – Я напугала тебя? Ты такая бледная. О чем ты думала сейчас?

Я натянуто улыбнулась и отвернулась от зеркала. Мама молча подошла к комоду и достала из верхнего ящика носовой платок. Молчание странным образом затягивалось, и я ощутила некоторый прилив тревоги.

– Ты, должно быть, соскучилась по своим нарядным платьям, – как всегда не вовремя, сказала мама. – Мисс Хаверинг так очаровательна сегодня, не правда ли? Я думаю, Гарри не остался к ней равнодушен.

– Гарри? – механически переспросила я.

– Они очень подходят друг другу, – продолжала мама, брызгая туалетной водой на кружева носового платка. – Земли, которые пойдут ей в приданое, так удобно расположены, совсем рядом с нашими, я знаю, папа всегда любовался ими. Да и сама она очень милая,

очаровательная девушка. Дома ей приходится нелегко, но малышка сумела приспособиться к этим несчастным обстоятельствам. Леди Хаверинг уверяла меня, что Селия не стремится ни к каким переменам, и мы можем не торопиться. Я думаю, что это была бы прекрасная партия.

Я почувствовала все нараставшую досаду. Мама могла бы не рассуждать так долго, кто лучше подходит Гарри. Гарри – мой друг. Мы вместе управляем Вайдекром.

– Она подходит Гарри? – Недоверчивость в моем голосе нарастала.

– Наилучшим образом, – подтвердила мама, стараясь не встречаться со мной глазами. – Ты, я надеюсь, не думаешь, что Гарри останется на всю жизнь холостяком? Забудет свой долг перед семьей и умрет бездетным?

Я молча уставилась на нее. Об этом я никогда не думала. Мои мысли не забежали так далеко вперед. Сейчас для меня существовало только это лето нашей растущей близости, тепло его улыбки, нежность в его голосе, когда он говорил со мной.

– Я вообще никогда не думаю о будущем, – откровенно призналась я.

– Зато я думаю. – В голосе мамы прозвучало нечто такое, что заставило меня насторожиться.

Для меня она всегда была малозначащей пешкой на великолепной шахматной доске нашего Вайдекра, и сейчас мысль о том, что мама способна заглянуть глубоко в мою душу, напугала меня. Она знала меня, как никто другой. Она дала мне жизнь, ухаживала за мной, она видела мою любовь к земле и растущее желание управлять ею. Если б она знала!.. Но здесь я оборвала себя. Заглянуть за барьеры, которые я воздвигла в своей собственной душе, было невысказано даже для мамы.

Она тревожилась обо мне годами. Ее мелкие придирки только раздражали меня. Папа всегда самодовольно утверждал, что Лейси из Вайдекра не могут ошибаться, так что ее жалобы на меня казались всем просто плодом ее глупого городского воспитания. Но сейчас, когда папы не стало, выяснилось, что ее суждения обо мне были достаточно здоровыми. Она не только считала, что я веду себя неподобающе, – это легко можно было исправить, – нет, она находила, что мои мысли и поступки вообще не соответствуют мыслям и поступкам молодой девушки.

– Мама... – неожиданно для себя произнесла я, и это был полусознанный призыв к помощи, к защите, которую она могла бы дать мне против моих страхов. Хотя то, чего я боялась больше всего, было недостижимым для ее зорких глаз.

Она прекратила возню с ящиками и подошла ко мне, беспокойно изучая мое лицо.

– Что случилось, Беатрис? – спросила она. – Что с тобой? Хоть ты мое собственное дитя, временами я даже не могу понять, о чем ты думаешь.

Я молчала. Я не находила слов. Видеть мамино лицо и разговаривать с ней всего через несколько минут после этой страшной галлюцинации было свыше моих сил.

– Что-то происходит в нашем доме, что-то идет неправильно, – продолжала она уверенно. – Меня всегда считали дурушкой, но это далеко не так. И сейчас я знаю, что в нашем доме происходит что-то плохое.

Я протянула руки, наполовину призывая ее, наполовину – защищаясь от тех слов и мыслей, которые могли прийти ей на ум. Она не приняла моих рук. Она не сделала ни одного движения ко мне, продолжая холодно изучать меня.

– Ты любила отца совсем не так, как обычно любят своих родителей дети. Я ведь наблюдаю за тобой всю жизнь. Ты любила его, потому что он был сквайр и потому что он владел Вайдекром. Я знаю это. Со мной здесь никогда не считались, и мое мнение никого не интересует. Но я уверена, что в такой любви есть что-то... опасное.

У меня перехватило дух, когда она на минуту задумалась, а затем нашла это слово.

Я сжала за спиной руки, чтобы не выдать их дрожь, и отвернулась от матери, чтобы скрыть свою ужасную бледность. Если бы я даже была убийцей, стоящей на эшафоте, я не могла бы чувствовать себя более виновной, более ошеломленной.

– Мама... – почти прошептала я. Это была мольба остановиться, не казнить меня больше такими ужасными словами.

Она подошла вплотную ко мне. Я готова была отступить, но, собрав всю свою храбрость и гордость, оставалась стоять как вкопанная. Я смотрела ей в глаза моими отважными, лживыми глазами и не опускала их.

– Беатрис, я намерена женить Гарри на Селии, – с трудом произнесла мама, и я увидела в ее глазах слезы. – Поверь, ни одна женщина не стремится к появлению другой в ее доме. Ни одной матери не хочется, чтобы ее сын отвернулся от нее ради своей невесты. Но я делаю это для Гарри. – Помолчав, она добавила: – И для тебя. Тебе придется расстаться со своим слепым обожанием этой земли и ее хозяина. Когда в доме появится другая девушка, немногим старше тебя, ты начнешь больше выезжать. Ты будешь навещать Хаверингов, возможно, ездить с ними в Лондон. И Гарри будет поглощен Селией и станет меньше времени проводить с тобой.

– Ты хочешь стать между мной и Гарри? – спросила я с импульсивной обидой.

– Да, – резко ответила она. – Что-то происходит в этом доме. Я не могу сказать что, но я чувствую это. Какое-то дуновение опасности. Я ощущаю это, когда вижу вас с Гарри вместе. Вы оба мои дети. Я люблю вас обоих. И я спасу тебя от любой опасности, какая бы ни угрожала тебе.

Я собрала все свои силы для того, чтобы доверчиво улыбнуться маме и ласково сказать ей:

– Мама, ты просто устала и горюешь о папе. У нас всех еще траур. Нет никакой опасности, никакой угрозы. Просто брат и сестра стараются вместе делать работу, которую хорошо знал и любил их отец. Это только работа, мама. И скоро Селия будет помогать нам.

Она вздохнула и нервно пожала плечами.

– Мне хотелось бы верить в это. Иногда я думаю, что схожу с ума, везде подозревая опасность. Может быть, ты и права, Беатрис, и это только горе диктует мне разные страшные мысли. Прости меня, дорогая, что я встревожила тебя своими глупостями. Но помни, пожалуйста, что я сказала. Сейчас, когда папы не стало, ты находишься под моей опекой и тебе придется вести более нормальную жизнь. Пока Гарри нуждается в твоей помощи, ты можешь поддерживать его. Но когда у него появится жена, твое влияние не понравится им обоим. И я надеюсь, Беатрис, что ты благоразумно воспримешь эти перемены.

Я склонила голову, чтобы скрыть улыбку.

– Хорошо, мама, – безмятежно ответила я, а сама подумала: «Тебе не усадить меня за шитье в гостиной, когда светит солнце и жнецы выходят на поле. И ты, мама, это хорошо знаешь».

Но помолвка все же показала, насколько уязвимо мое положение. У меня не было никаких планов на подобный случай. Это Ральф умел все планировать, и он заплатил за это. Я же, как ребенок, могла только купаться в солнечном свете дня, я даже не была главным действующим лицом этим летом. Просто я пока знала больше, чем знает Гарри. Я лучше разбиралась в потребностях нашей земли и наших людях. Но этим летом всходила звезда Гарри, и, сколько я ни отдавала приказаний и как ни суетилась, лишь когда он появлялся, все вокруг преобразалось.

Конечно, он не мог следить за жатвой так, как это делала я. Он бывал то слишком дружелюбен – принимаясь сам косить, – то слишком недосыгаем для жнецов – когда уезжал домой обедать. Они предпочитали работать со мной, зная, что свое дело я сделаю хорошо – расставлю их на поле, пересчитаю скирды, спланирую работу на завтра. Но когда придут

их дочери с флягами сидра и домашнего пива и огромными буханками хлеба – я останусь и поем с ними, такая же голодная, как и они.

Но в этом году они не принадлежали мне. Они принадлежали Гарри.

Я не могла возненавидеть его за это. Но всеми фибрами моей души я ненавидела законодателей: мужчин-юристов, мужчин из Парламента, мужчин-землевладельцев – за то, что они создали целую систему, чтобы отлучить своих матерей, жен и даже дочерей от того единственного, ради чего стоило жить, – от владения землей. Но к Гарри я относилась по-прежнему. Никто не мог бы питать к нему злые чувства. Его всегдашняя готовность к улыбке, мягкий характер, юмор, приятная внешность привлекали к нему любовь всех, где бы он ни появлялся. Мужчины-жнецы предпочитали работать со мной, но их женщины краснели как вишни, когда вблизи появлялся Гарри. Он был божеством урожая в то лето. А я была жрицей мрака.

Никто не оставался равнодушным к обаянию нового хозяина, и думаю, что, когда наступил разгар лета, никто, кроме меня, уже и не вспоминал прежнего сквайра. Для всех Гарри был восходящим солнцем, прекрасным золотоволосым принцем Вайдекра. А я, всегда, как ночь, в черном, работала не жалея себя, но без проблеска радости.

Лучшим временем в Вайдекре, сливками года, считался праздничный ужин в честь завершения сбора урожая, когда убрана уже вся пшеница. В последние дни ни один человек в поместье – будь он мужчиной, женщиной или ребенком – не мог избежать тяжелой изнурительной работы наперегонки с непогодой, наступающими осенними дождями, стремясь спасти каждый сноп пшеницы от злой осенней ночи.

Работа целого года была как бы прелюдией к этим дням. Весь долгий год мы с тревогой следили за землей и небом. Не слишком ли холодно для посадки семян в конце весны? Не слишком ли сухо для маленьких росточков? Не высушит ли их солнечный зной, достаточно ли влаги прольется, чтобы они росли зелеными и сочными? А когда колосья созревают и становятся гордыми и высокими, вы молитесь, чтобы дожди не залили их и не повредили урожаю. И вот наконец наступает момент триумфа, когда жнецы выходят в поле посреди огромного безбрежного золотого моря в самом центре земли. И вот тут начинается соревнование между людьми и злыми и коварными божествами непогоды. В этом году торжествовал бог Гарри, он был принцем урожая, и погода все держалась, и держалась, и держалась, а люди говорили, что они не могут припомнить такого волшебного лета. Ибо все забыли золотое лето прошлого года, лето, когда богами были мы с Ральфом. Конечно, ведь это произошло так давно, целую жизнь назад.

В последний день сбора урожая я была в поле с утра, а Гарри прискакал после обеда. Работы уже завершались, и я отправилась к центральному амбару, чтобы проследить, как будут разгружать зерно. Дома были только мельник Билл Грин с женой. Два их работника и сыновья находились на уборке. Сама миссис Грин суетилась, готовясь к вечернему пиру, и на ее кухне уже собрались все наши повара, которые распаковывали огромные корзины со снедью, присланной из нашего дома.

Я сидела одна во дворе, прислушиваясь к журчанию воды в пруду у мельницы, к ритмичному пошлепыванию мельничного колеса и наблюдая за голубями, поминутно влетающими и вылетающими из голубятни, построенной у самого ската крыши.

Толстый кот лениво вытянулся на солнце, слишком жарком для его теплой шубки. Стоило мне пошевелиться, как его глаза, такие же зеленые и непроницаемые, как мои, приоткрывались и следили за каждым моим движением. У реки самые высокие буки едва шевелили верхушками крон под легкими дуновениями ветерка. Лесные птицы молчали в такую жару, только голуби ворковали в тени своей голубятни. Все мы: двор, одинокий кот, голуби и я – застыли в неподвижности под лучами мягкого августовского солнца.

В моем ленивом, отдыхающем мозгу невольно появились мысли о Гарри. Не о Гарри, моем брате и школьнике, приехавшем на каникулы, не о Гарри, бестолковом фермере и хозяине. А о Гарри – полубоге урожая, на чьей земле встает высокая, гордая пшеница. О том Гарри, из-за которого Селия приказала заложить карету и отправилась в поле под предлогом угодить мне, а на самом деле чтобы увидеть его в распахнутой рубашке и с непокрытой головой. О том Гарри, растущую власть и силу которого я видела каждый день. Он становился настоящим хозяином Вайдекра, хозяином, которого я никогда не смогла бы заменить.

Но я и не хочу заменять Гарри, внезапно подумала я. Мне нравится видеть его распоряжающимся и управляющим этой землей. Каждая секунда, проведенная с братом этим жарким летом, доставляла мне радость и удовольствие. Когда я долго не видела его, я скучала о нем, вспоминала его улыбку, смех, наши долгие разговоры.

Услышав шум приближающихся телег и поющие голоса наших арендаторов, я очнулась от своих грез и побежала за огромный сарай, чтобы открыть главные ворота. Я уже отчетливо слышала пение и даже могла отличить от остальных чистый тенор Гарри.

Засов, закрывавший ворота, был очень тяжелым и неудобным, и я едва справилась с ним. И тут телеги торжественно въехали во двор, и я наконец увидела во всей красе урожай нашего Вайдекра.

На первой телеге, доверху наполненной золотыми мешками пшеницы, восседал Гарри. Тяжелые рабочие лошади остановились прямо передо мной, и колеса перестали скрипеть. Гарри встал на ноги и теперь смотрел на меня сверху, загораживая собой солнце и половину неба. Из-за ослепительного света, падающего мне в глаза, я едва различала его на этой горе пшеницы. На нем была обычная дворянская одежда, непригодная для работы и потому ставшая неопрятной. Нарядная льняная рубашка, порванная на одном плече и распахнутая у горла, открывала его загорелую шею и ключицы. Бриджи для верховой езды плотно облегли его тело, подчеркивая мускулы ног. Высокие, до колен, сапоги тоже разорвались и требовали ремонта. Он выглядел точно таким, каким он и был: дворянин, играющий в крестьянина. Наихудший вид знати, какой только мог существовать. А я, я смотрела на него с неопишимым восторгом.

Он прыгнул с телеги на землю и остановился около меня, чтобы что-то сказать, но неожиданно замер, не в силах отвести от меня глаза. Беззаботное, смеющееся выражение исчезло, и он пристально, не отрываясь, смотрел мне прямо в глаза, как будто хотел спросить что-то необычайно важное, на что только я знала ответ. Я тоже глядела на него как замороженная, мои губы раскрылись, как бы отвечая что-то, но не произнося при этом ни звука. Взгляд Гарри медленно скользнул от моих блестящих на солнце каштановых волос вниз, по темной юбке, затем обратно. Очень медленно, словно удивляясь, он говорил: «Беатрис», будто произносил мое имя впервые.

Все телеги, съехавшись во двор, образовали одну линию, люди выстроились в цепочку и стали передавать друг другу мешки с зерном, первые – сгружали их с телег, последние – заносили в амбар. Я не думаю, что Гарри даже видел их. Он стоял в середине летающих и мелькающих рук, не сводя с меня глаз, с видом тонущего и молящего о спасении человека.

Мы не обменялись ни словом в течение этого долгого дня, пока каждый мешок с зерном не был уложен в амбар. Потом во дворе накрыли огромные столы, и в полумраке зарождающихся сумерек все расселись. Гарри сел во главе стола, а я – на противоположном его конце, и мы смеялись, когда все работники пили за наше здоровье и чествовали нас. Мы даже станцевали один раз джигу, сначала друг с другом, затаив от счастья дыхание, а потом с самыми зажиточными арендаторами, которые оказались на работе в этот день.

Стемнело, и вошла луна. Крестьяне что-то поспешнее попрощались и разъехались по домам. Молодежь осталась потанцевать и пофлиртовать друг с другом, холостяки же и любители выпить уселись допивать крепкий джин, привезенный ими загодя из Лондона. Гарри

вывел из конюшни, построенной при мельнице, наших лошадок, и мы поскакали домой при свете луны, круглой и блестящей, как гиней. Я изнывала от желания, мои руки не могли удержать поводья, а когда наши лошади сближались и мы касались друг друга плечами, я вздрагивала, как будто меня обжигало неведомое пламя.

Мне немного улыбнулось счастье, когда, прискакав в конюшню, мы увидели, что конюхов там нет. Я оставалась в седле, пока не подошел Гарри. Тогда я положила руки ему на плечи, он снял меня с седла и опустил на землю. Клянусь, он крепко прижимал меня к себе, и я ощущала каждый дюйм его горячего и сильного тела и вдыхала запах проработавшего целый день мужчины. Его руки мягко поставили меня на землю, и я робко взглянула на него. В магическом лунном свете его чистое, хорошо вылепленное лицо словно звало к поцелуям. Я все бы отдала, чтобы расцеловать его глаза, лоб, колючие щеки. Его глаза казались громадными, когда он наклонился ко мне.

– Доброй ночи, Беатрис, – хрипло сказал он и коснулся моей щеки нежным, целомудренным поцелуем.

Замерев, я позволила ему поцеловать меня, как он хотел, а затем оставить. Я позволила ему отойти на шаг и убрать руки с моей талии. Затем я повернулась, выскользнула из конюшни и, счастливая, побежала по лестнице к себе в спальню. Золотой лунный свет заливал мою комнату, обещая мне восторги рая.

Эти осень и зима оказались на самом деле довольно грустными. Помолвка Гарри и Селии означала его частое отсутствие дома, обеда с друзьями, визиты к Селии в Хаверинг-холл. Пока его не было, моя власть в поместье росла, но собой я владела все меньше и меньше и скучала по Гарри каждую минуту этих пустых, длинных дней.

Я тайно наблюдала за ним за завтраком, следя, как он читает газеты, комментируя политические события или новости лондонского света. Я провожала его взглядом, когда он стремительно выходил из комнаты, и грустно слушала стук захлопнувшейся за ним двери. Перед обедом я, стоя у окна, ждала его возвращения. За столом я сидела справа от него, заставляя его смеяться рассказам о маминых визитерах. За вечерним чаем я разливала чай, и моя рука дрожала, когда я передавала ему чашку. Словом, я была отчаянно, безнадежно влюблена и наслаждалась каждым восхитительным, болезненным мигом этой любви.

Меня не трогали его разговоры о Селии. Ее очаровательные манеры, свежие цветы в ее гостиной, изысканные вышивки и изящные рисунки не значили для меня ничего. Их платонический роман был совсем не тем, чего жаждала я. Песенки и маленькие подарки, букетики и ежедневные визиты – пусть этим наслаждается Селия. Я хотела, чтобы брат любил меня с той же страстью, с какой я люблю его и какой предавались мы с Ральфом. Когда я вспоминала ту ужасную сцену на старой мельнице и видела Гарри, прячущего лицо в ногах Ральфа и стонущего от наслаждения под ударами кнута, я испытывала не смущение, а надежду. Он может испытывать постыдное желание и терять голову. Я видела его с Ральфом, видела покоренным и беспомощным от любви. Я хочу опять видеть его таким – на этот раз со мной.

Я была уверена – женщины всегда знают такие вещи, хоть и находят нужным это скрывать, – что Гарри, так же как я, стремится ко мне. Когда мы были в комнате все вместе, его лицо ничего не выражало, а голос оставался нейтральным, но если он встречал меня неожиданно для себя или же я входила в библиотеку, когда он думал, что я далеко, руки его начинали дрожать, а глаза сияли. Наши долгие беседы о планах на урожай следующего года или о севообороте были окрашены невысказанным волнением, а если мои волосы нечаянно касались его щеки, когда мы вместе склонялись над колонками цифр, я чувствовала его напряжение. Он, правда, никогда не старался придвинуться ко мне поближе, но, к счастью, никогда и не отодвигался.

Всю эту долгую осень я едва замечала наступление холодов и затяжные дожди. В ранние месяцы, когда цвели хризантемы и астры, я наполняла ими вазы и подолгу вдыхала их пряный аромат и любовалась их оттенками.

Настал сезон охоты, и, когда солнце вставало, как огромный огненный шар, над замерзшими полями, я выезжала в поля, слушая дикий лай гончих, словно сходящих с ума от нетерпения. По какому-то непонятному обычаю, принятому в обществе, Гарри разрешалось, несмотря на траур, участвовать в охоте, но он не должен был присутствовать при загоне зверя. Те же самые условности не позволяли мне скакать вместе со всеми и принимать участие в охоте, но зато ездить верхом по утрам, когда меня никто не видит, я могла сколько душе угодно.

Однако никакой галоп не мог затушить сжигавший меня огонь. На полях сейчас было мало работы, и я почти все дни проводила дома, скучая без Гарри все сильнее и сильнее. Мое желание было настолько жестоким, что случались дни, когда удовольствие видеть его превращалось в боль. Однажды, ожидая его около конюшни, я отломала от желоба острый кусок льда и сжала его в руке, так что осколки буквально впились мне в кожу, заглушая мое нетерпение этой болью. Но затем, когда Гарри появился и, возвышаясь в седле надо мной, как завоеватель, радостно посмотрел на меня, боль растаяла и превратилась в наслаждение.

Рождество и Новый год прошли очень тихо и спокойно, так как мы были на втором году траура. Когда неожиданный мороз сковал дороги и сделал их вполне преодолимыми, Гарри поехал в город. Вернулся он, переполненный новостями и сплетнями сезона.

Его отсутствие дало мне возможность заметить, что хотя я и безумно скучала по нему, это не помешало мне наслаждаться своей абсолютной властью над поместьем. Арендаторы, работники и крестьяне Вайдекра хорошо знали, кто здесь хозяин, и всегда обращались сначала ко мне, а потом уже шли к Гарри. Но торговцы, плохо знающие графство, совершали ошибку, обращаясь к сквайру. Я всегда чувствовала себя уязвленной, когда они, светски побеседовав со мной, замолкали, ожидая, что с хозяином они смогут перейти к обсуждению более важных дел. И Гарри, зная ровно половину из того, что знала я, иногда смущенно обращившись ко мне и, улыбаясь, говорил:

– Беатрис, не задерживайся с нами, если у тебя есть другие дела. Я уверен, что справлюсь сам, и мы обсудим это позже.

Предполагалось, что после этого я должна уйти. Иногда я уходила. Но часто, улыбкой прося прощения за некоторое светское любопытство, я говорила:

– Гарри, у меня нет сейчас других дел, и я с удовольствием останусь с вами.

Тогда Гарри и торговец обменивались печальной улыбкой двух понимающих друг друга мужчин и начинали обсуждать положение с шерстью, пшеницей или мясом. Наш Вайдекр славился ими, и я бывала смертельно обижена самой мыслью о том, что у меня могут найтись другие, более важные дела.

Пока Гарри отсутствовал, все эти торговцы, разносчики, юристы и банкиры смогли узнать и оценить мои деловые способности. Закон, вечный мужской закон, не признавал моей подписи, будто бы я была банкротом, но этим людям оказывалось достаточным один раз поговорить со мной, чтобы они захотели иметь в будущем контракты.

После Рождества у нас простояла неделя промозглых туманов, потом прояснилось и ударили морозы. Каждое утро, просыпаясь от моих нескромных снов, я вставала, подходила к окну и распахивала его, чтобы вдохнуть свежий холодный воздух. Несколько раз глубоко вздохнув, я возвращалась в комнату умыться, одеться и начать дневную суету.

Экр заплатил свою пошлину жестоким морозам. Мельник Билл Грин поскользнулся на льду мельничного двора и сломал ногу. И мне пришлось посылать за хирургом в Чичестер. Миссис Ходжетт, мать одного из наших сторожей, слегла, как только выпал снег, и стала жаловаться на боль в груди, которая все не проходила и не проходила. И примерно через

неделю такой странной болезни Ходжетт, придерживая для меня ворота, поделился со мной своим подозрением, что его мать притворяется, и пожаловался, что жена совершенно измучилась, совершая два раза в день неблизкие прогулки в Экр с едой для старухи.

Я понимающе улыбнулась ему и на следующий день поскакала в Экр к миссис Ходжетт. Проходя по ее заснеженному садику, я не различала ее лица в окне, но была уверена, что она внимательно следит за мной. Когда я вошла в дом и отряхнулась от снега, старуха уже лежала в постели, укрывшись до подбородка одеялом и внимательно наблюдая за мной здоровыми, бойкими глазами.

– Добрый день, миссис Ходжетт, – пропела я, – досадно видеть вас в постели.

– Добрый день, – как бы из последних сил проскрипела она. – Как вы добры ко мне, что не погнушались навестить бедную старую женщину.

– Я принесла вам приятные известия, – ободрила я ее, – мы собираемся послать в город за хорошим врачом, доктором Мак-Эндрю, чтобы он приехал и осмотрел вас. Я слышала, что он хороший специалист по грудным болезням.

Ее глаза заблестели от нетерпения.

– Было бы очень хорошо, – радостно объявила она. – Я слышала о нем. Говорят, он хорошо лечит больных.

– А вы слышали о его специальном лечении? – спросила я. – Он изобрел какую-то замечательную разгрузочную диету, и говорят, что она просто творит чудеса.

– Не слышала. Что же это такое? – спросила старуха, доверчиво устремляясь в расставленную ловушку.

– Этот способ можно назвать «избавлением от инфекции через голодание», – продолжала я с самым невинным видом. – В первый день вы только пьете теплую воду. На второй день вам разрешается съесть одну чайную ложку, но не больше, жидкой каши. На третий день опять только теплая вода, а на четвертый день – можно опять ложечку каши. И так пока вы совсем не поправитесь. Говорят, что это очень полезно.

Я улыбнулась миссис Ходжетт и мысленно извинилась перед молодым доктором, чью репутацию я так безбожно подводила. Мы никогда не встречались с ним, но, по слухам, он был превосходным врачом. Конечно, в основном он пользовался знатные семьи, но его имя было хорошо известно и беднякам, которых он часто лечил бесплатно. И я подумала, что могу себе позволить этот трюк. Кроме глупой старухи, никто бы не поверил такой чепухе. Но миссис Ходжетт была ошеломлена. Она недоверчиво уставилась на меня, и ее пухлые пальчики затеребили одеяло.

– Н-не знаю, мисс Беатрис, – с колебанием сказала она. – Не может быть, чтобы больному человеку не давали есть.

– Точно, точно, – весело продолжала я.

Тут входная дверь открылась, и вошла Сара Ходжетт с целой кастрюлей какой-то стряпни и буханкой свежеспеченного хлеба, накрытого свежим, без единого пятнышка, полотенцем. Запах вкусного кроличьего рагу наполнил холодную комнату, и я увидела, как заблестели глаза старухи.

– О, мисс Беатрис! – Сара с учтивым полупоклоном и теплой улыбкой обратилась ко мне, своей любимице. – Как вы добры, придя навестить маму, когда она болеет.

– Ей скоро будет лучше, – произнесла я с уверенностью. – Она собирается следовать специальной диете доктора Мак-Эндрю. По-моему, лучше начать прямо сейчас, не правда ли, миссис Ходжетт? Вы можете забрать вашего кролика домой, Сара. Думаю, он не будет там лишним.

– Я бы лучше начала лечение завтра, – поторопилась миссис Ходжетт, боясь исчезновения горячего обеда.

– Нет, нужно это делать сегодня, – твердо произнесла я. – Разве вы не хотите поправиться? Кроме того, необходимы физические упражнения.

Старуха даже подпрыгнула на кровати от неожиданности.

– Да-да, вам будет очень полезно прогуливаться до сторожки перед обедом.

– Прямо по снегу, – простонала она таким тоном, словно я предложила ей чашу с ядом.

Я обернулась и увидела у двери пару теплых кожаных башмаков и толстую зимнюю шаль на крючке.

– Именно, – без колебаний повторила я. – Это специальные упражнения именно для вас, миссис Ходжетт. Мы все беспокоимся о вашем здоровье и хотим, чтобы вы наконец поправились.

Я попрощалась и вышла очень довольная. Я оказала Ходжеттам любезность, которую они не скоро забудут. К тому же я знала, что вся деревня будет потешаться над этим случаем до самой весны. Попросив одного из детишек Тайков, лепившего поблизости снежки, поддержать лошадь, пока я поправлю седло, я кинула ему монетку за услугу, а затем другую, потому что мне понравилась его восторженная белозубая улыбка, с которой он смотрел на меня.

– Гаффер Купер очень плох, – сообщил он мне, вертя в руках неожиданно доставшиеся деньги и явно предвкушая, как он на них попирует.

– Плох? – переспросила я, и парень кивнул.

Я решила проведать старика по дороге. Он снимал один из коттеджей на краю деревни, где начиналась общественная земля. Летом он помогал собирать урожай или участвовал в прополке, зимой часто убивал свиней по просьбе хозяев, получая за это плату в виде хорошего куска сала. В его хозяйстве имелась пара старых кур, по временам приносивших ему одно-два яичка, и тощая корова, дававшая немного молока. Его коттедж был построен частью из украденного у нас леса, частью из законно раздобытых досок. Камин, топившийся дровами из общественного леса, прокоптил его комнату так же крепко, как коптят бекон.

Это, конечно, была не та жизнь, которую я выбрала бы для себя, но Гаффер Купер никогда не имел другой, в жизни никогда регулярно не работал и никого не называл своим хозяином. Себя он считал свободным человеком, и мой отец, всегда уважавший гордость в других, называл его Гаффер Купер и никогда не звал его просто Джон. Так же делала и я.

Моя кобылка устала стоять и замерзла, поэтому мы быстро проскакали по заснеженной дороге, а затем повернули направо к видневшимся за лесом коттеджам. Лес стоял весь в снегу, молчаливый и загадочный. Темно-зеленые ели и сосны держали на каждой ветке, казалось, по целому фунту снега. Даже крошечные иголки были покрыты инеем. Серебряные березки выглядели темно-серыми на фоне сверкающего снежного великолепия, а серые стволы буков имели цвет олова. Скованная льдом Фенни лежала совсем бесшумно, темно-зеленая под тонким слоем льда.

Снег в лесу был испещрен следами животных. Я видела маленькие круглые следы кролика и вплотную за ними точечные следы ласки или горностая, охотившихся за ним. Там же попадались и похожие на собачьи следы многочисленных лисиц и даже след барсука, проложившего довольно заметную борозду своим толстеньким брюшком.

Поглядев поверх заснеженных веток, я поняла, что чуть попозже начнется сильный снегопад, и пустила Соррель в галоп. У самого коттеджа мой путь пересекли другие следы крепких зимних ботинок и деревянных башмаков. Должно быть, старый Тайк совсем плох, если у него такая куча посетителей.

Когда мы свернули на тропинку, ведущую к самому его дому, я испугалась, что приехала слишком поздно. Двери в дом стояли открытые настежь, что обычно случалось только жарким летом, и в них показалась миссис Мерри, наша деревенская повитуха, обладательница более крепких башмаков, что приличествовало ее положению.

– Добрый день, мисс Беатрис, старый Гаффер уже отошел, – изложила она сразу суть дела.

– Старость? – спросила я, забрасывая поводья на торчащую из забора жердь.

– Да, – спокойно ответила она, – да и зима свое взяла.

– У него было достаточно еды и одежды? – Меня беспокоило это, хоть Гаффер и не был одним из наших работников или арендаторов. Но он всю жизнь прожил на нашей земле, и я не хотела бы винить себя в том, что он умер нуждаясь.

– Нет, он как раз съел одну из своих кур, и вообще он много зим пережил в этой одежде и на этой кровати, – успокоила меня миссис Мерри. – Вам не в чем винить себя, мисс Беатрис. Пришло его время, и он отошел с миром. Хотите взглянуть на него?

Я кивнула. В Экре не было семьи, которую я бы обидела своим отказом.

– У него остались какие-нибудь сбережения? – спросила я. – Хватит хотя бы на похороны?

– Нет, какое там. Мы ничего не нашли. Пусть его похоронят в общей могиле.

Я кивнула.

– Я закажу гроб и службу в церкви. Не хочется, чтобы людей Вайдекра хоронили в позоре.

Миссис Мерри поглядела на меня и улыбнулась.

– Э, да вы совсем как ваш отец, – усмехнулась она, и я улыбнулась в ответ, ибо лучшего комплимента я не могла получить.

– Надеюсь, – ответила я и распрощалась.

Через день или два останки старого Гаффера в простом сосновом гробу похоронили в дальнем углу деревенского кладбища. На службе, которую чинно отслужил наш священник, почти никого не было, ибо старый Гаффер имел мало друзей. Дополнительный пенни я заплатила за похоронный звон, и звук колокола уныло поплыл над деревней, заставив работавших в поле или копавших канавы мужчин на минуту обнажить головы и вспомнить о человеке, который никогда при жизни не устаивался такой чести.

Затем звук колокола замер, и шапки опять были надеты на быстро стынущие головы. Мужчины поплевали на ладони и снова взялись за лопаты, в который раз прокляв ту жизнь, которая заставляла их работать, стоя по колено в ледяной воде в середине января и не имея надежды ни на теплый дом, ни на сытный обед.

Если холодная погода была наказанием для деревенских работников, то для пастухов она стала просто проклятием. Особенно в эту зиму, поскольку снег лег так рано и так плотно, что овец не успели согнать в долину, чтобы они могли дать приплод в более подходящих условиях. Целыми днями мы бродили по холмам, проваливаясь в снег, и пробовали длинными пиками наст, пытаясь обнаружить под ним занесенных снегом животных. Найденных овец мы быстро откапывали.

Мы потеряли очень мало животных, потому что я заставляла людей работать с самого рассвета до сумерек, в ответ они полушутя посылали мне проклятия, от которых мне следовало свалиться с седла в обморок, но вместо этого я смеялась как сумасшедшая.

Этой зимой я завоевала их глубокое уважение. Если работники и арендаторы видели меня каждый день, то пастухи работали всегда в одиночестве. Только во времена стихийных бедствий, подобных нынешнему, когда большая часть стада лежала погребенной под шестифутовым слоем снега, они работали все вместе под началом кого-нибудь из господ. Они быстро оценили преимущество, которое давала мне лошадь, и ругали меня почему зря, пытаясь поспеть за мной, падая и оскальзываясь на холме, а я как ни в чем не бывало продолжала скакать. Неожиданно выяснилось, что ни один из них, даже самый старый и мудрый, не может лучше меня найти отставшую овцу или догадаться, где прячется отбившееся стадо животных.

И когда мы наконец собрали вместе замерзших овец, пастухи с удивлением убедились, что я не собираюсь возвращаться домой и, хотя продрогла и устала не меньше их, буду, следуя за стадом, погонять и разыскивать отставших, пока мы не доставим всех их в низину.

Только тогда, когда ворота будут заперты и сено надежно прикроет весь снег на выгоне, наши пути разойдутся. Пастухи пойдут копать картошку, брюкву или турнепс себе на обед или же будут чинить прохудившуюся кровлю и ставить силки на кроликов. И будут работать, работать, работать безостановочно, пока не упадут мертвецки усталые в постель, часто даже не найдя в себе сил снять мокрую одежду.

А я поскачу домой, брошу поводья подбежавшему конюху, взбегу по лестнице в свою комнату и окунусь в ванну перед горящим камином, а Люси будет все подливать и подливать из кувшина горячую воду, пока наконец не скажет:

– Ой, мисс Беатрис! Да вы совсем сварились! Вы вся такая розовая!

Только когда моя кожа начнет чувствовать тепло, я вылезу из ванны, вытрешь насухо льняным полотенцем, а Люси будет расчесывать и убирать мои волосы к вечеру.

Я могла болтать с мамой во время обеда, но, видя ее полную неосведомленность в хозяйственных делах, быстро теряла терпение. Ей не нравилось то, что я делала, но даже она не могла не признать, что когда наше благосостояние пропадает под снегом, то тут уж не останешься равнодушным.

Правда, однажды, когда поднос с чаем уже стоял в гостиной, а я совсем клевала носом, мама возмутилась.

– Ты куда не годишься, Беатрис, – сказала она, глядя на мою испорченную вышивку, которая уже в течение недели то вынималась, то укладывалась обратно в корзинку. – Совсем не похоже, что у меня есть дочь.

– Извини, мама, – ответила я со внезапной симпатией. – Я знаю, что это кажется странным. Но нам так не повезло в этом году с бедными овцами. Еще пара дней, и они будут надежно укрыты. И тогда Гарри, приехав, сразу увидит маленьких ягнят.

– В моем детстве я даже не подозревала о существовании ягнят, – как всегда меланхолично сказала мама.

Я улыбнулась, слишком уставшая, чтобы попытаться развеселить ее.

– Как говорил папа, я – Лейси из Вайдекра, и, пока я здесь одна, я должна быть и сквайром, и дочерью в одно и то же время.

Я бросила вышивку обратно в корзинку и встала.

– Прости меня, мама. Я знаю, что еще очень рано и тебе будет скучно одной, но я слишком устала и хочу отдохнуть.

Она обиженно поцеловала меня на ночь, и я оставила ее.

Каждую ночь повторялось то же самое. Едва я оказывалась в спальне, как моя усталость отступала и мои мысли устремлялись к Гарри. Его улыбка, мягкое и нежное выражение его лица преследовали меня, пока я поднималась по лестнице. К тому времени, когда я раздевалась и ложилась в постель, я почти ощущала тяжесть его тела и объятия крепких рук. Со стоном я поворачивалась на другой бок и пыталась изгнать из головы эту ужасную картину. Было бы понятно, если бы я тосковала по объятиям Ральфа, но он являлся мне только в моих кошмарах, а радость во сне я испытывала лишь с Гарри. Вот и сегодня, несмотря на усталость, едва я опустила голову на подушку, как перед моими глазами поплыли золотые локоны Гарри, прелесть его улыбки, а затем... акры и акры занесенных снегом холмов.

Гарри приехал домой на второй неделе февраля, несколько позже, чем он обещал. Его опоздание означало, что первую неделю, пока ягнились овцы, я должна была управляться одна. Мы с пастухами проводили все эти длинные вечера и еще более длинные и холодные утра, принимая ягнят, осматривая их и отделяя более слабых для надлежащего ухода.

Я любила забираться в огромный хлев, когда он был полон овец. Их длинная шерсть струилась как река. Снаружи завывал ветер и скрипели балки, а внутри было так уютно и очень хорошо пахло.

Однажды ночью, когда я совсем устала и, вся пропахшая жиром от шерсти, наконец прискакала домой, я вдруг заметила свежий след конских копыт на снегу у дома и мое сердце встрепенулось, как воробей. «Неужели это Гарри», – не поверила я своим глазам и прищипала Соррель.

Его лошадь была привязана у парадного входа, а сам Гарри, казавшийся громадным в своем дорожном плаще, стоял в дверях, обнимая маму и со смехом отвечая на ее бесконечные вопросы. Цоканье копыт моей лошади по обледеневшему гравию дорожки заставило его оглянуться и выбежать мне навстречу.

– О Беатрис! – воскликнул он, и его голос был полон радости.

– О Гарри! – воскликнула я и покраснела как ягода.

Он протянул мне навстречу руки, и я бросилась с седла прямо в его объятия, полы его плаща запахнулись и укрыли меня на его груди в запахе мокрой шерсти, сигарного дыма и конского пота. Он крепко прижал меня к себе, прежде чем поставить на землю, и я клянусь, что его сердце билось так же неистово, как и мое, когда он обнимал меня.

– Идите сюда, – позвала нас мама, – вы замерзнете на улице.

Тогда Гарри подхватил меня на руки и закружил, завывая как зимний ветер, и мы оба бежали в гостиную, задыхаясь и хохоча от счастья.

Гарри был просто переполнен городскими новостями – обрывками политических интриг, услышанных им от папиных друзей, семейными сплетнями о наших кузенах. Он привез с собой целый ворох маленьких подарков, театральную программку спектакля, на котором он побывал, и афишу концерта.

– Какая великолепная музыка! – не переставая восхищался он.

Он даже съездил в Лондон, видел Тауэр и амфитеатр Астли. Он не был представлен ко двору, но побывал на стольких балах и завел столько новых знакомых, что теперь не мог припомнить и половины их имен.

– Как хорошо, что я уже дома, – говорил он блаженно. – Я думал, что никогда не доберусь обратно. Дороги ужасные. Я рассчитывал прибыть с почтовым дилижансом, но мне пришлось оставить мой багаж в Петворде и скакать верхом. Думаю, если б я стал добираться экипажем, я приехал бы домой не раньше Пасхи. Что за ужасная зима! Ты, должно быть, совсем выдохлась из-за этих овец, а, Беатрис?

– О, пожалуйста, не спрашивай ее. – Мама ворковала в счастливом оживлении от прибытия ее любимого сына. – Беатрис у нас стала заправским овцеводом, и теперь она пахнет овцами, говорит об овцах и думает только об овцах. Хорошо, что она еще не блеет.

Гарри покатился со смеху.

– Я вижу, что прибыл как раз вовремя. Бедная Беатрис, что за тяжелая работа досталась тебе в такую ужасную погоду. И бедная мама, ей совсем не с кем было поговорить.

Тут я взглянула на часы и поспешила к себе переодеваться. Моя ванна сегодня была горячее, чем обычно, и я надушилась еще более тщательно. Я надела темно-синее бархатное платье с широкими пышными рюшами. Горничная напудрила мои волосы более обычного и украсила их тремя синими бантами в тон моему платью. На фоне напудренных волос моя кожа казалась еще более светлой, а глаза еще более зелеными. Я задумалась, есть ли девушки красивее меня в Лондоне, и, когда Люси оставила меня, я села перед зеркалом, бездумно глядя на свое отражение.

Гонг вырвал меня из моих грез, и я поспешила вниз, шурша шелком нижних юбок и бархатом платья.

– Очень мило, дорогая, – одобрительно сказала мама, заметив мои тщательно напудренные волосы и новое платье.

Гарри не мог оторвать от меня глаз, и я так же жадно смотрела на него.

В полутрауре, как мама и я, мой брат вынужден был носить только темное, но его жилет был красивого темно-синего цвета и украшен богатой черной вышивкой. У его пиджака были модные широкие манжеты и такие же лацканы, синие, все это из блестящего синего атласа, который так и переливался при малейшем его движении. Его волосы тоже перехватывал синий бант, а атласные вечерние брюки сияли синим отливом.

– Вы хорошо подходите друг другу, – заметила мама. – Как хорошо вы оба выглядите.

Гарри улыбнулся, но в его глазах затаилось какое-то смущенное выражение. Церемонным жестом он поклонился маме и мне и предложил нам руки. Но за его внешней галантностью я видела волнение, вызываемое каждым моим движением. И хотя я легко улыбалась в ответ, рука, которой я оперлась на его руку, дрожала, и, когда я села, стол поплыл у меня перед глазами, как будто я собиралась упасть в обморок.

Гарри и мама обменивались семейными новостями, а я в это время тщательно следила за тем, чтобы мой голос звучал естественно, когда кто-нибудь обращался ко мне. После обеда Гарри решил не оставлять нас, а посидеть с нами в гостиной.

– Я привез из банка наши фамильные драгоценности, мама, – объявил он. – И хотел бы на них взглянуть. Какие они тяжеленные! Я все время придерживал их под плащом, пока скакал на лошади, так как боялся потерять их, я был уверен, что меня ограбят по дороге.

– Не было необходимости везти их самому, – ответила мама, – ты бы мог оставить их у своего лакея. Но надо обязательно взглянуть на них.

Она на минутку вышла в свою комнату за ключом и, вернувшись, открыла маленький ларец с тремя выдвижными отделениями.

– Селия наденет это в день своего венчания, – объявила мама, вынимая фамильные бриллианты Лейси – кольца, браслеты, ожерелье, серьги и тиару.

– Не придется ли ей в таком случае стоять на коленях, – смеясь, сказал Гарри. – Помоему, они весят тонну. Неужели ты их когда-нибудь надевала, мама?

– Благодарение Богу, нет, – ответила она. – Мы провели только один сезон в городе после нашей свадьбы, и я даже без этих старинных украшений выглядела достаточно хорошенькой. По обычаю, их дарят в день венчания, а затем отправляют в банк. Но Селия может хотя бы на несколько часов надеть их в октябре.

– В октябре? – переспросила я, и вечная вышивка выскользнула из моих рук, а игла уколола мой большой палец.

– О бедная Беатрис! – воскликнул Гарри. – Я хочу непременно получить этот носовой платок в подарок, когда он будет наконец готов. На нем больше пятнышек крови, чем вышивки. Зачем ты устраиваешь для нас эту пытку, мама?

– Пытка – это пытаться чему-нибудь научить ее, – смеясь вместе с любимым сыном, ответила мама. – После дня, проведенного со своими овцами, Беатрис не может положить правильно ни одного стежка. Впрочем, моя дочь никогда не блистала успехами в рукоделии.

Она уложила драгоценности обратно в ларец и унесла их в комнату. Гарри взял мою руку и тщательно осмотрел маленькое пятнышко крови.

– Бедная Беатрис! – повторил он и поцеловал раненое место.

Его губы раскрылись, и он высосал появившуюся кровь. Находясь в нервном, взвинченном состоянии, я дрожала, как породистая лошадка. Я чувствовала его зубы на пальце и могла ощущать кончик его языка, такой влажный и теплый, ласкающий мою кожу. Его рот был горячим и восхитительно влажным. Я держала мою руку у самых его губ и не дышала.

– Бедная Беатрис, – повторил он опять и поднял на меня глаза. Я не смела пошевелиться, ощущая громадное наслаждение от его прикосновений. Я не могла бы шевельнуть рукой, даже если б от этого зависела моя жизнь. Случайный жест превратился в ласку.

Последовало молчание. Гарри вынул мой палец изо рта и осмотрел его с шутливой серьезностью.

– Ты думаешь, он уцелеет после такой раны?

– Он побывал уже во многих таких битвах. – Я старалась говорить весело, но голос мой дрожал.

Его дыхание стало более прерывистым, а взгляд отсутствующим.

– Бедная Беатрис, – повторил он опять, словно забыв все другие слова. Он все еще держал меня за руку, и я, поднявшись с места, встала рядом с ним. Мы были почти одного роста, и стоило мне сделать полшага к нему, как моя грудь коснулась его.

– Надеюсь, ты всегда будешь заботиться о моих ранах и жалеть меня так нежно? – спросила я.

– Дорогая сестренка, – ласково ответил он, – я всегда буду любить тебя. Только пообещай мне поделиться со мной, если тебе вдруг станет плохо. Мне очень жаль, что я заставил тебя так много работать и ты теперь такая бледненькая.

– Это из-за моего сердца, Гарри, – едва слышно прошептала я.

На самом деле оно билось, как барабан, от его близости. Гарри попытался взять мое запястье, как бы желая проверить пульс, но я, накрыв его руку своей, прижала его ладонь к себе. Едва осознавая, что я делаю, я слегка подтолкнула его руку к округлости моей груди, такой мягкой под синим бархатом.

Гарри глубоко вздохнул и, обняв меня другой рукой за талию, притянул к себе. Мы стояли рядом, как две статуи, едва сознавая, что кровь все горячее течет в наших жилах и что скоро мы окажемся друг у друга в объятиях. Я чувствовала, как его ноги все теснее подвигаются к моим, и закрыла глаза, ощутив, как дрожат, прижимаясь друг к другу, наши тела. Не открывая глаз, я подняла голову и почувствовала теплоту его дыхания. Лицо Гарри наклонилось ко мне.

Его губы коснулись моих так нежно и целомудренно, как может это сделать только брат. Инстинктивно я приоткрыла рот и тут же почувствовала, как он отшатнулся в удивлении. Гарри попытался отодвинуться, но я крепко обнимала его за шею и прижимала его лицо к своему. Затем мой язык скользнул в его невинный рот, и я быстро облизнула его в бездумном порыве страсти.

Гарри подался назад, и я больше не удерживала его, быстро придя в себя.

– Это был братский поцелуй, – сказал он. – Я так был рад, что вернулся домой и снова с вами, что мне хотелось обнять и расцеловать тебя.

Затем с внезапной жестокостью он повернулся на каблуках и, оставив меня одну, вышел. А я стояла не шелохнувшись, с застывшей улыбкой на губах и сладкой, неубедительной ложью в сердце.

Он лгал, скрывая от нас обоих свое желание. Он лгал, потому что ничего не знал о страсти между мужчиной и женщиной. Он лгал потому, что в его мозгу жили две несовместимые мысли обо мне. Одна – о его дорогой сестре, а другая – о покорной красавице, которая, запрокинув голову, стояла у телеги с зерном, с обожанием глядя на божество урожая.

Поэтому он и предпочел ретироваться, солгав мне, и теперь я стояла одна, положив руку на каминную полку и дрожа от желания.

Ничто уже не могло остановить нас. Никакие слова, никакое усилие воли не могли удержать нас от соблазна. И наша страсть, и наша любовь надвигались на нас так же неотвратимо, как после зимы наступает весна и распускаются цветы.

Если бы я и захотела избежать моей судьбы, я даже не знаю, что бы я могла сделать. Меня влекло к Гарри так же неудержимо, как тянет птицу вить гнездо и класть яйца. Мое сердце и мое тело звали его так же настойчиво, как раздается в лесах первый крик кукушки. Он был хозяином Вайдекра, следовательно, он был для меня всем.

Первые теплые дни наступившей весны прошли для меня в каком-то угаре чувственной дремы. Ягнята уже подросли, они паслись теперь на зеленых пастбищах в долине, и у меня оказалась пропасть свободного времени. Я целыми днями скакала верхом, я даже сделала себе удочку и по утрам, сидя на берегу, нежилась на весеннем солнышке. Но внутри меня все горело, и я ничего не могла с этим поделать.

Мое безразличное отношение к помолвке Гарри и Селии осталось далеко в прошлом, и теперь, стоило Гарри или маме заговорить о предстоящем венчании, как у меня к горлу подкатывала тошнота. Гарри только и говорил о том, что любит и что не любит Селия, а я едва удерживалась от гневной гримасы. Она представляла угрозу для моего существования, она забрала доверчивое сердце моего брата в свои маленькие ручки, она собирается войти в мой дом. Она будет сидеть напротив Гарри за нашим столом, и они будут обмениваться улыбками. Больше того, каждый вечер, на протяжении всей жизни, она и Гарри будут подниматься вместе по ступенькам и закрывать за собой дверь спальни, и он будет держать ее в объятиях и обладать ею, в то время как я буду дрожать от холода в своей одинокой постели.

Сейчас я уже не предавалась мечтам, я лихорадочно размышляла. В глубинах моего подсознания начал формироваться план, который мог бы дать мне и землю, и Гарри. Но я не была в нем вполне уверена. Многие тут зависело от Селии, а я знала ее довольно поверхностно. И в следующий ее визит к нам все мое внимание было приковано к ней.

Гарри встречал Хаверингов, стоя на ступеньках террасы, рядом стояла мама, а чуть поодаль – я, в вежливом и настороженном молчании. Отсюда лицо Селии было мне хорошо видно, и я с удивлением заметила, как она нервничает при приближении Гарри. Ее бледно-розовый зонтик даже задрожал в ее руке, когда он направился к ним. Поздоровавшись с леди Хаверинг, он наклонился и поцеловал Селию руку, я отчетливо увидела, как вздрогнула и покраснела эта простушка. С чуткостью влюбленной женщины я поняла, однако, что это не был румянец страсти. Что же это было? Почему она задрожала?

Я должна была выяснить, что же таится за этими бархатными карими глазами, и лучше всего сделать это сейчас, пока наши мамы заняты светской беседой.

После чая все мы отправились полюбоваться новым полем турнепса, которое засеял Гарри. Сам он вежливо скакал в некотором отдалении от нас, чтобы нам не глотать пыль из-под копыт его лошади. Лучшего времени было не придумать.

– Селия, – нежно начала я, – я так рада, что мы станем сестрами. Хоть у меня есть мама и Гарри, но я так одинока, и мне всегда хотелось дружить с тобой.

Селия радостно покраснела.

– О Беатрис! – Ее лицо осветилось. – Я тоже буду просто счастлива, если мы станем близкими подругами. Меня ожидает так много нового и странного. И я так боюсь войти в дом вашей мамы.

Я улыбнулась и сжала ее руку.

– Ты всегда казалась мне такой взрослой и самостоятельной, – продолжала Селия застенчиво. – Я наблюдала, как вы с отцом охотитесь, и мне так хотелось лучше познакомиться с тобой. Ты всегда скакала на таких больших лошадях. Знаешь, когда я думаю о жизни в Вайдекре, – тут она тихо вздохнула, – меня это немного пугает.

Я мягко улыбнулась ей. Всю свою взрослую жизнь она прожила в Хаверинг-холле, была нелюбимой приемной дочерью и сводной сестрой и, конечно, не играла никакой роли в своем доме. Разумеется, она боялась, и вполне возможно – меня только что осенила эта мысль, – она выбрала Гарри как наименьшее из зол.

– С тобой будет Гарри, – сказала я успокаивающе.
– Да, – согласилась она. – Но джентльмены бывают так... – Она помолчала. – Брак – это... – И она опять замолчала.

– Это серьезный шаг для девушки, – попыталась я помочь ей.

– О да! – воскликнула она с таким жаром, что я сразу наострила уши, желая понять, что за всем этим кроется.

– Быть хозяйкой в Вайдекре – это сложная задача, – продолжала я, и мое сердце от этой фразы сжала когтистая лапа.

– Да, – это было произнесено самым безразличным тоном, – это тоже, конечно, пугает меня, но...

Здесь таилось что-то еще, что-то совсем другое.

– Гарри совсем не пьет, – случайно вспомнила я о ее отчине.

– Нет-нет, я знаю, – быстро отозвалась она, и я уже просто терялась в догадках.

– Я уверена, что он очень любит тебя.

Зависть снедала меня, когда я произносила эти слова. Но это была правда. Гарри действительно любил ее, я видела это.

– Да, – тихо сказала она, – это-то меня и беспокоит.

Я в изумлении открыла рот. Беспокоит? Что беспокоит?

– А что тебя беспокоит? – переспросила я.

Ее головка в хорошенькой маленькой шляпке низко склонилась на грудь. И я увидела слезу, капнувшую на ее нарядное платье, и пальчик в перчатке, тут же прикрывший это пятнышко.

– Он такой... – Она не могла подобрать подходящего слова, а я, клянусь Богом, ничего не понимала.

– Он такой... – Она опять замолчала.

Я затаила дыхание.

– Он такой... несдержанный, – наконец выговорила она.

Я даже задохнулась от такого откровения. В то время как я томлюсь и дрожу от каждого прикосновения Гарри, эта ледишка отказывает ему в поцелуях и отстраняется от него. Но мое лицо ничего не выражало.

– Я думаю, все мужчины одинаковые. – Я постаралась подражать ее испуганному шепоту. – Он всегда был таким?

– Нет, – воскликнула она, и ее глубокие глаза обратились ко мне. – Только последние два воскресенья. Он очень изменился. Пытался поцеловать меня... – ее голос упал до шепота, – в губы. О, это было ужасно.

Каждой клеточкой своего существа я помнила тепло его тела, мои губы, раскрывшиеся под его губами, мой язык, жадно исследующий его рот. Его руку, сжимавшую мою грудь. Это и было причиной его перемены.

– Он забывается. – Голосок Селии окреп. – И забывает, кто я. Молодые леди никогда... – Она помолчала. – Они никогда не позволяют джентльменам прикасаться к ним таким образом.

– Ты сказала ему об этом? – спросила я с интересом.

– Конечно, – удивилась Селия. – Он показался мне рассерженным. И это пугает меня.

– Ты не хочешь, чтобы он целовал тебя? – вырвалось у меня.

– Да, чтобы так целовал, не хочу. Мне не нравятся такие поцелуи. И не думаю, что когда-нибудь понравятся. Не знаю, смогу ли я вообще выносить их. Мама и отчим никогда не ведут себя так... Они... между ними существует соглашение.

Весь мир знал, что служило соглашением для лорда Хаверинга, когда его супруга после двух детей и четырех выкидышей положила конец их близким отношениям. Это была танцовщица одного из лондонских театров.

– Вы хотите, чтобы так было и у вас? – спросила я, не веря своим ушам.

– Нет, – жалобно проговорила Селия. – Я знаю, что этого нельзя делать, пока не будет наследника. Так полагается. Я знаю, что должна... что должна... Я знаю, что должна как-нибудь вынести это.

Я взяла ее руку в свои.

– Селия, послушай меня, – торжественно начала я. – Я стану твоей сестрой в октябре, но уже сейчас я – твой друг. Гарри и я очень, очень дружны, ты знаешь, мы вместе управляем имением. Он всегда прислушивается ко мне, потому что знает, как мне дороги его интересы. Я по могу вам с Гарри. Я могу поговорить с ним, и никто, кроме тебя и меня, не будет даже знать, о чем ты мне рассказала.

Селия подняла на меня глаза.

– Ах, если бы!.. – Она умоляюще сложила руки. – А Гарри не будет сердиться?

– Предоставь это мне. Но у меня есть одно условие. – Я помолчала, и вишенки на ее шляпке вздрогнули. Было очевидно: чтобы избежать объятий Гарри, она пообещает мне что угодно.

– Мне хочется, чтобы ты всегда рассказывала мне о себе и Гарри. Если изменятся твои чувства к нему или он охладет к тебе, я прошу тебя сразу рассказать мне.

Вишенки на шляпке энергично закивали.

– О да, Беатрис. Я обещаю, что ты всегда будешь моим самым близким другом. Я все сделаю для тебя. Все, что ты захочешь, я отдам тебе не раздумывая.

Я улыбнулась и поцеловала ее в знак доверия. Селия обладала единственным, к чему стремилась моя душа, и была действительно близка к тому, чтобы поделиться со мной этим.

ГЛАВА 6

Я вернулась после прогулки с головой, полной мыслями о чем угодно, только не о турнепсе. Невнятное бормотание Селии об уходе за Гарри наполнило меня ревностью и томлением. Она, может быть, и счастлива, вручая мне ключи от своей будущей семейной жизни, но я-то видела, к кому постоянно обращены глаза моего брата, чье лицо он постоянно ищет взглядом.

Я оставила ее в гостиной и поднялась к себе в комнату снять шляпку. Я глянула на себя в зеркало, но мое отражение не принесло мне радости. Если Гарри предпочитает сливки с сахаром, то моя яркая и сильная красота мне не союзник. Разглядывая себя в зеркале зелеными, темными от желания глазами, я не могла поверить, что человек, которому я отдаю свое сердце, так равнодушен ко мне. Я вздохнула и прижалась лбом к холодному стеклу.

И сейчас, когда Гарри сидит возле Селии на софе, именно он норовит поймать взгляд своей невесты. А мы с Гарри, часто бывая вместе, имели так мало волшебных минут. К тому же мама никогда не оставляла нас вдвоем, не сводя глаз со своего любимого сына.

На повороте лестницы я помедлила. Какая-то нерадивая служанка оставила дверь черного входа открытой, и случайно забредший сюда кот восседал в коридоре первого этажа, гордый как лев. Мама совершенно не выносила присутствия в доме кошек, она буквально заболела от этого, с ней случались страшные припадки удушья, от которых нас предостерегал ее врач. Поэтому мне следовало немедленно выбросить это животное на улицу, пока оно не наделало здесь бед.

Но я почему-то медлила. В моей голове не было ясного плана, мною просто двигала любовь. Мне требовалось побыть с Гарри вдвоем подальше от зорких, пронизательных глаз мамы. И сейчас передо мной затеплилась возможность избежать ее присутствия. Моя рука притронулась к задвижке, и дверь ее спальни чуть приоткрылась. Кот, словно повинувшись моим мыслям, мгновенно шмыгнул в образовавшуюся щель, горделиво подняв хвост. И я закрыла за ним дверь. Я не впускала туда кота, он вошел сам, а моя рука просто прикрыла дверь. И я сошла в гостиную с лицом ясным и спокойным, как Фенни в тихий летний день.

Я села рядом с Селией, и мы даже спели небольшой дуэт. Ее чистый, но слабый голосок уверенно вторил моему, более глубокому и богатому голосу. Затем Гарри и она запели какую-то народную песню, и я тихонько выскользнула из комнаты.

Хитрое создание сидело прямо на подушках, на которых ночью должна спать мама, но я поманила его и, взяв за шкирку, выбросила на улицу.

Мы очень устали в тот день, однако около полуночи я была разбужена суматохой и беготней горничной в коридоре. Я уже собиралась встать, чтобы помочь ей, но моя постель была такой теплой и я так хотела спать. Не успев додумать эту мысль до конца, я уснула.

Когда я зашла проведать маму утром, шторы у нее были опущены и в комнате стоял запах камфары и лавандовой воды. Мама лежала очень спокойно, бледная как полотно.

– Извини, дорогая, но я не могу говорить, так мне плохо. Передай Гарри, чтобы он не беспокоился. Я скоро поправлюсь.

Мамино лицо было искажено от боли, и я затрепетала от сочувствия. Но я ни в чем не виновата, я не сделала ничего дурного. Это коварные боги Вайдекра вершили свои загадочные дела, а я только слепо повиновалась им.

– Мама, – сказала я слабым голосом.

Я так нуждалась в ее улыбке. Я буду ухаживать за ней, а когда она поправится, мама полюбит меня, ей надоест обожать Гарри и она научится ценить меня.

Мама открыла глаза и увидела мое встревоженное лицо.

– Все в порядке, Беатрис, – произнесла она с оттенком нетерпения. – Иди завтракать. Мне нужен только отдых.

Меня обидел ее тон. Она всегда обижала меня. Я не дождалась от нее улыбки, которая была мне так нужна. Мне нет необходимости оставаться с ней.

Пока мама отсутствовала, мы с Гарри прошли в столовую и первый раз в жизни пообедали одни за накрытым и освещенным свечами столом. Говорили мы почему-то вполголоса, хотя комната мамы была далеко. Я посидела с Гарри, пока он пил свой портвейн, а потом мы вместе спустились в гостиную и поиграли в карты, пока Страйд не внес чайный столик. Когда я передавала Гарри его чашку, наши пальцы соприкоснулись, но я не задрожала, а только улыбнулась. В дружеском молчании мы долго сидели перед камином.

Этот вечер был как тихий остров в бушующем море страстей. Никто не отвлекал Гарри от меня, мне не угрожала потеря его любви, и я могла просто сидеть и улыбаться и думать. Перед сном он запечатлел на моем лице спокойный братский поцелуй, – честное слово, мне не надо было большего. Всю ночь я проспала совершенно спокойно, без постыдных сновидений.

На следующий день стояла прекрасная погода, и мы решили устроить себе праздник и поскакали вместе к холмам. Мой траур подходил к концу, и я заказала себе некий нейтральный вариант – светло-серую амазонку, которая мне очень шла. Нижняя юбка была сшита из мягкой серой шерсти, а маленький жакетик – из серого бархата. Если к этому добавить изящную серую шляпку, то я могла оставаться в трауре годами, настолько шел мне этот костюм.

На вершине холма мою шляпку унесло ветром, и мы с Гарри оба кинулись за ней. Гарри догнал ее раньше, хотя, признаться, я немного натянула поводья и придержала лошадь. С глубоким поклоном он подал ее мне, как старинный паж – корону своей королеве.

Наши лошади медленно трусили плечо к плечу, по старой, едва заметной дороге. С южной стороны на нас глядело сверкающее и манящее море. В небе кружились жаворонки, с песней забираясь все выше и выше, а затем вдруг стремглав бросаясь вниз к земле. В лесу раздавался зов кукушки, а совсем рядом с нами задумчиво гудел шмель и тихо жужжали пчелы.

Я была одна на моей земле с тем единственным человеком, в котором нуждалась. Сегодня Гарри был ничей, и мое изголодавшееся, ревнивое сердце знало, что мы будем одни еще весь этот долгий вечер. Он будет смотреть только на меня и улыбаться только мне.

Наша беседа текла неторопливо. Мы говорили о последней книге, которую прочел Гарри, о доме, о тех переменах, которые произойдут в октябре. Затем вдруг без перехода Гарри заговорил о Селии.

– Она такая чистая, Беатрис, такая невинная, – начал он. – Я так уважаю ее. Обидеть ее мог бы только негодяй. Она как прекрасная статуэтка из дрезденского фарфора. Как ты считаешь?

– О да, – подтвердила я с готовностью. – Она прекрасна, как ангел. По-моему, только немного застенчива? – Я допустила в моем голосе нотку доброжелательного вопроса.

– И нервна, – согласился Гарри. – С таким животным, как ее отчим, она и понятия не имеет, какой счастливой может быть семейная жизнь.

– Какое несчастье, – осторожно произнесла я. – Какое несчастье для этой очаровательной девушки, твоей будущей жены, быть такой холодной.

Гарри быстро глянул на меня.

– Это то, чего я боюсь, – откровенно сказал он.

Наши лошади уже спустились в маленькую уютную лошину, с одной стороны которой отвесно вздымался холм, а с другой ее скрывала от посторонних глаз небольшая ореховая рощица. Сидя здесь, мы чувствовали себя как в укрытии, и при этом с запада перед нами открывалась половина Англии. Гарри спрыгнул с седла и стал привязывать лошадь.

Я же продолжала оставаться в седле, позволив Соррель неторопливо щипать траву. В моих ушах чисто и настойчиво звенела песня, я знала, что это не жаворонок поет высоко в небе, – это звучит волшебная песнь Вайдекра и сейчас стремительно поворачивается колесо моей судьбы.

– Ты – человек сильных страстей, – продолжала я свою мысль.

Профиль Гарри, стоявшего рядом с моей лошадьёю, отвернувшись от меня, был строгим и чистым, как профиль греческой статуи.

– С этим мне ничего не поделать, – ответил он, и его щеки порозовели.

– Я понимаю, со мной происходит то же самое. Это у нас в крови, я думаю.

Гарри быстро повернулся и уставился на меня.

– Леди всегда воплощает собой совершенство, – продолжала я. – На людях ее поведение должно быть безупречным, но с тем, кого она любит и кого она выбрала, следует быть всегда ласковой.

Гарри продолжал смотреть на меня. Я не находила больше слов. Я просто смотрела на него, не скрывая своей любви и желания, и не понять этого было нельзя.

– У тебя есть жених? – изумленно спросил он.

– Да нет же, – взорвалась я. – И никогда не будет.

Я наклонилась с седла и протянула ему руки. Он опустил меня на землю, и я схватилась за лацканы его сюртука, близкая к истерике от гнева и горечи.

– О Гарри! – простонала я, и мой голос прервался рыданием. Боль в сердце была такой сильной, что даже заглушила песню, звучащую у меня в ушах. – О Гарри! О Гарри, любовь моя!

Он замер от моих слов, будто они превратили его в камень. Я не могла унять слезы. Я погибла, он никогда не полюбит меня, а я не могу сдержаться. Я так ждала его и так стремилась к нему, что теперь, когда его руки обнимали меня, я не находила в себе сил разыгрывать из себя невинное создание вроде Селии. Я схватилась за его сюртук, будто бы тонула. Он продолжал стоять не двигаясь, но его руки обхватывали меня крепко, как клещи. Мои рыдания стали стихать, и я прикусила изнутри щеки, чтобы успокоиться. Медленно, с трудом я слегка отодвинулась от него, чтобы взглянуть в его лицо.

Глаза Гарри стали темными от желания, и его сердце под моей рукой билось как сумасшедшее. Его губы дрожали, и он смотрел на меня так, будто бы хотел съесть живьем.

– Это грех, – низким голосом сказал он.

Мир перевернулся для меня. Я не находила слов, чтобы возразить ему.

– Нет, – заторопилась я. – Совсем не так. Так надо, Гарри. Ты сам чувствуешь, что так надо. Это не грех. Совсем нет.

Голова Гарри медленно наклонилась ко мне, и мои глаза закрылись, ожидая его поцелуя. Он был так близко, что я чувствовала его дыхание и, приоткрыв рот, ловила каждый его вдох. Но он не целовал меня.

– Это грех, – повторил он тихо.

– Гораздо худший грех жениться на женщине, которая холодна как лед, – пробормотала я. – Гораздо хуже жить с женщиной, которая не может любить тебя, не знает, как ей любить тебя, в то время как я провожу все дни, сгорая от любви к тебе. О, пожалей меня, Гарри! Если ты не можешь любить меня, то хотя бы пожалей.

– Я люблю тебя, – возразил он дрожащим голосом. – О Беатрис, если б ты только знала. Но это грех.

Он повторял эти слова как заклятие, чтобы держать себя в руках. Я чувствовала, как его тело напряглось от желания, но он все еще контролировал свои чувства. Он любил меня, он хотел меня, но не прикасался ко мне. Я больше не могла выносить этой пытки и, быстро изогнувшись, со всей силы укусила его дразнящий пленительный рот. Моя рука все еще

держала кнут для верховой езды, и теперь я изо всех сил стукнула его рукояткой по груди Гарри и прорыдала:

– Гарри, я убью тебя. – Я действительно могла бы это сделать.

Я поранила ему губу. Гарри прижал руку ко рту, и, когда отнял ее, на его пальцах была кровь. Увидев это, он вскрикнул и всем телом обрушился на меня. Разрывая на мне платье, он впился в мою грудь, целуя и кусая меня без жалости. Извиваясь, я стягивала с него бриджи, а он пытался поднять мои юбки, путаясь в них.

Все еще наполовину одетые и не осознающие, что делаем, мы катались по земле, и Гарри нетерпеливыми, неопытными толчками вколачивал тяжесть своего тела в мои икры, спину, ягодицы, не находя меня. Но уже через секунду у него все получилось, и это было пугающе, как падение с дерева, и больно, как удар кинжалом. На мгновение мы оба замерли от неожиданности, а потом он принялся терзать мое тело, как терьер терзает пойманную мышь. Я кричала, мои руки и ноги обхватили его спину, и мы, наверное, были похожи на какую-то фантастическую змею. Издав низкий стон, Гарри замер, а я, голодная, неудовлетворенная, выгибала и выгибала свою спину, пока наконец не затихла тоже со стоном облегчения.

Медленно я открыла глаза и увидела голову Гарри на фоне нашего голубого неба и наших жаворонков, поющих где-то высоко-высоко. Владелец Вайдекра тяжело лежал на мне. Его семя было во мне, его земля была под нашими сплетенными телами, наша трава была судорожно зажата в одной из моих рук, и маленькие луговые цветы впитывали мой пот. Наконец, наконец-то я обладаю и Вайдекром, и его хозяином. Наша земля под нами, а он внутри меня. У меня вырвалось рыдание. Та боль желания, которая, казалось, сопровождала меня всю жизнь, и моя тревожная ревность отпустили меня. Услышав мое рыдание, Гарри поднял голову, его лицо было воплощением вины и раскаяния.

– О господи, Беатрис, что я могу сказать? – беспомощно произнес он.

Он сел и спрятал лицо в руки, опустив виновато плечи. Запахнув на груди платье, но постаравшись сделать это не слишком плотно, я села рядом с ним, мягко положив голову на его плечо. Мое тело еще дрожало после его грубого вторжения, мой разум был еще затуманен от счастья, и я не могла понять, что происходит с Гарри.

Он поднял голову в ответ на мое прикосновение и посмотрел на меня с жалким выражением лица.

– Господи, Беатрис! Я, должно быть, так тяжело обидел тебя! А я так сильно люблю тебя. Что я могу сказать? Мне так стыдно!

Минуту я смотрела на него, ничего не понимая, но постепенно его слова проникли в мое сознание, и я поняла, что все случившееся он воспринимает как своего рода насилие.

– Это моя вина, – сказал он. – Я так хотел тебя с того самого дня, когда спас тебя из рук этого чудовища. Господи, прости меня, но я все время представлял тебя обнаженной, как тогда на полу. О, неужели я спас тебя для того лишь, чтобы погубить самому. – И он опять уронил голову в отчаянии. – Беатрис, клянусь небом, я никогда не хотел этого. Я – негодяй, но, Бог свидетель, я не замыслил против тебя ничего плохого. Я даже не думал, что такие вещи возможны между братом и сестрой. Я страшно виноват и не отрицаю своей вины. Но, Беатрис, я даже не знал, что так бывает.

Я мягко положила руку на его глупенькую голову.

– Ты совсем не виноват, – успокаивающе произнесла я. – Тут нет ничьей вины. Ты мечтал обо мне, а я мечтала о тебе. Ты не должен винить себя.

Гарри поднял наполненные слезами глаза, и в них мелькнул лучик надежды.

– Но это большой грех, – неопределенно проговорил он.

Я пожала плечами, от этого движения мое платье немного распахнулось, и взгляд Гарри мгновенно оказался прикованным к моему плечу и округлой груди.

– Я не думаю, что это грех, – ответила я. – Я всегда знаю, когда делаю что-нибудь плохое, а сейчас совсем не так. Я ждала этого всю мою жизнь. И я не вижу в этом ничего плохого.

– Все равно я поступил неправильно, – возражал Гарри, не отводя глаз от моей груди. – Это очень плохо, – повторил он снова. – И никто не может оправдать мои действия, только потому что я не...

Его голос, голос опытного мужчины, совсем упал, когда я легла на спину и закрыла глаза. Гарри вытянулся рядом со мной, опершись на локоть.

– Твои рассуждения нелогичны, Беатрис... – начал он, но я не дала ему продолжить.

Он склонился ко мне и поцеловал мои закрытые веки так легко, как касается бабочка своими крылышками цветка.

Я не двигалась и едва дышала. Я лежала тихо, как лист, а Гарри прокладывал дорожку поцелуев по щеке, по шее и вниз к ложбинке на моей груди. Он отодвинул лбом платье и потерся о мою грудь лицом настолько бережно, насколько до этого был груб, а затем взял в рот мой сосок.

– Это грех, – невнятно пробормотал он.

Его глаза были закрыты, поэтому он не мог видеть, как я улыбалась.

Я лежала спокойно, ощущая на своем лице свет солнца и тяжесть опять прильнувшего ко мне Гарри. Он мог знать все премудрости риторики, но зато я слышала в себе волшебную песнь Вайдекра и легкую власть молодого тела. Мы слегка касались друг друга, и это было как свет молнии перед бурей. Мы терлись друг о друга, как спаривающиеся выдры, лицом к лицу, тело к телу, наслаждаясь каждым мгновением.

– Это грех, и я не стану делать этого, – опять повторил Гарри, и его слова еще больше возбудили нас обоих.

– Не стану, – повторил он опять.

Мы прижались друг к другу, и он скользнул ко мне так же осторожно, как входит выдра в глубокую воду.

– Беатрис, моя любимая, – сказал он. Я открыла глаза и улыбнулась ему.

– О Гарри, моя любовь! Моя единственная любовь. Он застонал и прижался губами к моему рту, и его язык и тело вошли в меня одновременно.

На этот раз мы были более сдержанными, более медлительными. Я скользила и извивалась под ним, чтобы он чувствовал меня как можно больше. Его неловкие движения довели меня до восторга. Затем мы стали двигаться все быстрее и быстрее, пока взрыв чувств не заставил Гарри, приподнявшись, резко вбивать мои плечи и спину в мягкую землю в экстазе и триумфе.

Затем мы долго-долго лежали неподвижно.

Потом я встала, с успокоившимися чувствами и истерзанным телом, и, одевшись, стала вынимать из околоседельной сумки ветчину, еще теплый хлеб, пиво для Гарри в глиняном кувшине и большую ивовую корзинку спелой вайдекрской клубники. Мы ели, как голодные волки, у меня было такое чувство, как будто я постилась целый год. Гарри принес мне стаканчик воды из ближайшего ручья, и какой же вкусной и свежей она оказалась! Доев клубнику, я легла на спину и замерла, глядя в высокое небо. После недолгого колебания Гарри лег рядом со мною, облокотившись на руку и с любовью разглядывая мое лицо. Когда я улыбнулась, он взял прядь моих волос и стал бездумно наматывать их на палец.

– Это тебе приятно, – утвердительно сказал он.

Это не было вопросом, он видел и чувствовал мой восторг, так что у меня не было нужды лгать.

– Да, – без колебаний ответила я и перекатилась набок.

Теперь мы смотрели прямо друг на друга.

– Тебе не кажется, что мы поступаем плохо?

Моральные сентенции Гарри не имели власти над его телом, но ему всегда нужны были слова. Даже сейчас, опустошенный, он хотел словами выразить то, что носилось в воздухе вокруг нас.

– Мы – Лейси из Вайдекра, – просто сказала я.

Этим утверждением я как бы прикрывала и оправдывала свое поведение. Оно звучало по-прежнему гордо, хотя человек, произнесший эти слова, давно лежал в земле, а его сын, мой брат, находился в моих объятиях.

– Мы же – Лейси из Вайдекра, – настойчиво повторила я.

Гарри не понимал. Ему нужно было много слов и высокопарных объяснений. На меньшее он не соглашался.

– Кто еще мог бы обладать мною? – спросила я. – Кто еще мог бы любить тебя? На нашей земле, на которой мы – хозяйева?

Гарри улыбнулся.

– Беатрис, ты раздуваешься от гордости, как маленький павлин. Это всего лишь мелкое поместье. Есть гораздо большие имения и гораздо более древние фамилии.

Теперь я смотрела на него, ничего не понимая. Может быть, Гарри шутит? Но к моему изумлению, он действительно так думал. Мне не верилось, что он мог сравнивать наш Вайдекр с другими поместьями, как будто Лейси могли жить где-нибудь еще, как будто другая земля могла существовать для нас.

– Ты прав, – ответила я, не задумываясь. – Но это ничего не значит. Эта земля принадлежит только одному хозяину и только одной хозяйке. И это всегда будут Лейси из Вайдекра.

Гарри кивнул:

– Хорошо сказано. И никому не должно быть дела до того, что происходит на нашей земле. Я согласен с тобой, наша земля – это наша собственность. Но дома мы должны быть осторожны.

Я широко открыла глаза. Мне казалось, что наша любовь подобна любви бабочки к цветку и не нуждается в том, чтобы ее скрывали от слуг и соседей. Для Гарри же это было нечто совсем другое. Но он прав. Над этим следовало поразмыслить.

– Каким образом мы будем встречаться дома? – спросил он меня. – Моя спальня находится рядом с маминной, и она прислушивается к каждому моему вздоху. А твоя – на втором этаже, где я совсем не бываю. А я хочу видеть тебя, Беатрис.

– А как насчет западного крыла? – предложила я, размышляя вслух. – Мы очень редко пользуемся гостевыми спальнями, и гостиная для завтрака почти всегда стоит закрытая. Почему бы нам не превратить ее в контору, где мы могли бы работать, а свою спальню я переведу в гостевую.

Гарри замер, пытаясь представить будущие перемены.

– Комната для гостей? Какая?

– Которая примыкает к твоей комнате, – сказала я с улыбкой. – Они соединены дверью, – она сейчас загорожена шкафами. Но мы легко можем открыть ее и тогда сможем встречаться в любое время дня и ночи.

Гарри просиял, как ребенок, которому предложили игрушку.

– О Беатрис, как бы это было чудесно!

Но тут лицо его омрачилось.

– Мама, – протянул он задумчиво. – Даже малейшая тень подозрения убьет ее. Я бы никогда не простил себе этого. К тому же существует Селия. И в конце концов, мы должны подумать о твоём будущем.

Я опять почувствовала стену слов, воздвигаемую Гарри между нами, и прикрыла глаза, чтобы мой брат не догадался о том, какие воспоминания о прошлом чудесном лете с Ральфом

приходят мне на ум. Тогда мы не обменивались и полудюжиной слов при каждой встрече. Но Гарри был такой умный.

Я шутиливо толкнула его в бок, и он упал на спину в мягкую, сочную траву. Он легко улыбнулся мне, но тут же его глаза потемнели от желания, и я прильнула к нему. Все его тело напряглось в ожидании предстоящего чуда, но никакого чуда не произошло... Он оставался спокойным. Я подняла лицо к его шее и вытянула губы, будто собираясь поцеловать его. Но вместо этого я тихонько дунула на его кожу и увидела пробежавшую по его телу чувственную дрожь. И так я скользила вниз по его груди, нигде его не касаясь, но он везде ощущал мое присутствие. Мое дыхание как бы проводило прямую линию от его загорелой шеи вниз, к ямочке его пупка. Когда дуновение, исходившее от моих губ, достигло завитков его волос, я откинулась назад, торжествуя. Мои щеки горели, глаза сверкали сознанием моей всепоглощающей власти над его телом.

– Не беспокойся ни о чем, Гарри, – убеждающе повторяла я. – Думай только о том, что ты хочешь сейчас сделать.

Ему не понадобилось много времени на эти раздумья.

Дома мама все еще была нездорова, но голубые тени уже исчезли с ее лица и дыхание стало легче. Одна из горничных призналась нашему дворецкому Страйду, что, кажется, это она забыла закрыть заднюю дверь. Страйд пригрозил ей увольнением и теперь ждал моих распоряжений на этот счет.

– Конечно, ее следует уволить, – велела я.

Я уже и вправду забыла о моей руке, лежавшей на задвижке маминой двери. Страйд кивнул и распахнул перед нами двери. Гарри сидел на одном конце нашего огромного стола, я – на другом. Мы сияли от счастья в ярком свете свечей, как два ангела, и комната, казалось, светилась нашей любовью.

Мы беседовали о земле. Мы говорили о здоровье мамы, о том, что хорошо бы ее вывезти на несколько дней к морю или показать лондонским докторам. Когда Страйд подал для меня фрукты и миндальное печенье, а для Гарри – сыр и портвейн, он оставил нас, поклонившись и тихо затворив за собой двери. Мы прислушались к звуку его удаляющихся шагов. Вскоре все стихло. Мы остались одни.

Гарри наполнил свой бокал темно-красным густым вином и поднял его в мою честь.

– Беатрис! – сказал он с чувством.

Я церемонно приподняла в ответ свой бокал. Мы молча улыбнулись друг другу.

Было утонченное удовольствие в том, чтобы сидеть здесь так чинно и церемонно после нашей яростной, страстной схватки в лощине. Я с удовольствием смотрела на элегантно одетого Гарри и надеялась, что составляю ему хорошую пару в нарядном платье глубокого фиолетового цвета.

Вдруг Гарри разрушил охватившие меня чары.

– Что делать с моей женьбой на Селии? – спросил он. – Как мне поступить?

Я немного встревожилась, потому что почти совсем забыла о Селии. Сегодня я была не в настроении что-то планировать, о чем-то думать. Я чувствовала себя глубоко удовлетворенной, как, должно быть, чувствует себя дворовая кошка после грубой случки со случайным котом. Но Гарри прав – нам следует подумать о Селии. И я с удовольствием отметила, что решение будет нашим общим: его и моим. Никогда больше мама не будет встречать со своими глупыми замечаниями, касающимися меня и Вайдекра. Отныне я сама буду принимать решения.

– Она попросила меня поговорить с тобой, – сказала я. И, вспомнив страхи Селии, касающиеся сексуальности Гарри, я не смогла сдержать улыбки и передала ему содержание нашей беседы. – Она хочет оставить свой дом и стать хозяйкой Вайдекра, ничего не дав тебе при этом, не став тебе настоящей женой.

Гарри кивнул.

– Холодна, как я и думал.

Как и положено вновь обращенному, Гарри был преисполнен энтузиазма. Невинность Селии больше не манила его, ее холодность он презирал.

– Она предлагает сделку, в которой все получает, но ничего не дает, – значительно сказал он.

– Она и вправду немного напугана, – справедливо заметила я, – потому что находит твои ухаживания довольно грубыми.

– Грубыми! – удивился Гарри. – Беатрис, клянусь, я только поцеловал ее в губы и слегка обнял. Ну, может быть, немного прижал... – Он оборвал себя. – Но едва ли я могу назвать это грубым. А ты?

Его рассудительные слова замерли на губах при воспоминании о том, что произошло между нами сегодня, и Гарри удовлетворенно усмехнулся. Одним движением мы оба поднялись и встали около камина, глядя на догорающие дрова. Затем я подняла глаза и взглянула в зеркало: как шел этот темно-фиолетовый цвет моему счастливо улыбающемуся лицу. Сейчас мои глаза казались еще более похожими на кошачьи, отблески свечей играли на моих волосах. Я стояла на расстоянии вытянутой руки от Гарри, дразня его своей близостью.

– Она хотела бы заключить с тобой соглашение, – объяснила я.

– Что она имеет в виду? – осторожно спросил Гарри.

– Она знает, что Вайдекру нужен наследник, и готова пойти на это, – честно продолжала я. – Но я думаю, что она довольно холодна по природе и предпочла бы, чтоб ее оставили в покое. Она – спокойная и застенчивая девушка, и нетрудно догадаться, что ее дом является пыткой для нее. В Вайдекре она ищет мира и спокойствия и заплатит за это рождением наследника.

– Это устраивает нас, Беатрис?

Вопрос Гарри уверил меня, что теперь все в Вайдекре будет решаться по моему слову.

Именно я буду решать, быть ли венчанию. Селия станет пешкой в моих руках, так же, впрочем, как и мама.

Я держу у себя в кулаке самого хозяина Вайдекра, и теперь вся его земля, власть, его состояние будут моими, если только я этого захочу.

Я небрежно пожала плечами.

– Тебе выбирать, Гарри, – равнодушно ответила я, словно не думала только что об этом решении. – Тебе следует жениться, чтобы полностью войти в наследование и забрать опеку над имением из рук лондонских судейских. Иначе нам придется ждать твоего совершеннолетия. Это может быть Селия, а может быть любая другая. Кроме того, жена, которая не ищет слишком часто твоего общества, будет довольно удобна для нас с тобой.

Гарри перевел глаза с затухающего камина на меня.

– Ты находишь меня грубым, Беатрис? – глухо спросил он.

Отрицательный ответ вертелся на кончике моего языка, но какой-то мудрый инстинкт удержал меня. В Гарри был какой-то странный изъян: он смешивал боль и удовольствие. От мысли, например, что он причинил мне страдание, его сердце забилося чаще, а щеки – порозовели. Его возбуждение заставило меня внутренне вздрогнуть. Путь Гарри не был моим, но я могла удовлетворить эту страсть.

– Да, ты причинил мне боль, – медленно выдохнула я.

– Тебе было больно? – спрашивал он так напряженно, словно готов был прыгнуть на меня.

– Ужасно, – подтвердила я. – Ты кусал мои губы так, что из них пошла кровь.

– Ты боялась меня?

– Да. Но я отомщу тебе за это.

Это был ключ к Гарри. Статуя ожила. Одной рукой он прижал меня к себе для жестокого, кусающего поцелуя, а другой, смяв шелк моего платья, впился в мои ягодицы. Мой рот приоткрылся, и он властно уложил меня на пол, взяв меня грубо, как врага. Одной рукой он зажал мне руки над головой, так что я оказалась совсем беспомощна под ним, а другой поднял мои юбки. Но когда я стала сопротивляться, он немедленно выпустил меня, обуздав свой порыв. Однако я высвободила руки только для того, чтобы обнять его.

– О моя любовь! – проговорила я.

Извращенный. Болтливый. Чванный. Но он был хозяином Вайдекра, и поэтому я хотела его.

– Моя любовь, – повторила я снова.

Эту ночь я спокойно спала в своей кровати впервые с тех пор, как умер отец и так ужасно погиб Ральф. Мой дорогой Гарри снял с меня это страшное напряжение, и я чувствовала себя свободной. Ни разу за всю ночь я не услышала щелканья захлопнувшегося капкана и хруста ломаемых костей. Ни разу я не подскочила в испуге, услышав, как ползет к моим дверям страшный калека, волоча на своих обрубленных ногах капкан. Гарри сделал меня свободной. Золотоволосый юноша вывел меня из тьмы моего страха.

Я стояла перед туалетным столиком и пыталась разглядеть в зеркало, какой я выгляжу в глазах Гарри. Я случайно увидела синяк на моей левой груди и с удивлением подумала, что даже не заметила, как это произошло. В раннем свете утра моя кожа казалась шкуркой спелого персика. От белой, с высоким подъемом ступни до кончиков моих каштановых кудрей я была словно создана для любви. Я бросилась обратно в кровать и выгнула шею, чтобы посмотреть, какой меня видел Гарри, когда брал меня на траве или на деревянном полу гостиной. И, внимательно разглядывая себя, я решила, что Гарри и сам должен скоро прийти ко мне. Только начинало рассветать, горничная еще не приходила будить меня, мама спокойно спала в своей комнате. Мы могли бы немного побыть здесь вместе, а потом, после завтрака, сбежать в нашу лощину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.